овинииальный

Международная литературно-публицистическая газета. №6,7 (11-12), июнь-июль 2010 г.

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

Om pegakuuu_

Подводя итоги...

Дорогие друзья! Дорогие наши читатели и авторы! Этот номер газеты «Провинциальный интеллигент 1» можно обозначить как ито-

Во-первых, завершился сигнальный (годичный) цикл новой газеты «ПИ 1», который взял свое начало с августа 2009 г. (т.е., когда вышел первый номер с региональным представительством. Уточним, как положительный факт, что в дальнейшем количество представительств газеты в России и за рубежом стремительно возросло).

Во-вторых, грядут каникулы редакции, которые продлятся до августа (в августе газета вновь будет издаваться). Поэтому в номер «июнь – июль» уже на 32-х страницах вошли материалы этих двух месяцев.

Становление «ПИ-1» проходило в обстановке непростых взаимоотношений как между редакторским коллективом, учредителями и представителями, так и между авторами особенно из города Костомукши. Новое издание «Провинциального интеллигента 1» ещё не может полностью освободиться от стереотипного к нему отношения. Поясним. Некоторые путают два разных (!) издания: «ПИ» и «ПИ 1». А потому напоминаем, что газета «ПИ» была газетой только авторов костомукшского Лито, тогда как международное издание «ПИ 1» открыто авторам из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья

Газета «ПИ 1» имеет учредителей, совет редакторов, своих представителей в регионах страны и за рубежом. Учредителями газеты «ПИ 1» приобретены все права на оформление газеты. Ещё раз подчеркнув, что «ПИ» и «ПИ 1» - совершенно разные издания, мы надеемся, что авторы и читатели смогут, наконец, разобраться в этом!

Если представить цикличное становление нового издания «ПИ 1», то можно сказать, что первый этап был самым трудным (до заключения договора о сотрудничестве с порталом Златы Раповой и ее активным соратником - Владимиром Люльчиком). Учредители издания говорят им слова признательности и уважения. Эти люди никогда не отказывали нам, приходили на помощь при первой необходимости. Надеемся, что и в дальнейшем наше сотрудничество останется столь же дружеским, ненавязчивым и необременительным для сторон, что, несомненно, пойдёт на пользу авторам и читателям.

Следующий этап развития можно смело назвать зрелостью. Газета стала набирать объёмы по страницам. Естественно, стали расширяться рамки представительств. Редакция «Провинциального интеллигента-1» взяла курс на повышение рейтинга издания на выход литературно-публицитической газеты «ПИ-1» на высокий международнопрофессиональный уровень. Возникла жёсткая и серьёзная необходимость новых отношений к отбору (фильтрации) текстового материала, редактуре-корректуре уже отобранного. При выбранной высокой планке стало совершенно необходимо привлечение интересных, заслуженных (именитых) авторов со всего земного шара (благо, в век интернета это возможно!), а именно: юристов, докторов, журналистов, поэтов, писателей и т.д. Надо сказать, что редакторский коллектив нашей газеты проживает в разных уголках планеты: Костомукша, Финляндия, Америка, но это абсолютно не мешает нам общаться (порой, жёстко!) и издавать газету (ИНТЕРНЕТУ споём мы ОДУ!!)

И, конечно, как результат - нас радуют многочисленные отзывы читателей (и авторов) из разных уголков земного шара о том, что газета стала интересной, с разнообразной подборкой на самые разные темы. Нас, несомненно, радует и то, что быть напечатанным на страницах «ПИ 1» стало престижно! Участие в издании организаторов, редакторов, художников, представителей и авторов со всей планеты позволило выпускать достойную газету «Провинциальный интеллигент 1»! И, без ложной скромности, можно констатировать, что первый опыт удался!

Наступает следующий виток развития нашей газеты, но он останется пока в наших

планах и будет сюрпризом читателям.

По ряду объективных причин старый интернет-сайт нашей газеты закрыт, и в настоящее время ведутся работы по созданию нового сайта. В нашем случае эксклюзивность тиража, при доступности к электронному варианту, придаёт особую ценность

Надо особо подчеркнуть, что, ввиду серьёзных обстоятельств по изданию газеты «Провинциальный интеллигент 1», издание утрачивает принадлежность к городу Костомукше и к Республике Карелия. Само издание уже не может считаться костомукшским и даже карельским! Как уже говорилось, газета делается авторами из разных регионов и стран, где более заинтересованы изданием «ПИ 1», чем в Карелии и, в частности,

в городе Костомукше Конечно, хочется, чтобы наступило такое время когда город Костомукша или Республика Карелия проявят заинтересованность в этом издании и сделают так, чтобы газета «ПИ 1» выходила в свет не вопреки (или параллельно), но благодаря их реальной помощи и заинтересованности. Наше издание динамично (т.е. готово, как говорят, «на подъём»), оно не только развивается, но и живо реагирует на разные к нему отношения! И потому мы готовы к любым (нормальным) взаимоотношениям. Как уже было сказано, редакция ведет и будет вести переговоры с новыми авторами и продолжать налаживать связи в разных регионах страны и за рубежом. В процессе издания газеты наблюдается движение, как в любом организме: кто-то уходит, кто-то приходит на его место, а кто-то уже стал сотрудничать на постоянной основе, но само издание уже окрепло и движется к тем рубежам, которые были намечены год назад. И в заключение - благодарим всех, кто оказывал нам финансовое содействие, благодарим всех, кто помогал формировать нашу газету,

благодарим всех авторов, принявших участие в издании «ПИ 1». Благодарим и вас, наши дорогие

читатели! До встречи в августе! Редакция «ПИ 1»

Ларь

Когда я слышу слово «ларь», я ставлю рядом слово «голод». После войны мы около шести лет жили в бараке, в шумном рабочем посёлке, который приютился рядом с крановым заводом. У нас были две просторные комнаты, - не столько просторные, как я теперь понимаю, сколько пустые. В них стояли три койки с пыльными перинами, доставшимися от бабушки, толстоногий стол, пять табуреток и одежный шкаф с замысловатым резным кокошником. Все, кроме, разумеется, коек, сколотил наш отец, работавший плотником на стройке. Доски он строгал возле стайки, где мы держали сначала козу, а потом корову, соби-— подгонял, зачищал шкуркой, травил марганцовкой, покрывал лаком — уже дома, и не только комнаты, но и весь барачный коридор надолго пропитывался запахом красок. А еще у нас стоял ларь около двух метров в длину. Он занимал одну стену целиком и служил кому-то из нас кроватью. Ларь был выше табуреток, и мы на нем сидели, удобно свесив ноги или болтая ими под столом, что всегда сердило и выводило маму из себя. Одноклассники, мои и брата, иногда спрашивали, что у нас там. Мы гордо и таинственно, должно быть, повторяя отца, отвечали: «Энзэ».

В ларе хранилась пшеница. Где, когда и как раздобыл ее отец, никто из нас не помнил. Скорее всего, кто-то расплатился зерном за работу. Зато прочно осело в памяти, что нам не полагалось проявлять интерес к энзэ: там, утопив глубоко в зерне, мать приберегала к праздникам кулечки с леденцами, дешевой карамелью или с орехами, которые присылала изредка из деревни бабушка. Каждую весну — по вёснам было особенно голодно — соседка тётя Шура говорила матери:

- Да свезите вы зерно на мельзавод, накормите детей досыта. И меня на блины хоть раз позовёте. Что вы

Мать испуганно шарахалась от беспечной советчицы. Пролившая в войну немало слёз над нами, голодными, она и слышать не могла о мельнице без смятения.

Хлеб в магазинах шёл по карточкам. Мы, слава Богу, ни разу их не потеряли и не проворонили расторопным карманным воришкам, что частенько случалось с другими в послевоенных очередях. Но хлеба нам всегда было мало. И потом еще, когда отменили карточки, мы не раз сидели впроголодь: то хлеба привозили меньше, то некогда было стоять в очереди, которую занимали с пяти-шести часов утра. Впрок купить не удавалось, продолжала существовать норма — две булки на руки. Белый хлеб семья отдавала отцу. Он вернулся с войны с разрушенным здоровьем и подолгу лежал в больнице. Но и тогда ни мать, ни отец даже глазом не повели в сторону энзэ. Ларь оставался неприкосновенным

Проходили не месяцы, годы. Соседка уже не советовала, а откровенно посмеивалась:

 Скоро, Григорьич, новую квартиру получишь. Ты в передовиках, тебе раньше всех дадут. Так мужики гово-

Пусти уши в люди, всего наслушаешься. То, что говорят, Шура, проверять надо, — уходил от ответа отец. - Говорим мы много, да не всё выходит по-говоренному.

- Будет заливать-то. Все знают, что ты в списке первым остался. Куда ларь денешь? Неужто с собой повезешь? Подари нам на память. Война уже кончилась, а вы всё с ним мыкаетесь.

Хорошая ты баба, Шура, — отец неспешно клал ногу на ногу, обхватывал колени руками и, раскачиваясь на табурете, обдумывал, как бы помягче сказать то, что на языке. Потом с леликатнейшей улыбкой износил

 Да уж больно ты думать не любишь. Война, конечно, кончилась. И не скоро будет. Не заштопались ещё. У всех дырки, не только у русских. А вот неурожай или что другое может случиться. А запасов-то в стране нету. Нет запасов, Шура, всё съели. Куда я тогда с оравой? Четверо их у меня. Ты же не отдашь свой кусок — свои есть просят. Вот и выходит, коротко ты думаешь.

Квартиру мы получили в новой части города. В холодный февральский полдень наш толстенный шкаф с резным кокошником важно проехал на грузовике по людным улицам. Мы прятались за ним от произительного ветра. счастливые от ожидания, под завистливые взгляды, которыми провожали нас бывшие, теперь уже бывшие, соседи. Под боком стояли мешки с пшеницей: ларь ехал разобранным на доски.

Вещи сгрузили прямо в снег у подъезда, машину отпустили. Пока два крепких парня из отновской бригалы носили нашу нехитрую мебель на третий этаж, я стояла внизу и подавала малышам мелкие вещи. Какие-то любопытные старухи пристроились рядом и беззастенчиво разглядывали наш скарб. Одна даже ткнула пухлым пальцем в мешок и, как мне показалось, не без осуждения ворчнула:

- Справный, видать, мужик, даром, что четверо де-Четверо, что ли, вас?

Четверо, — нехотя ответила я.

— Зажиточный, видать, — вздохнула она еще раз, снова ткнула в мешок, теперь уже носком подшитого ва-

ленка, и, так и не угадав, что же там, в мешке, ушла в другой подъезд.

Место ларю с зерном мать с отцом определили на кухне. Он занял всю стену от двери до окна. Дверь стала мешать, ее попросту сняли с петель и унесли в подвал. Мать покрасила ларь темно-зеленой масляной краской, накрыла старым стеганым одеялом, бросила на него небольшую расшитую подушку и зимой спала на кухне: квартира оказалась угловой, холодной, и единственным

теплым местом в морозы была кухня.

С годами мы привыкли к ларю, как к стенам, порогу, окнам в квартире. Он прочно стоял на своем месте, и его не двигали даже тогда, когда обновляли побелку. Очереди лавно схлынули в магазинах, мать по празлникам баловала нас блинами и пирогами, а ларь все стоял: то ли родителям было с ним спокойнее, то ли не знали, как поступить с зерном, то ли просто руки не доходили. Мы о том не спрашивали, у нас, детей, и права голоса не было, когда речь заходила об энзэ. Только я однажды, ударившись в очередной раз при уборке об угол, жестко бросила:

- Мы когда-нибудь избавимся от этого ящика? Тоже мне еще памятник войне..

Мать недобро глянула на меня: Это же хлеб... Что ж его — выбрасывать? С ним по-людски надо

По-людски его давно полагалось съесть.

Мать рассердилась и много-много дней не разговаривала со мной. Только позднее я поняла, что обидел ее не мой дерзкий тон, а то, что я назвала правду, которая, видимо, не раз уже обжигала и её, и отца. Позднее же, вспоминая брошенный матери укор, я часто думала, какого же горя и голода она хлебнула с нами в войну, если столько лет жила, не веря в завтрашний хлебный стол.

Воскресным вечером всей семьёй мы возвращались с садового участка, который выделили отцу и где мы обычно копались всё лето. Усталые, грязные поднялись на свой этаж, всерьёз споря о том, кто первым полезет в ванну. Открыли дверь, перешагнули порог и... попали в лужу. По всему полу растекалась вода. Ничего не понимая, кинулись к кранам. Но затопило нас сверху. С кухонного потолка капало, как в бане. Пахло мокрой пылью и отсыревшей известью. Намокшее одеяло тяжело свисало с ларя, подушка стала совсем плоской. Отец помчался бить тревогу. Я тоскливо думала о предстоящем ремонте. А квартира была побелена по старой традиции к Пасхе, всего месяц назад.

Мать между тем стянула на пол одеяло и подушку. откинула крышку ларя и утопила обе пятерни в зерне. Запахло затхлым. Из возникших воронок шёл легкий парок. Не вынимая рук из пшеницы, мать обессиленно опустилась на мокрый пол и заплакала. Мы стояли над ней и вчетвером твердили, что всё к лучшему, что отец, оказывается, уже обещал зерно кому-то, что его можно, наконец, высушить и на балконе. Чем больше мы утешали, тем мельче подрагивали ее плечи. Мать плакала горько и скорбно, как над покойником, положив голову на зелёный борт ларя. Коса ее сползла с затылка и висела над зерном, и кончик кисточкой выглядывал из-под запястья. Коса у мамы была тёмной-тёмной, а на висках уже просвечивала седина, и на неё с потолка продолжали падать крупные капли волы.

Пшеницу мы высушили и продали за бесценок знакомым, жившим в индивидуальном доме. Хозяин подогнал к подъезду старенькую «Победу», погрузил зерно и попросил меня поехать с ним и придерживать мешки на

Хозяйка суетилась на подворье. Из первого же мешка она черпанула ржавой тарелкой и высыпала зерно посреди двора. Десятка три кур тут же слетелись на праздник словно дети к новогоднему мешку Деда Мороза. Петух горделиво расхаживал по кругу, похлопывал крыльями, говорливый и довольный, будто это он принёс нежданный подарок и созвал всех на застолье. Я сначала весело поглядывала на куриный пир и улыбалась. Но чем дольше я смотрела на счастливую птичью возню, тем смурнее становилось на душе, тем понятнее были недавние слёзы матери. Конечно, не о самом зерне она плакала, а о том, что связывало с ним всю семью. О праздниках, не подаренных нам, о боли в сердце, когда соседка заводила разговор о мельнице, о чёрном послевоенном хлебе, замазкой липнущем к ножу, о белых крошках, которые мы сметали в рот себе со стола, когда отец, поев, выходил из кухни. Об отце, который давился белым хлебом, когда мы ели черный. О себе, своей бестолковой бережливости, которой не было

Я сидела на крыльце и чувствовала, что тоже вот-вот заплачу, что какая-то из кур под моим взглядом вот-вот поперхнётся и подавится лишним зернышком.

Когла я с леньгами и сумкой свежих яиц в прилачу вернулась домой, ларь уже был разобран и вынесен в подвал. Сестра домывала освободившийся угол. Пол и стены там были другого цвета. Мать грустно и отстранённо смотрела на пустое пространство, и кухня обрастала её молчанием, как горьковатым дымом.

А на столе — надёжно, бок о бок, — стояли две свежие булки хлеба, только что принесенные из магазина.

Анна ТУРУСОВА

Поровинциальный Ф МНТЕЛЛИГЕНТ

Tormo_

С Романом мы знакомы вот уже скоро год, и этот человек не перестает удивлять меня своей легкостью на подъем, и, как бы это сказать, реактивностью. Под последним я подразумеваю быстрый и действенный отклик на любое интересное предложение. Недавно у нас состоялся совместный «выступ», в котором поэты группы «Пункт Приема» участвовали вместе с объединением «РеаКон» - детищем Романа. И мне подумалось, что назрел момент попросить Романа поделитьсь своими идеями, творческими убеждениями и планами. Надеюсь, это интервью будет интересно и полезно всем, кто любит и ценит поэзию, новаторство, эксперимент.

-Когда я впервые услышал твоё выступление, а это было на встрече у Марины Мартыновой, то испытал, как сейчас модно говорить, культурный шок. Твоя поэзия меня поразила своей необычностью и энергетикой. Тогда же услышал от тебя это странное словосочетание «реальный конкретизм». Это же получается, если меня математика не подводит, реальность в квадрате. Кто это такой за зверь?

- Видишь ли, Андрей, тут дело не в математике, а скорее в лексике. Дело в том, что когда мы определялись с названием языка, который мы только начали разрабатывать, то для нас было (да и остается) очевидным, что под реальностью надо понимать не нечто действительное, т.е. конкретное, но и возможное действительное. Я даже скажу больше — и возможное действительное, и невозможное. Т.е. мы предполагаем, что реально все. Поэтому получается, что РеаКон — это скорее квадрат в реальности.

- А как он появился? Он, т.е. РеаКон. О, рифма получилась, я ведь тоже поэт.

- РеаКон появился вследствие необыкновенно чуткого взаимопонимания двух людей меня и таллиннского поэта Вячеслава Владимировича Демина. Это когда ты говоришь с человеком и вдруг понимаешь, что ты не с человеком говоришь, а сам собой говоришь. Понимаешь? Вот именно это привело к тому, что в итоге мы стали понимать не только слова друг друга, но намного больше - просто звуки, тишину друг друга и т.д. Вот отсюда и вырос наш "птичий язык", которому впоследствии мы придали художественную форму и назвали РеаКон. Хотя на самом деле мы общаемся так, т. е. мы, по сути, ничего не сочиняем – это наш бытовой язык. Доходило даже до того, что в процессе разговора кто-то из нас вдруг брал ручку и начинал записывать только что кем-то сказанное и из этого рождался стих. Позже, когда мы стали афишировать это дело, то оказалось, что мы не одни такие, что нас понимают. Просто мы были первыми, кто стал это культивировать

Как, наверное, любые начинающие перформеры, мы стали привлекать к себе внимание на улицах и особенно в общественном транспорте. К примеру, подсаживаясь в трамвай и зная, сколько времени понадобится для того, чтобы проехать до следующей остановки, мы подбирали соответствующий по времени чтения стих и исполняли его. Причем, начинали читать не сразу, а выждав некоторое время, сливая себя с пассажирами. А после того, как дочитывали последние строчки, спокойно выходили в открытые двери, как за кулисы, и ждали следующего трамвая. Вот тебе пример прямого и непосредственного действия. А надо сказать, что работало это безотказно. Ну, представь себе - едет человек по своим делам, погруженный в свои мысли, все как всегда, люди как люди и вдруг - на тебе - и все, и нас нет, и опять тишина, но они-то уже не они - они уже другие. И самое интересное, что за 2-3 года подобных экспериментов, я, пожалуй, вспомню всего 2-3 случая, когда кто-либо открыто возмущался. В основном, либо молчали, либо с любопытством наблюдали. Кстати, нас это поначалу очень удивило, потому как мы все-таки предполагали скандал.

Затем был еще один интересный период, когда одни очень сомнительные знакомые, занимавшиеся сомнительными делами, по какой-то необъяснимой причине прониклись РеаКоном. Здесь дело дошло до того, что они регулярно стали приглашать нас на свои вечеринки, проходившие по ночам в банях и номерах. Денег мы с них не брали принципиально, но зато получили уникальный опыт чтения стихов для бандитов и проституток, и, между прочим, две из последних настолько увлеклись поэзией, что через время оставили службу в борделе. А эти сомнительные знакомые предложили нам свое меценатство и участие в издании сборника стихов, и даже сделали первый

Человек действия

взнос в размере 1000 крон для набора рукописей. Мы этой помощью воспользовались, но дальше дело не пошло, потому что кого-то посадили, кого-то не успели, словом, на этом все и закончилось.

Обо всех этих акциях быстро поползли слухи, поскольку Таллинн город небольшой, а если учесть, что по-русски говорит около половины населения города, то и вовсе маленький. В общем к лету 1999 года мы уже имели манифест и были готовы к тому, чтобы собрать зал и соорудить наш первый поэтический выступ. Так и случилось.

- Скажи, пытался ли ты публиковать свою поэзию? Сдаётся мне, что у тебя с этим были проблемы. Кто же будет публиковать на целую страницу повтор одного, ну максимум двух слов на целой странице, как у тебя в «Женщинах». И как ты письменно передаёшь смысл своих стихотворений?

- Эта история, о которой я тебе сейчас поведал, была единственной попыткой опубликоваться. Насколько мне известно, в Москве была написана кандидатская о современной поэзии, где были упомянуты некоторые мои вещи. Я ее, правда, не читал.

Вообще, ты прав. РеаКон — это сценическая поэзия, это не поэзия в чистом виде, которую можно было бы читать с листа. Скорее, это недопоэзия, недоязык. А если язык, то "птичий", язык малолетних детей, язык первобытных людей или клоунов. Поэтому он и понятен при всей своей непонятности. Вот ты говоришь одно, ну максимум два слова, а я, в идеале, представляю себе РеаКон, как поэзию предлогов и междометий. Так что, как видишь, перспектива есть.

Еще в 1999 году я столкнулся с проблемой записывания своих стихов. Ведь для того, чтоб в полной мере их донести, их надо не только правильно прочесть, но еще и показать. Если в первом случае надо лишь четко прописать пунктуацию, здесь мы позаимствовали технику эго-футуристических пауз и уделили большее внимание двоеточиям и тире, то во втором случае мне пришлось изобрести собственный толкователь жестов и телодвижений.

Это определенный набор знаков, со временем переросший в некие иероглифы, с помощью которых я смог передавать те или иные телодвижения. По сути, это такие партитуры танцев, пусть примитивных, но вполне достаточных для того, чтобы освободить слово, придав ему направление.

- По сути, твоей публикацией, если так можно сказать, являются твои выступления? Тебе нравится выступать, это видно невооружённым глазом, хотя я вооружен очками. Что ты испытываешь, когда выступаешь? Что от этого получаешь?

- Да. Для меня поэтический выступ — это единственная полноценная форма действия. На мои перформы приходят люди такие же, как я. Это не обязательно поэты, музыканты, художники или актеры. Это люди, как говорил Я. Друскин, со схожей "сеткой восприятия". Когда я читаю, пытаюсь полностью стереть границу между сценой и залом. Слиться с ними, залезть в них и принять в себя, стать единым с ними и вместе совершать какой-то мистический акт. Безусловно, это освобождает. Это вырывает из времени, пусть ненадолго, но освобождает. А ценнее свободы ничего нет.

Вообще, в моем случае, творчество делится на два этапа - первый, и, наверное, самый важный – это момент рождения стиха, это такое сакральное действо, где я чувствую себя максимально свободным, и второй – его исполнение.

Для того, чтобы раскрыть или, правильно сказать, подать твою поэзию, нужно быть хорошим актёром?

- Нет, не обязательно. Моя практика показывает, что не обязательно. Дело в том, что на своих выступах я иногда прошу кого-нибудь почитать мои стихи. Вот, например, у меня ест стихотворение, называется "Шахматы", оно написано для двоих, соответственно, черных и белых. Оно минималистично, но очень характерно и эмоционально, так вот каждый исполняющий его делает это по-своему и уникально и при этом нисколько не унижает ценности произведения. Я сам постоянно импровизирую и никогда не читаю одинаково одни и те же стихи. Это как раз из тех случаев, когда любая ошибка исполнителя вписывается в контекст.

- Как ты сам считаешь, был ли подобный прецедент в отечественной и мировой литературе?

- Если отвлеченно, то это может быть любая сценическая поэзия, любой синтез движения и слова. Первое, что приходит на ум — это П. Мамонов. Общее есть, но больше в подходе, и то, только начиная с "Шоколадного Пушкина", а это 2001 год — мы обозначили себя двумя годами раньше. Я помню, когда первый раз услышал, а потом и увидел, то просто в себя пришел — это ж надо такое. И, между прочим, искренне порадовался. Оно тогда просто в воздухе висело. Кто увидел, тот взял.

А вообще, я думаю, что каждый уважающий себя художник должен претендовать на неповторимость, поскольку обязан создавать небывалое. А это – своего рода дерзость. Взять хотя бы мой толкователь жестов и телодвиже-

ний — ну нет такого — я не встречал. Когда я его составлял, то совершенно не предполагал, что это вызовет определенный интерес, скорее ожидал насмешек. Я просто искал приспособлений.

- Кто тебя вдохновляет в твоём творчестве? Какие авторы минувших и нынешних времён?

- Хороший вопрос. Мы - реальные конкретисты. И никогда не скрывали своей привязанности к конкретной поэзии, в частности, к Лианозовской школе. Это наши учителя. Мы часто читали их стихи в период нашего становления. Особенно дорог из них Вс. Некрасов. Он просто покорил нас своим минимализмом и больше остальных повлиял на направление Реа-Кона. Это если говорить о непосредственно поэтической форме. Но по сути лианозовцы были абсолютными конкретистами, т.е. понимали слово как слово - "вот это стул - на нем сидят". Именно в этом их чистота и неприкосновенность. Это особенно заметно у И. Холина, в его барачной поэзии. Мы же доверили слову быть чем угодно, как раз благодаря сценической подаче стиха, при этом сознательно используя демонстративно минималистичный текст. Отсюда появились такие наглядные вещи как "да-нет" или "все-ничего", где "да" – это вовсе не "да", а "все" – это "ничего" или наоборот или как получится. Если говорить о концепции, то здесь мы отталкивались от манифестов "Общества Реального Искусства", когда А. Введенский утверждал, что "возможно "рука" надо связывать с "четыре". Это тоже наши учителя. Поэтому, собственно, и РеаКон. Т.е. синтез реального (по сути) и конкретного (по форме) – это возвращаясь к твоему первому вопросу

А что до вдохновения, то к этому я отношусь очень просто – пишу, когда не могу не писать, тут я сам себе не принадлежу, максимально чутко прислушиваюсь к тому, что во мне происходит, и в нужный момент сажусь и записываю Это очень важно сделать вовремя, может быть, даже самое важное и трудное. Намеренно не ищу вдохновения, оно само меня находит. Просто – живу. Поэзия – это то, что между стихами.

Хотя раньше, не скрою, бывало – обчитаешься Сосноры или Айги – и понесло. Но это раньше.

- В Краснодар ты приехал совсем недавно из Эстонии. Почему ты оттуда уехал? Почему на Кубань? Где ты сейчас работаешь?

- Из Эстонии я уехал сначала в Москву, прожил там два года, а уже потом в Краснодар. Уехал потому, что почувствовал, что надо чтото радикально менять, тесно было, душно. Прибалтика вступила в Евросоюз, скучно стало. Менялись ценности, менялись люди, а я не хотел. По той же причине уехал и из Москвы, взял от нее все, что хотел, и отдал все, что мог. Не сложилось. Хотя встретил там очень дорогих мне сейчас людей. А в Краснодаре я прижился только со второго раза - первый раз приехал, прожил три месяца и уехал опять в Таллинн. Вернее, меня увезли – приехали и забрали. На целый год. Ну а потом все-таки пришлось вернуться. Служу актером в Краснодарском Краевом Театре Кукол. Но это совершенно отдельное творчество. Это – сцена. Я без нее не могу.

- Исходя из того, как ты легко организовал проект выступления «Киндевопаз/Заповедник» с «Пунктом Приёма» и другими интересными поэтами, я думаю, у тебя было много разных проектов. Расскажи о некоторых из них и поделись своими планами.

- С "Заповедником" не возникло особых сложностей, потому что я приобрел некоторый опыт в организации поэтических выступов здесь, в Краснодаре. У меня есть свой моноспектакль "Тринадцатый апостол", который я составил из ранних произведений В. Маяковского ("Облако в штанах", "Флейтапозвоночник" и "Ко всему"), я регулярно читаю РеаКон, есть свой зритель, удобная площадка, художники, типография и пр. Когда начинаешь что-то делать, вокруг появляются люди.

Летом прошлого года я ездил в Москву для записи, наверное, самого достойного проекта вне РеаКона — это мелодекламационный проект, в основе которого заложена поэзия русского футуризма, а точнее, поэтического объединения "Центрифуга". Беспрецедентная работа, поскольку этому великолепному явлению до сих пор не уделялось должного внимания. Я начитал стихи таких мощных поэтов как Бомидар, Асеев, Бобров, Гнедов. Альбом был записан совместно с московской группой "МА", надеюсь, что в этом году мы его презентуем.

Вообще за всю свою историю РеаКон сотрудничал с очень большим количеством очень разных музыкантов. Наш поэтический выступ – это всегда импровизация, всегда эксперимент. Мы никогда не повторяемся. В прошлом году на десятилетний юбилей РеаКона я пригласил очень интересный коллектив, который называется "Немытая Европа". Фортепиано, контрабас, арфа, скрипка и гитара – я получил колоссальное удовлетворение. А бывало и такое, когда я читал только под кларнет В. Демина или вообще в тишине.

Может быть, получится напечатать сборник стихов из тех, которые читаемы. Есть и такие. В целом, за 15 лет написано немало. Большая часть моих вещей хранится в архивах В.

Демина, и, если бы не он, то я бы очень многое растерял. Благо, он все дублировал. Помимо этого есть идея поставить моноспектакль по его произведениям. Он очень сильный поэт. На всех поэзовыступах я обязательно читаю его вещи.

- Есть ли у вас последователи? Какова судьба РеаКона?

- Разумеется, после моего отъезда из Таллинна мы не так активны, как в течение первых пяти лет. Меня и В. Демина разделяет не только расстояние, но и граница. Мы периодически созваниваемся, переписываемся. Я знаю, что он пишет, живет целостной духовной жизнью.

Я думаю, что достойными последователями были бы те, кто создал бы свой неповторимый "птичий язык". РеаКон уже состоялся.

- Скажи, поэзия может быть коммерческим проектом? А как в твоём случае? Поэзия приносит тебе деньги?

- Если говорить о РеаКоне, то я продаю билеты и, в лучшем случае, окупаю зал, рекламу и типографские дела. На свои выступы я собираю в среднем около 50 человек – ровно столько вмещает зал. Это как раз те люди, которых К. Воннегут называл "людьми одного карасса".

Одно время я зарабатывал на хлеб тем, что ездил по разным городам со спектаклем "Тринадцатый апостол". Сейчас я работаю на профессиональной сцене – тем и жив.

Видишь ли, у любого художника всегда много соблазнов уйти в прелесть или отдаться другим чувствам, питающим самолюбие. Отсюда и продажность, и попс — коммерция, как ты говоришь. Надо просто знать и всегда помнить о том, что творчество — это всего лишь один из путей к своей сущности, к правде. Один из способов очищения от косности и прочей шелухи, от равнодушия, наконец. А деньги — есть деньги. Деньгам — деньгово.

- Чего бы хотел от жизни? О чем мечтаешь? Чего бы хотел для всех людей?

- Как я уже говорил – реально все. То, о чем я когда-то мечтал, что казалось мне мифом – теперь совершенно обычно и вовсе не запредельно. Самое главное – это Действие. Чего и вам, и всем желаю.

Беседовал Андрей НАСОНОВ г.Краснодар

действие

не только так

еще вот так и так тихо-тихо совсем чуть-чуть чуть больще чуть больше и еще BOT BOT так-так-так-так-так-так тише тише теперь давай так так тихо так-так-так не торопись вот хорошо хорошо хорошо тихо-тихо стой потихонечку давай чуть-чуть чуть-чуть хорошо очень хорошо так можно еще стой-стой-стой-стой-стой-стой вот так хорошо чуть-чуть так еще так еше чуть-чуть теперь давай давай нет не спеши нет-нет нет-нет-нет не так нет не так вот так BOT-BOT-BOT еше-еше-еше не бойся еще еще чуть-чуть да ОНЖОМ можно еще можно все тихо-тихо-тихо не надо больше не надо подожди не трогай

нет

да

Господи

Международная литературно-публицистическая газета

Под небом высокі

Набережночелнинская Всесоюзная стройка по производству автомобилей «КАМАЗ», начавшаяся в 1969 году, безусловно, дала жизнь и литературному объединению «Орфей», которое образовалось в 1971 году под руководством начинающего прозаика Валерия Сурова. В конце девяностых его унесла тяжёлая болезнь, но осталось творческое наследие - более двадцати прозаических сборников, сотни публикаций в столичных литературных журналах.

Орфеевскую эстафету приняли Евгений Кувайцев, Инна Лимонова. Около двадцати лет в общей сложности занятия в челнинском литобъединении проходили под руководством нашего известного земляка, лауреата республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога», поэта Николая Алешкова, ныне возглавляющего

Татарстанское отделение Союза российских писателей. Все эти годы рука об руку с «Орфеем» в городе действовало другое литературное объединение - «Лейсан», собиравшее под своей крышей авторов, пишущих на татарском языке. Эти два формирования связывала крепкая творческая дружба: литераторы проводили совместные занятия, устраивали конкурсы переводов.

Традиции самодеятельных творческих объединений сегодня продолжают профессиональные отделения союзов писателей, которых в городе три - Союза писателей Татарстана, Союза российских писателей и Союза писателей России. И пока существует эта связь времён и перекличка творческих душ, пока бьются в такт поэзии сердца, за будущее нашего города можно быть спокойным. В конце 2008 года при финансовой поддержке торгово-промышленной палаты г. Набережные Челны и региона «Закамье» увидела свет антология челнинской поэзии «Под небом высоким» (фолиант в 480 страниц при тираже 2500 экземпляров).

Предлагаем вашему вниманию стихи некоторых челнинских поэтов.

Николай Алешков

Родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года.

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А. М Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор девяти книг стихов, изданных в Москве, в Казани и Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» имени Александра Прокофьева. В настоящее время – редактор литературного альманаха «Аргамак».

Здесь

Правый берег, поросший лесом, левый берег – цветущий луг. Здесь крестьянским ржаным замесом был я втянут в житейский круг.

От истока реки до устья рыба плещется под волной. Если вдуматься, каждый кустик мне с рождения здесь родной.

Здесь отец мой всю жизнь трудился. Здесь мой дом и моя родня. «Где родился, там пригодился» – эта присказка про меня...

Долго смерти ждать иль недолго, здесь меня похоронят пусть! Я по Каме впадаю в Волгу и взлетаю на Млечный Путь.

Зачерпнув из реки небесной благодати, увижу вдруг правый берег, поросший лесом, левый берег – цветущий луг.

Август в Лаишево

Птиц щебетанье в прибрежных кустах то ли на Каме, а то ли на Волге,* ветра порыв, поцелуй на устах долгий.

Что ещё надо? Люблю тебя, жизнь! Лето уходит, свечой догорая. Ангел небесный, ещё покружись, в прятки с листвой на закате играя.

Ты от напастей меня бережёшь, нежно потворствуя райским забавам... Вдруг пробежит августейшая дрожь по перелескам, по волнам и травам.

Первые капли грибного дождя забарабанят по листьям капризно. Что я запомню, навек уходя от берегов «задремавшей Отчизны»?

Птиц щебетанье в прибрежных кустах то ли на Каме, а то ли на Волге, ветра порыв, поцелуй на устах. Долгий...

* Городок Лаишево находится на слиянии двух рек

Среди созвездий

Смотри на звёзды чаще. Их свету нет преград. В их бездне леденящей сокрыт небесный град.

Смиренно, словно инок, ты небесам внемли. Звёзд больше, чем песчинок на пляжах всей Земли.

И звёздам там не тесно. Душа, как астроном, тоскует о небесном, а тело о земном!

В лучах звезды нетленной почувствуешь полней величие Вселенной, своё слиянье с ней!

Пусть ночь подольше длится – увидишь, как во мгле Вселенная ветвится созвездьями к Земле.

К душе, что ждёт известий, летит благая весть, что там, среди созвездий твоя Отчизна есть.

Романс

Памяти Николая Рубиова

Над серебром заснеженных полей, над белой и безмолвною равниной звон бубенцов послышится старинный, когда раскинет звёзды Водолей.

И я рванусь к тебе, былая Русь, всей памятью, всей болью, всей печалью. Мне журавли под осень прокричали, что я по снегу к матушке вернусь.

Гони, ямщик! Я не жалею слёз. Пускай же тройка скачет, скачет, скачет...

Вон жемчуга на веточках берёз слезами стынут - небо тоже плачет.

В моей больной, поруганной стране опять дела разбойные творятся. И нету сил юлить и притворяться, что «всё путём», что всё по нраву мне.

Гони, ямщик! Я не найду ответ. Я перестану плакаться над прошлым. И санный след серебряной порошей укрыт надёжно. И возврата нет.

Горите, звёзды! Я услышать смог всей кровью зов таинственный и древний. И я скачу – вдруг вспыхнет огонёк в какой-нибудь заброшенной деревне...

Вера Хамидуллина

Поэт, переводчик. Автор трех поэтических сборников: «Я открываю свой альбом» (2004г.), «Подарите любимой весну» (2006г.), «Жучок в янтарном медальоне» (2008г.). Соавтор книги переводов на татарском и русском языках «Два родника родной земли» (2007г.). Стихи Веры Хамидуллиной публиковались в журналах: «Мир без границ», «Интерклуб», «Идель», «Казань», «Лауреат», в альманахе «Дом творчества». Серебряное перо Руси – 2009 г. Член Союза российских писателей. Член Международного Союза писателей «Норый Сороза». «Новый Современник»

Обладатель национальной литературной премии «Серебряное перо Руси – 2009

Грачи прилетели (акростих)

Грачи галдят и кружат меж берез. Ручьи ходы прорыли вдоль проталин. А март-щенок, зиме вцепившись в хвост, Чудачится с веселым бормотаньем.

И, будто слышен колокольный звон, Парящий над проснувшейся природой. Россия дождалась весны прихода И, даст Господь, наступит угомон. Летейских вешних вод утихнет шум, Едва природа заблагоухает. Томление уйдет из наших дум, Едва последний грязный снег растает. Ликуй, земля! И слава тем грачам, Извечно благовест несущим нам!

Не сослали меня В глушь провинции нашей! Не желаю менять На асфальтовый смог Соловья в зеленях, Щи да пшенную кашу, Шорох мыши в сенях И раздолье дорог.

Я и здесь новостей Наглотаюсь, событий, Неформальных идей, Погремушечных фраз. Только мысли правей, Только лица открытей. И у здешних людей Свой Олимп и Парнас.

Мне шагать и шагать, На краю Ойкумены, Что чащоба, что гать -Не сменю свой маршрут. Мне бы не проморгать Легкий шаг Мельпомены; И где «аз», а где «ять» Головы не свихнуть...

Солдатам непризнанного призыва октября 1944 года...

Согласно справке Института военной истории Министерства обороны РФ, самые молодые призывники, 1927 года рождения, были призваны на войну на основании Постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР от 25 октября 1944 года № 6784 с грифом «Совершенно секретно». По итогам войны статус участника Великой Отечественной был закреплен за последними призывниками государственным законодательным актом – Указом Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года. Однако в мирное время вдруг выяснилось, что они не участники ВОВ, а труженики тыла. Военные чиновники ссылаются на мифический приказ

Я дочь солдата того,

не признанного призыва. За эти годы душой впитала его рассказы. Он не посетовал, не пожаловался ни разу На то, что просто страна их,

вычеркнув, подзабыла.

«Ко Дню Победы – глядишь – подарок опять подкинут,

Как в прошлом разе в год юбилейный... комплект постельный», Мой батя верует в милость Божью

и крест нательный Целует – вырвал его когда-то

из пасти минной.

Он восемь лет отслужил:

свой срок, за детей и внуков. Ну, чем не рекрут!

Жаль, только порох не нюхал вовсе. Ему отказано в чести,

в месте и на погосте:

И он, как пони по кабинетам трусит по кругу.

Его призвали в сорок четвертом,

и гриф «Секретно» С его призыва снял в сорок пятом

товарищ Сталин.

Сейчас историю не по разу переписали –

То крив был почерк, то писарчук в состояньи крена.

А может, спишут ошибку эту

со стариками На Перестройку, Дефолт, на кризисы Центробанка.

Их опустили в век скорпионов в паучью банку,

В стране, где вечно стоит у власти товарищ Каин!

Сидим на кухне,

чай пьем под водочку с военкомом. Он – хоть и друг нам,

но в этом деле «не при погонах». Он, распаляясь, все больше злится на недоборы...

А батя просит: «Налей-ка, лучше граненый... полный!»

Р.Ѕ. Ветеранам последнего призыва – тем, кто ушел на фронт в 1944 году, – сегодня подарили надежду. Спикер Совета Федерации Сергей Миронов обещал вернуть им статус участников Великой Отечественной войны со всеми льготами.

Провинциальный 🛈

Пётр Прихожан

Произведения Петра Прихожана публиковались в журналах «Новый мир» (Москва), «Рабочее-крестьянский корреспондент» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Чаян» (Казань), «Идель» (Казань), «Аргамак» (Набережные Чел

В 1970 году в Восточно-сибирском книжном издательстве вышел первый сборник сти-хотворений поэта «Гулливеры». Второй сборник стихотворений «Знакомство» вышел уже в Тат-

книгоиздате в 1986 году.
В 1990 году в московском издательстве «Прометей» увидел свет ещё один поэтический сборник Петра Прихожана «Плата за гадание», в который вошло лучшее из написанного поэтом в разное время.

В 2008 году в издательстве «Московский писатель» отдельной книгой вышла компилятивная поэма «Новая Илиада», написанная Прихожаном по мотивам «Илиады» Гомера на основе перевода Н. Гнедича.

Когда верстался номер, Петр Прихожан ушел из жизни. Произошло это 14 апреля на встрече с читателями в Шишкинском музее г. Елабуги

О чём я беспокоюсь и тужу, мой злейший враг один, наверно, знает. Но я с врагом беседы не вожу, а у друзей своих забот хватает. А у друзей своя печаль и боль, у них свои потери и находки, и нечего к ним лезть с моей бедой, она – товарец не такой уж ходкий. Её ни в розницу,

ни оптом не продашь; назвался даром - не берут соседи. Заснёшь, проснёшься –

те же

дом.

этаж...

И наши беды ждут нас на планете.

Воспоминание

« И вздохнули духи, задрожали ресницы, Зашептались тревожно шелка». (А. Блок. В ресторане)

В забытой глухомани, где дотоле о Блоке не слыхали вообще, его стихи нам декламировала в школе учителка в брезентовом плаще.

Детей войны, познавших бед немало, хлебнувших вдоволь горя и невзгод, она к поэзии высокой приобщала в холодном классе в тот голодный год.

И видели мы в свете мутных окон морщины измождённого лица, побитый ранней сединою локон и медный отблеск вдовьего кольца.

Но распускалась в мире том недобром улыбка на учительских губах, она читала и входила в образ, и вся преображалась на глазах.

Её слова, невнятные вначале и трудно различимые подчас, чем дальше, тем свободнее звучали и волшебством окутывали нас.

Она рукой к отрепьям прикасалась, и вспыхивала перстнями рука, и тридцати оборвышам казалось, что плащ её струится, как шелка.

И в воздухе носились перед нами видения ещё неясных грёз, и веяло туманом и духами от серебристых волн её волос.

А голос звал в неведомые дали и музыкою лился неземной, как будто скрипки пели и вздыхали в пространстве за саманною стеной.

И явственно средь леденящей стужи была капель весенняя слышна: то, видимо, оттаивали души, которые нам заморозила война.

Куда течёт река времён, вбирая радости и горе, и где находится то море, куда течёт река времён?

* * *

Но путь от взоров утаён, и человечество гадает: куда же всё-таки впадает незримая река времён?..

Огнём вселенских похорон пугают мир давно пророки; минуют раз за разом сроки, а всё течёт река времён...

И пополняют пантеон былых времён вожди и боги, цивилизации, эпохи... Течёт, течёт река времён...

На место вымерших племён приходят новые народы, и ширится, вбирает воды река времён. Река времён...

Съедает над Землёй озон и разрушает суть природы прогресс, набравший обороты... Куда течёт река времён?..

* * * Как женщина капризная, весна, не разобравшись в собственных желаниях, куражится и требует внимания то ветрена, то снежна, то ясна. Я ей внимаю... Я в жару пиджак снимаю и в холод надеваю шубу. Я понимаю - это глупо: мешать дожди, снега и пыль. Я не весну,

я женщину прощаю,

которую отчаянно любил.

Ольга Кузьмичёва-Дробышевская

В 2003 году издан первый поэтический сборник «По воле небес». В 2008 году - второй «Раскачивая маятник судьбы» и диск с новыми песнями и романсами «Ты услышишь».

Московская тетрадь

Сорвалось вороньё, разгалделось, растревожив рассветный туман. Сгинул сон. И душе не летелось. Вороньё, как враньё. Сон – обман... Шла песком золотистым и зыбким, в небе звёздном не видела туч, шла на зов несмолкающей скрипки, чей смычок, словно солнечный луч. И рассвет распахнул занавески. Устремилась навстречу ему светлой дымкой, счастливой невестой на порог к жениху своему. Укрывая фатою просторы, тихо слёзы роняла в траву... Так на крыльях желанья покорно я летела к тебе наяву... Только молнии вдруг засверкали, взвился пылью песок до небес, и кружили вороны, кричали, будто правил полётом их бес. Закричала и я. Белой птицей пролетела сквозь тучу тоски... Ты ещё будешь долго мне сниться. Будет память царапать листки.

> Маленькое скерцо в сердце стук-тук. Распахнулась дверца, слышишь, друг? Друг,

* * *

приходи, не мешкай. Время тик-так – разбросало вешки судеб не в такт... Ты со мной простился. Слышишь, набат колокол взбесился, стонет Арбат. Яркие витрины, будто костры. Счастья именины были просты... Прошли... Прости.

В глубине твоих глаз и в объятьях страстей сгину... но твоею я не стану, не тебе подарю сына. не с тобой разделю будни, но с тобою – небес выси... В судный день я и ты будем спасены о любви мыслью.

Осенний дождь.

Утихла к ночи горделивая столица. Колотит дрожь. В пустынной комнате

гостиницы не спится.

Кленовый лист к стеклу прилип, ему полёт

прощальный снится, и ветра свист тоской мертвящею сквозь

щель в окне струится... Я помню, днём у станции метро старик стоял -калека, казалось, в нём

вместились боль, вражда, несправедливость века. Чья в том вина,

что на колени опустили человека? Молчит страна, и не спасут уже ни Рим, ни Ганг, ни Мекка,

ни медный грош, в ладонь ослабшую вонзённый, словно спица.

Едва ль поймёшь слеза стыда или презрения змеится. Колотит дрожь. Крик журавля сменил

чуть слышный писк синицы... Горюет дождь. Глуха российская, бездушная столица.

Алла Орехова

Автор поэтического сборника «Аз есмь», изданного в Казани. Член Союза российских писателей.

Не бабочкой – слоном в посудной лавке Себя я ощущаю рядом с Вами: Сверхбезупречном в строгой камилавке, Жонглирующим кеглями-словами.

Хвала тебе, комедия дель арте! Какая прелесть, эта буффонада: Разыграны все роли, будто карты, И ничего придумывать не надо.

Я добросовестно меняю маски По воле невидимки-режиссера И околесицу несу с подсказки Какого-то безумного суфлера.

Вздыхаю кротко, предлагаю чаю, Веду беседы светские – Мальвина! Забыв приличья, хохочу отчаянно, Вина хлебнув – ну чем не Мессалина?

А может, маски – прочь, подмостки – в прах? Мое предназначенье - быть поэтом. Мне – оставаться на семи ветрах, Вам – никогда не пожалеть об этом.

На столе моём хризантемы Засыхают в хрустальной вазе. Мне с набившей оскомину темы Оборваться бы – как с коновязи.

Мне б принять, как данность, потерю, Усмирить своё ретивое, А оно вскипает: «Не верю, Нас ещё вчера было двое!»

Как нелепа моя попытка Затевать диалог с судьбою! Только платья – такая пытка – До сих пор ещё пахнут тобою.

Олег Лоншаков

Печатался в местных изданиях, в том числе в журнале «Идель», лауреат международного литературного конкурса «Перекрёсток 2009». Первая и пока единственная его книга называется «По обе стороны окна».

* * *

Человек. Собака. Лето. Человеку не спалось, размышлял о жизни этой: Что-то в ней не удалось?

Он поэтом был. Наверно, В спорах с близкими ему вёл себя высокомерно, сам не зная почему.

И не мучился виною, но, поднявши взгляд к луне, понял вдруг, что под луною он с собакой – наравне.

Ведь стихи его не слышат ни собака, ни луна. Он гулять с собакой вышел, Но гуляет с ним она.

Значит всё начать сначала? Где-то в жизни был не прав? А собака сочиняла под луною новый «Гав».

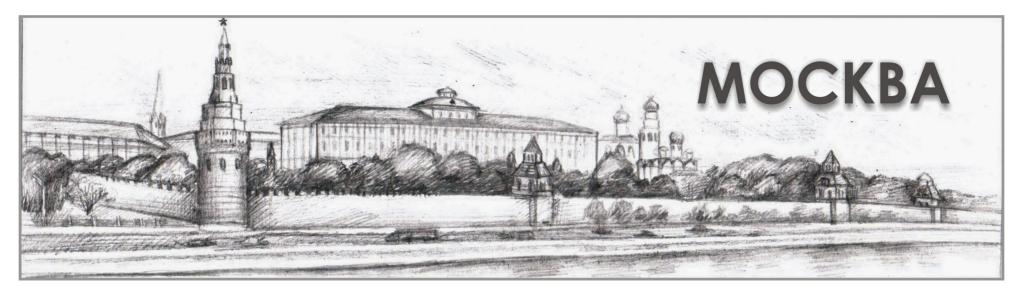
Так до самого рассвета И не вместе и не врозь: человек, собака, лето. Человеку не спалось.

Орган в Пицунде

В Пицунде будешь, в древний храм под вечер приходи... Ты странный вздох услышишь там, потом ещё один, потом ещё, но только вдруг, ты не заметишь, как переплетутся вздохи в звук, пришедший сквозь века. И, словно наступил рассвет, проснётся древний храм...

Сидит сутулый человек у клавиш где-то там. Но он почти не виден вам, играя свой концерт. А может, это дышит храм, а человека нет...

Международная литературно-публицистическая газета

тцов не выбирают

Порывистый ветер с дождем сшибает последние, ржавые листья с тополей и они обреченно пластаются на асфальт, липнут на стены домов, фонари, куда придется. Тоска, одним словом. Тоска такая, какая только и бывает осенью в ненастную погоду, когда кажется, что лето не только кончилось, но его и не было во-

- Hv-c, молодые люди, начнем, пожалуй. Шушорик аккуратно положил стопку тетрадей перед собой и начал протирать очки, исполлобья поглялывая на притихший класс. Под этим взглядом класс весь как-то съежился, втянул головы в плечи и замер в ожидании «расстрела».

Николая Васильевича, педагога по литературе, ученики за глаза называли Шушориком. Что это за «зверь» и откуда взялась эта его кличка, не знал никто. Скорее всего, она за ним приплелась с институтской скамьи, а может, прилепилась и срослась с ним еще раньше, когда он и сам сидел за партой в этой же школе, чем он очень гордился.

- Отоценим вашу любовь к родной литературе. В целом вы меня в этой любви убедили... почти все, и на том спасибо. Само собой разумеется, я верю, что Синицына, как обычно. выучила наизусть весь материал учебника. С ее фотографической памятью это не мудрено. Что ж, оказывается, так тоже можно любить литературу. Правда, от себя ей удалось все-таки добавить в конце сочинения несколько очень жалостливых предложений по поводу плача Ярославны, что значительно обогатило содержание. Итог, надеюсь, понятен.

Понятно также, что эта ее любовь не прошла незамеченной от Купреянова, причем слово в слово. Он трепетно передрал все сочинение вместе с двумя синтаксическими ошибками у своей соседки, добавив от широты своей души еще две, но уже грамматические. Но это уж действительно свои, родные, можно сказать, ошибки, выстраданные.

Но объясните мне, пожалуйста, каким образом Клюев, сидя впереди на две парты, смог, мягко говоря, позаимствовать у Купреянова не только текст, но и все ошибки сочинения Купреянова, для меня осталось загадкой. не иначе, чем телепатией этот феномен не назовешь. Но и тут вкралась погрешность, у Клюева на одну ошибку оказалось меньше, что для меня явилось радостным открытием. Так что, справедливости ради, мне пришлось шесть баллов разделить между этими друзьями почти поровну, плюс-минус туда-сюда. Справедливо? Я тоже так думаю.

Но вот что меня, как бы это сказать разило, если не сказать, потрясло.

Тут Николай Васильевич порылся в стопке и выудил одну тетрадку.

- Хотел я это сочинение напоследок оставить, но, извините, не удержался.

Он встал, снял очки и начал почти торжественно вышагивать по классу, чеканя слова в такт своих шагов

- Не умаляя достоинств «Слова о полку Игореве» как памятника русской словесности конца XII века ваш одноклассник провел исторические изыскания и пришел к выводу, что никакой битвы между дружиной князя Игоря и половцами не было и в помине! Потрясающе!

Класс облегченно выдохнул, поняв, что «снаряды» полетят в другую сторону, и можно слегка расслабиться.

- Я не знаю, из каких источников почерпнуты подобные сведения, но мне они показались любопытными, хотя и весьма спорными. Быть может, сам автор просветит нас, неразумных, утрет нам нос своими познаниями. Ну-с, Громов, мы вас внимательно слушаем.

Из-за парты поднялся Персей. Поднялся и стал переминаться с ноги на ногу.

- Вы, молодой человек, не скромничайте, а извольте на лобное место, так чтобы все могли лицезреть вашу гениальность.

Персей вышел к доске и задумчиво посмотрел в окно, хотя смотреть там было не на что - очередной порыв ветра полоснул косым дождем по окну...

· Ну, что, Громов, вы нам поведаете? Если битвы с половцами, как вы пишите, не было, то, что же там случилось на самом деле?

Персей вздохнул, по привычке подергал себя за мочку уха и начал свой рассказ.

- Значит так. Не было у князя Игоря намерений воевать с Кончаком, не было и не могло быть, потому что они это... дружили они, в обшем. Хан Кончак, когда было нужно, даже становился под знамена князя Игоря, а тот в свою очередь тоже не давал его в обиду, из-за чего постоянно ссорился с киевскими князьями.

Как так?

- Ясно дело как. Ну, там... тайной у них дружба конечно была. А как раз в этот год великий князь Киевский, Владимир Глебович, совершил свой очередной поход и захватил много знатных половцев в плен. И держал их в Киеве, в ожидании выкупа.

- Что-то такое было, признаюсь. В летописях упоминается этот поход. - Николай Васильевич долго пристраивался и все же сумел втиснуться в парту на место Персея, чем, кажется, остался весьма доволен. – Ну, и где же тут связь?

- Да, все просто. У другого хана, Гзака, другана Кончака, родственники оказались в этом самом плену, а бабок... ну, там денег достаточно для выкупа у него не было. Вот он и договорился с Игорем через хана Кончака провернуть дело. Прикиньте, пошел в поход князь Игорь на половцев не с полком вовсе, нет в тексте слова «исполчился», как в летописях тогда писали - просто «поехал» и все. И взял с собой до полсотни человек, родственников и сына Владимира, которому в то время... вот как мне теперь было. Да еще прихватил воз злата-серебра. Спрашивается, на кой ему было с собой возить казну, когда воевать надумал?

Тут Шушорик, конечно же, вставил свое.

- Это точно, в степи киосков со «сникерсами» и «кока-колой» по тем временам не водилось

Класс обрадовано захихикал.

- Ну, вот. Вышли они к речке... Сюурлий, кажется. Речка так себе, коню по брюхо, а на другой стороне, на холме половцы стоят. И их может в десять раз больше. И их лучники как увидали князя Игоря, так сразу в сторону русских по стреле горящей выпустили, да так, чтобы ни одна не долетела, все в воду попадали. Фейерверк устроили маленький, вроде приветствия. Ну, тут русские стали орать сильно, шлемы в воздух бросать, мечами о щиты стучать. И что вы думаете? Половцы страшно перепугались, на коней попрыгали и в степь ускакали, только пыль подняли. И так испугались, что все свои шатры... ну, такие большие кибитки на колесах, побросали, все свои съестные припасы оставили, а главное, дочку хана Кончака с прислугой забыли. Это как вам?

- Ну-ну, и что дальше?

- А что дальше? Дальше, наши переправились через речку, захватили все добро, потом поженили сына князя Игоря Владимира на Кончаковской дочке и стали пировать. И дозора никакого в степь не выставили.

- Это что же получается? Выходит, что князь Игорь с собой калым вроде вез? Чтобы потом заплатить «за бесчестие»? Лихо!

- Персей, а сколько лет было невесте? это уже Гуля Рахимова со второй парты голос Отрывок из недописанного романа «Ступени Богов»

- Сколько-сколько. Не знаю, может столько же, сколько тебе, может еще меньше.

Ой! Да, как же?

- А что? Тогда это запросто было... вставил свое слово Клюев, - раз и в дам... ки!

Этих слов оказалось вполне достаточно, чтобы класс зашевелился, а Рахимова сильно покраснела и стала рассматривать свои ногти.

- Клюев, ерничать будешь за дверью. - Николай Васильевич с трудом вылез из-за парты и чуть не охнул, нога затекла - В этом есть своя серьмяга, был такой обычай, детей женили, чтобы породниться. Очень похоже на степную свадьбу с умыканием невесты и прочим... Тебе, Клюев, это не грозит, не то время, а ты, увы, не сын князя.

- Почему, увы? Слава Аллаху! Представляю, женили бы меня на Рахимовой, и что тогда?

- Помолчи, Клюев. – Шушорик поморщился, но не стал делать «оргвыводов» - Ну, хорошо, Громов, скажи ты нам еще, чем там дело кончилось?

Кончилось, как наверно и договаривались. Все наши разлеглись в шатрах, водки... или что там у них было,

- Верно, медовуха.

- Наверно, это не важно. Важно, что они все перепились, да и расползлись, кто куда. А утром наехал хан Гзак, повязал их всех, в плен, стало быть, взял. Конечно, никого в клетки не сажал. Только гонца тут же отправил в Киев, что, мол, есть и у него пленники русские. Ну, это для того, чтобы обмен произвести. Вот и все. Остальное все придумали позже. Историю-то эту переписывали несколько раз. И каждый раз, по-разному, по своему пониманию. Вот в итоге, спустя почти сто лет, и получилось «Слово». Может, так и надо было, ну чтобы всех князей объединить, да все земли русские собрать в кучу. Чтобы потом Куликовскую битву выиграть.

- Да, Персей, задал ты нам задачку. Может, ты и придумал все, надо бы в летописях поковыряться. Но версия весьма любопытна. Напоследок только скажи, какими источниками ты пользовался при...

В это время дверь в класс открылась и на пороге возникла завуч школы Лидия Семеновна, дама с необъятной талией.

- Николай Васильевич, извините за вторжение, но дело, не терпящее... одним словом, мне нужно на время забрать у вас Громова.

- К вашим услугам, Лидия Семеновна, хотя и весьма некстати, Громов нам самим нужон, но делать нечего, так и быть, забирайте, воля ваша.

Гром

- С сумкой?

- Можешь взять. Хотя тебя же не арестовывать собираются... - класс тут же «отреагировал», - Тихо, дети, тихо, успокойтесь. Николай Васильевич, продолжайте урок.

- Разумеется, что нам остается лелать. Ло звонка еще ого-го сколько времени. Так что мы еще успеем обсудить возникшую проблему со «Словом о полку Игореве».

Персей прошел к своей парте, затолкал учебники в сумку. Уже уходя, еще раз взглянул в окно. Очередной порыв ветра швырнул и приклеил к стеклу желто-красный кленовый лист. Испуганно дрожа, лист не успел рассмотреть, что делается в теплом классе, дернулся и полетел, кувыркаясь дальше, наверно толком и не понимая, за что его оторвали от дерева.

В котельной, правильнее ее нужно бы называть «газгольдерной», потому как на газе работает, тепло и полумрак. Тихо гудят горящие печи да где-то в дальнем углу в какую-то посудину звонко капает вода. Главным здесь отец Вовки Клюева, но сейчас он пошел ужинать, оставив вместо себя наблюдателем Вовку.

- Вовка, ты здесь?

- Перс, ты? Топай сюда. Покурить оставить?

- Ты же знаешь, что я не курю.

- А вдруг сегодня начал... от тебя всего можно... Чего притащился?

- Да так... попрощаться зашел. Мы с мамкой завтра уезжаем.

- Что, отец в Москву вызвал?

- Нет. На Алтай едем.

- А это где?

- Где-где... в Сибири. Тоже мне...

- Да, ладно тебе... А что так?

- Хотят меня в какую-то спецшколу запихать. И работу для мамки хорошую предлагают. - Это другое дело, если работу... Перс,

ты вот чего... ты чо, правда по летописям лазил, чтобы сочинение забабахать?

- Что, насвистел про свадьбу, да? А я, дурак, поверил. И Шушорик тоже.

- Был я там.

- Ты что?

- Да ничто. Был и все. Считай, что во сне... приснилось мне.

- И как?

- Приснилось, что я тот самый Владимир, сын князя Игоря.

- Зашибись! Й что? И во сне женился? Ну, ты ее?..

- Скажешь тоже. Рано еще, маленькая ведь. Понял?

- А я бы эту половчанку...

- Дурак ты, Клюев, хоть и тезка тому па-

- Да, ладно... Перс, а тебе часто такие сны снятся?

- Постоянно.

- И что, каждый раз разные?

Ну конечно Понимаешь я кем и когла захочу быть, то и снится.

- А слабо, тебе... что бы такое придумать... ну, вот Адамом стать? - Слабо. Я был Адамом... только его не

так звали.

- И что? И что? И Бога видел? Ведь он Адама создал?

- Брешешь! Не может быть такого...

- Если тебе легче будет, то брешу. До-

- Ну, и какой он?

- Кто?

- Ну, Бог.

- Обыкновенный. Отец. Создатель. Ну, как все отцы.

- Ну, мой-то... нет, если бы не кирял часто... то вполне.

- Я своего отца не видел никогда, у мамки даже карточки нет. Так что тебе даже повезло.

Наверно.

- Да... отцов не выбирают.

Иван МАЗИЛИН г.Москва

:Провинциальный 🛈

Хорватия

Хорватия необыкновенно красивая страна. С огромным количеством островов, бухтами, возвышающимися горными кручами, усыпанными белыми домиками с красной че-

Сильное впечатление производит крепость города Дубровник, которая сохранилась полностью в первозданном виде с эпохи Средневековья. Крепость была построена в 11 веке.

Если идти по стене, можно увидеть соседние крепости и весь старинный Дубровник, который поместился внутри крепостной стены На то, чтобы обойти город по стене, требуется больше часа быстрым шагом. Это совершенно захватывающая прогулка. Прямо к стенам крепости изнутри примыкают домики, в маленьких садах бегают дети, сушится белье, за стенами в море отправляются в путь парусники.

Городские улицы, согласно статусу Дубровника, строились на разных уровнях, чтобы пожар не перекидывался на соседние дома. Кухни в прежние времена на Балканах разрешалось строить только на самом верхнем этаже, тоже из соображений пожарной безопасности.

Высота стен в Дубровнике достигает 22 метров. Считается, что город основали беженцы из греческого города Эпидавра, покинувшие город из-за наводнения.

Знаменита в Хорватии и гигантская крепость в городе Стоне, которая защищала от турецкого нашествия местные солеварни.

В Хорватии туристов привлекает и город Корчула, считающийся родиной Марко Поло. Тогда этот регион находился под господством Венеции. Кстати, интересна символика: если на гербе города изображен венецианский лев с поднятым хвостом, значит, город вошел состав Венецианской республики добровольно. Если хвост у льва опущен, это означает, что город присоединили в результате войны.

В Корчуле есть разрушенный дом Марко Поло, который собираются восстановить в ближайшее время. В симпатичном магазинчике с одноименным названием продают сувениры с символикой великого путешественника.

Жители Корчулы гордятся тем, что первый распорядок жизни горожан - Устав городабыл составлен еще в 1214 году.

В музее хранятся монеты, начиная с эпохи Александра Македонского. Посуда первого века нашей эры. Чаны, которые наполнялись углями и в зимнее время, ставились под кровать для обогрева.

Городские власти с древности платили врачам Корчулы из казны, чтобы те обслуживали население бесплатно. В городе было много эпидемий, поскольку там, как и в Венеции, имелся недостаток пресной воды. Чтобы избежать сильной жары, улицы, обращенные на запад, прямые. Они летом обдувались мистралем. Улицы, выходившие на юго-восток, напротив, закруглены, чтобы было меньше влаги.

В Корчуле много морской символики. Даже салфетки в ресторанах сложены в виде

Хорваты обладают таким положительным качеством, как умение посмеяться над собой. Например, у них есть анекдот о том, как немец открыл в Хорватии фирму и стремился научить хорватов правильно все делать. Из этого ничего не вышло, и он возмутился. На что хорваты ему стали объяснять : «У нас народ такой, потому что мы 400 лет были под турками». Немец схватился за голову: «Бедные турки!»

Обычаи в Хорватии весьма разнообразны. Главный праздник - Рождество. В сочельник, который называется Бадна-дан, они готовят бакалар из рыбы. Есть два способа приготовления. Первый -белый. Треска тушится с картошкой, чесноком и петрушкой. И красный, когда добавляются еще помидоры и вино.

Само Рождество - мясной день, когда готовится пыршут - вяленая свинина. Еще принято подавать большое количество разнообраз-

На Пасху принято клеить картинки с

На Вербное воскресенье плетут косички

из пальмовых листов.

Зарисовки по Европе

Отмечают в Хорватии «День устрицы». 19 марта. В этот день непременно полагается съесть хоть одну устрицу. Я несколько раз была на «плантациях» устриц. Владелец фермы должен получить государственную лицензию. Сперва устриц выращивают в специальной сетке, потом подросших устриц скрепляют одну за другой и опускают в море, где они растут два года

Есть в Хорватии то, что называется «еда для бедных». Называется «зелено менестро». Для нее нужна стручковая капуста, чеснок, петрушка, свинина и лук. Такая капуста растет у

Еще меня совершенно поразила картина проросших сквозь каменную изгородь кактусов. Они их специально высаживают через равные промежутки по верху ограды.

Неторопливая Вена

Габсбургская классика Вены переплетается с необычными постройками Фриденсрайха Стовассера, архитектора второй половинные 20 века, выступавшего против уродливых коробок, столь привычной для нас архитектуры. Его искусство невозможно ни с чем перепутать: гармония с природой - вот основной девиз архитектора

В кафе на улицах Вены есть специальное собачье меню. А рядом с большими торговыми комплексами можно увидеть большие собачьи миски, наполненные свежей водой. Для чего я это рассказываю? Чтобы показать не только привычные всем и ожидаемые картины монументальности столицы Австрии, но и самые необычные аспекты жизни венцев

На площади героев памятник эрцгерцогу Карлу соседствует со скульптурой Евгению Савойскому. Последнее особенно удивительно, поскольку Евгений Савойский не является представителем династии Габсбургов

Весной сады Вены полны цветущих де-

С прекрасного балкона на главной площади города выступал, приветствуемый восторженной толпой, Адольф Гитлер, в ознаменование воссоединения двух народов - немцев

Кстати, австрийский референдум по вопросу воссоединения собрал даже большее количество сторонников, чем в Германии. Что вовсе неудивительно, потому как, рассказывают очевидцы событий, уровень жизни в Германии после 1933 года был во много раз выше, чем в соседней Австрии, руководимой канцлером Шушнигом. Неудивительно, что австрийцы так ждали этого референдума и так надеялись на него. Ведь еще недавно, в период великой депрессии, многие люди умерли с голода. В Германии же сначала открылись бесплатные столовые, а потом, на волне всеобщего подъема, была ликвидирована безработица.

Площадь героев опоясывает полукольцом Хофбург – это часть зимней резиденции австрийских правителей. Названа площадь в честь победы над турками великими полководцами, памятники которым украшают эту площадь. Вена была разрушена турками дважды. Первый раз в начале 16 века, а потом в конце 17 века.

Во всех зданиях, построенных в правление императора Франца-Йосифа, заложено много символики. Например, скульптуры на фасаде, изображающие абстрактных венцев: монаха, воина и т.д.

В венском лесу можно зайти в часовню кармелиток. Это бывшая резиденция наследного принца Австро-Венгерского престола Рудольфа. Здесь принц и застрелился 30 января 1889 года. Мать Рудольфа Элизабет (Сиси) после смерти принца появлялась только в траурных одеждах. В часовне находится статуя Божьей матери с ножом в сердце, подчеркивающей горе императрицы. Спустя девять лет Элизабет погибла именно от удара ножом в сердце фанатика-анархиста в Женеве.

В Венском лесу расположилось самое большое подземное озеро в Европе. Там были штольни, где добывали гипсовую породу. Но в начале 20 века, в результате взрывных работ, шахту затопило, и на ее месте образовалось озеро с кристально чистой водой. Австрийские власти догадались устроить там музей горного дела и водить туда экскурсии. Во время второй мировой войны вода из озера была откачена, и в подземелье создавались немецкие самолеты марки Хенкенль. На сегодняшний день подземные гроты снова открыты для посещений. Можно даже покататься на лодке по озеру под землей.

Важной достопримечательностью Вены является оперный театр. Он входит в комплекс знаменитого ринга, сооруженного по приказу императора Франца-Иосифа, решившего, что турецкая опасность больше не угрожает Вене, и поэтому городу нет необходимости ютиться за крепостной стеной. С венской оперой связано трагическое событие. Ее строили два архитектора: фон Зикардсбург и Фан дер Нюлль. Франц-Йосиф публично раскритиковал постройку. После чего один из архитекторов умер от инфаркта, второй же повесился. После этой истории император поклялся никогда публично не высказывать свое мнение.

Рассказывая о Вене, невозможно не упомянуть австрийскую кухню. Разумеется, в столице есть множество стандартных ресторанов быстрого питания, как и везде. Но настоящую венскую кухню можно попробовать в знаменитых ресторанах, таких как кафе «Централь», место встречи деятелей культуры и искусства, украшенное канделябрами, огромными зеркалами, портретами. В этом кафе многократно бывал Лев Троцкий.

Я бы рекомендовала непременно побывать в ресторане «У черного верблюда», бывшего местом встречи старой аристократии и сохранившем некую элитарность. Возможно, вас даже встретит сам мэтр Генсбихлер, неоднократно получавший премию сомилье года и рыцаря сырного дела.

Многие люди, бывавшие в различных европейских странах, считают Вену самой красивой столицей мира. Разумеется, это дело вкуса. Мне же в Австрии больше нравятся маленькие города. Как, например, мой любимый Браунауна-Инне. Крохотный городок. Там практически одна небольшая улица. Но на ней расположены красивейшие соборы, памятники и крепостные башни. Сам город очень тихий. Часто можно пройти улицу, не встретив ни одного человека.

Еще одна интересная особенность Евро-- поющие ограничительные полосы на дорогах. Когда машина заезжает на белую полосу, она начинает петь, это сделано специально, чтобы водители не засыпали на трассе.

Многоликий Будапешт

Многие люди, не часто путешествующие по Европе, предпочитают Прагу или Будапешт, считая эти города образцами культуры и величия архитектурного стиля. К сожалению, я не могу до конца разделить эти восторги, так как в Чешской и Венгерской столицах я побывала уже после неоднократных поездок в такие великолепные страны как изящная Швеция, изысканный Люксембург, богемное Монако, свободная духом Италия, ностальгическая Австрия, организованная Германия, не говоря уж о горячо любимой мной Франции. Наверное, мне трудно ехать в красивые, но неухоженные города, после таких стран, которые я сейчас перечислила. Красота городов не окупает отсутствие элементарного сервиса, потому что создается впечатление, что великие люди эти города построили, но возникает вопрос, что за люди живут в этих городах сейчас?

Но не буду больше говорить о недостатках, а расскажу о красоте города Будапешт. В нем все буквально пропитано духом Габсбургов. Это и знаменитый цепной мост, и грандиозный парламент, и президентский дворец. Все это следы принадлежности к могущественной Австро-Венгерской империи. Масштабность строений Будапешта перекликается с величием Вены. Например, парламент Будапешта по архитектурной концепции схож с венской ратушей. А президентский дворец по стилю и масштабности близок с музеямиблизненами на венской Ринг-штрассе или мюнхенским Максимиллионеумом. Это здание, где заседает баварское правительство.

В Будапеште привлекает внимание построенный теми же Габсбургами бастион, рядом с которым стоят на страже каменные львы и ожидающие своего показательного выступления огромные орлы и благородные соколы.

Подняться в старый город можно на красивом фуникулере, расположенном прямо в самом центре города. Первое, что бросится в глаза после подъема, большая смотровая площадка с изумительным видом на весь город и конный памятник Евгению Савойскому.

Одним из обязательных атрибутов большинства европейских городов является чумная колонна, как в Вене, или как чумной фонтан в Дрездене. Поскольку огромное количество жизней в эпоху средневековья забирала чума. то неудивительно, что вода играла значительную роль в жизни горожан. Отходы жизнедеятельности выливались из окон прямо на улицу. Кладбища располагались в центре города, что тоже загрязняло грунтовые воды. Поэтому были необходимы хоть какие-то подобия современных ванн, как фонтан в Дрездене, символ чистоты жителей. Несмотря на то, что канализация была создана еще в Древнем Риме, в наследнице Рима - средневековой Европе, она не была в почете. К сожалению, в нынешнем Будапеште тоже не везде соблюдают чистоту. Возьмем знаменитый, представляемый как один из лучших в мире термальных курортов, «Геллерт», который неприятно поразил «ароматами» хлорки и той же канализации.

Впрочем, не все в плане сервиса в Будапеште плохо. Поэтому тем, кто намеревается почтить этот город своим присутствием, можно рекомендовать речную прогулку по Дунаю на роскошном стеклянном кораблике, которая поражает обилием информации аудиогида на русском и еще на двадцати девяти языках. Радует так же удивительно художественный текст, который читается от имени двух знаменитейших частей города, Буды и Пешта, которые слились воелино, соединенные многочисленными мостами. Обходительный, приветливый персонал судна, говорящий на нескольких языках, поддерживает необыкновенную для места столь массовых посещений чистоту. Приятным сюрпризом является и то, что в стоимость билета входят соки и фруктовые оригинально сервированные коктейли в стильных стеклянных бокалах.

Можно рекомендовать посетить остров Маргет, на котором расположена бывшая вилла губернатора, мини-зоопарк, старинную церковь и различные развлекательные комплексы, как. например, один из СПА-центров и тихий элегантный Гранд-отель в стиле модерн.

Поскольку Будапешт объединился в единую столицу из двух самостоятельных городов. обязательно нужно побывать в обеих частях, разделенных Дунаем. Стоит прогуляться по элегантному бульвару Андраже с множеством впечатляющих вилл, оперным театром, заканчивающимся городским парком и старинной кре-

В тихих переулках Будапешта можно обнаружить изысканные рестораны, никоим образом не напоминающие привычные многим кухни быстрого питания. Хорошая живая музыка, традиционная скрипка, контрабас. Богатый репертуар австрийского и венгерского фольклора.

Кухня поражает высочайшим уровнем приготовления таких традиционных венгерских блюд, как гуляш или утиный паштет.

Оригинальностью отличаются и венгерские сувениры. В основном, это предметы народного промысла: деревянные ложки, яркие вязаные детские свитера, щелкунчик для орехов, фарфоровые емкости для специй с популярным венгерским перцем.

В Будапеште что-то близкое для себя найдут как любители истории, так и желающие просто хорошо отдохнуть. Что касается меня, то мой путь лежал обратно в Вену и города Германии.

Злата РАПОВА

Эксперимент считать неудавшимся

В небесной лаборатории - идет совещание. На него собрались все известные и неизвестные человечеству Боги, для того чтобы решить один очень важный и наболевший вопрос.

Что делать с объектом № 576096867460-986098568684069845-609568-8 под кодовым названием «Земля», состояние которого внушало нешуточные опасения.

- Ну что, доэксперементировался? - в глазах Сварога гнев уже уступал место ехидству. - Объединитель! Что натворил-то!!! - об-

личающий перст ткнул в дымную завесу, покрывающую некогда голубой шарик.

Яхве, угрюмо понурив голову, стоял напротив, за его широкой спиной затаился слабо чего понимающий, но всегда готовый принести себя в жертву Исус.

Крыть было нечем.

- Поверили паразиту «вы мне только несколько тысяч лет для эксперимента дааааайте...» и что?

Где оно твое счастье для одинаковых? Где твой мир, что «теоретически может существовать без основных составляющих»? Где, я спрашиваю?

- «Как лучше?» Ну-ну. И в каком же извращенном сне тебе это «лучше приснилось? И в чем оно заключается?

Может быть в том, что ты изгнал духов природы, в том, что в ручьях не осталось души, а в воздухе силы? В том, что Земля перестала быть матерью, а Солнце отцом?

В том, что из всех Божеств для людей остался только ты?

Но что в тебе хорошего?

Что дал ты взамен утерянного единства с миром? К чему стремился ты, убивая, предавая, издеваясь и топя вверенных тебе людей?

В самом начале ты дал обещание сделать евреев царями?

Я понимаю, тогда ты был слаб, и тебе до зарезу были нужны сторонники.

Но чтобы после стольких тысяч лет кровищи это стало единственным твоим достижением!!!

По-моему, это чересчур.

Кстати, открою секрет: другим народам вовсе не нужны еврейские цари.

Ты скажешь, что все твои действия были направлены на единение?

Единение во имя чего?

Во имя единения?

И чем оно лучше индивидуальности?

Ведь несмотря на полученную, в рамках эксперимента, безграничную власть над объектом, - Сварог еще раз ткнул в затянутый дымом шарик, - ты не достиг даже уровня низших бо-

Даже русалки, на что тварь мелкая, и те – воду в чистоте держали, а ты, - по мановению руки Сварога земной шар приблизился, увеличился в размерах, и стали видны черные трубы, выбрасывающие в реки и озера маслянистую вонючую жижу, – твоя работа? - Это их выбор – угрюмо буркнул Яхве, - я

не ограничиваю свободу. -Что!!!! Ах, ты.... - Сварог чуть не задохнулся от ярости, – ах ты мелочь вруливая. Это ж значит, как убивать миллионы людей только за то, что посмели усомниться в том, что он «самый лучший», так это он может, а как пакость остано-- «свобода выбора».

Но свобода выбора была у людей и до на-

чала твоего эксперимента. И - гораздо большая.

Потому что у них тогда были варианты, из чего выбирать.

Люди могли видеть мир, могли выбрать, какому Богу следовать, относительно каких эталонов формировать свою личность. Это было воистину единство непохожих. И никто не считал другого лучше или хуже, непохожесть воспринималась как что-то само собой разумеющееся.

А в чем заключается свобода выбора у тебя? В тупом выборе «за или против». «Кто не с нами, тот против нас»?

Сколько энергии ты потратил на то, чтобы раздувать пресловутые «войны за веру».

Сколько сил, ресурсов и человеческих жизней угроблено на то, чтобы научить людей ность в выражении покорности тебе.

Ты даже умудрился породить сына-мазохиста Ты создал его для того, чтобы прикончить его при большом скоплении народа. Чтобы подать пример «жертвенности тебе». Чтобы научить «правильно» складывать жизнь к твоим ногам.

- Бог есть любовь, - испуганно пискнул стоящий за спиной Яхве Исус.

- Ой! А он еще и говорящий – несмотря на гнев, Сварог расхохотался, - ну-ну, расскажи нам, отрок, что ты знаешь о любви!

-Бог есть любовь, - прибодрился Исус. Ему явно льстило, что не грозного папу, а его, агнца закланного, спрашивают о таких важных вещах. - Бог есть любовь. Возлюби бога своего... Возлюби ближнего своего...

Выдохнув фразу на едином духе, Исус гордо вскинул голову, ожидая одобрения

-Только и всего? - Сварог снова расхохотался.-И это все, сынок, что ты можешь сказать о любви?

- Бог есть любовь Исус растерялся, он явно не понимал, что от него хотят, - возлюби ближнего своего... возлюби Бога своего...
- Угу, Сварог прекратил смеяться, есть такой анекдот:
 - «- Тебя как зовут?
 - Вовка!
 - А кем хочешь стать?

- Космонавтом.
- А который час?
- Вовка.
- Ты чего, тупой?
- Космонавтом.»
- Грустный анекдот.
- Лицо Сварога вновь стало серьезным.
- Так вот, сынок, обратился он к Исусу, чтобы познать, что такое любовь, нужно прежде всего познать красоту-красоту природы, красоту неба, красоту ледяных ручьев и горячих пу-

стынь. Красоту женщины-любовницы и красоту женщины-матери. Красоту мужчины-воина и красоту мужчины-заботливого главы семьи. Познать красоту рождения жизни и красоту смерти.

Ты не знаешь всего этого.

Ты всего лишь марионетка своего отца, выучившая две фразы и отправленная для того, чтобы показательно умереть.

Ты можешь сказать, что любовь это так же и умение жертвовать?

- Соглашусь.

- Любящий может пожертвовать собой того, кого любит.

Например, Прометей (надеюсь, твой папа рассказывал тебе об этом Великом Титане?)

Прометей, зная, что его обрекут на мучевсе равно принес людям огонь.

Потому что огонь был им нужен.

А ты?

Что ты принес людям?

Прощение от своего папы?

Обещание, что если папа сейчас убъет тебя, то потом не убьет их?

А не кажется ли тебе, что эта проблема слегка надуманна? И, даже можно сказать, искусственно сформирована для того, чтобы запугать и привести к покорности.

- Вот тут, - Сварог ткнул пальцем в шарик есть подобные ребята. Они, как только найдут в какой-нибудь стране нефть, так сразу начинают «спасать» эту страну от террористов, коими и оказываются местные жители.

И это, по-твоему, имеет какое-то отношение к слову «любовь»?

Хотя, зачем я тебе это говорю? Тебе, кукле, созданной с единственным стремлением, - быть до смерти замученным собственным папочкой.

Своим поступком ты возвел жертвенность в абсолют.

Создал из обычного варианта решения задачи некий символ правильности.

Сделал жертвенность не инструментом, но самоцелью и самоценностью, подвигнув склонных к истерике наслаждаться самим фак-

том жертвенности. Но это не любовь, сынок. Это мазохизм. «Возлюбление» же «ближних» всех без разбора и без причины, и без каких-либо других

побуждающих факторов – идиотизм. Один из способов плотно закрыть глаза. на окружающее, ввергнув себя в истерию беспричинной «любви».

Но и это тоже не любовь. Это истерика. Злобная истерика на грани ненависти.

«Возлюби, или брошу в геенну огненную»

И каковы результаты?

Сварог вновь ткнул пальцем в планету:

- Результаты, достойные учения.

Что это у нас там? Загаженная среда обитания.

Почему?

Уж не по тому ли, что, согласно вашему, -Сварог ткнул пальцем по очереди в Яхве и Исуса,вашему учению, человек на земле лишь временно. Что это лишь пересадка перед «прыжком в луч-шую жизнь»? Так они и относятся к Земле, как к перрону. Плюнул, бросил окурок... все равно мне не сюда, а это... ну, кто-нибудь уберет.. наверное...

А каким путем ты научил зарабатывать их

Мусульмане режут христиан, христиане режут мусульман за то, чтобы выслужиться в твоих глазах. Пророки, ведущие к тебе, готовят к самосожжению и массовому уморению голодом своих последователей. Экзальтированные самоубийцы со словом «любовь» на устах «идут ито ты ипростини

Кстати, о прощении. А за что, собственно? «За все»????

То есть ты умудрился прощать их за все по первому требованию? Я понимаю, это, конечно, хороший способ заработать огромное количество сторонников,

но каковы результаты такого «всепрощения»? Окончательная потеря человечеством личной ответственности. Вместо взрослых и сильных людей сплошное истеричное «больше не бууууудуууууу...» и, конечно же, дальнейшее

безответственное поведение. В общем, я думаю, со мною согласятся все уважаемые коллеги, эксперимент младшего научного сотрудника Яхве и его гомункулуса Исуса считать неудачным.

Яхве вернуть на прежнее место работы куратором аравийской пустыни

Контроль над объектом № 5760968674609860-98568684069845-609568-8 под кодовым названием «Земля» перевести согласно штатному расписанию. Богам вернуться в пантеоны, духам природы и стихий – на свои места. В 6.00 по небесному начинаем операцию «возрождение».

Земля облегченно вздохнула, а изувеченное яхвистскими экспериментами человечество в очередной раз испуганно затаило дыхание.

Владисандр ЛЮЛЕЧКИН

Вечер перед снежным летом

Вечер. Лес. Поляна. Зима. Сугробы. Деревья в снегу. Сумрачно. Холодно. Тихо.

Из-за деревьев выходит маленький человечек и волочет за собой коврик. Следом

-Папа-папа-папа, я сам, я сам! – ребенок возится с темным ковриком, расстилает его на снегу. – Я знаю как - мне мама все рассказывала! Нужно положить его в снег, посыпать снегом и попрыгать по нему, тогда он станет чистый, а снег грязный...

Папа падает в сугроб, раскинув руки, и мечтательно смотрит в небо.

- Папа, а снег от нашего коврика ведь испачкается?
 - Ничего, новый выпадет.
- Папа-папа-папа ребенок прыгает по коврику.

-Уф! - мальчик падает на заснеженный коврик. - Но ведь новый снег испачкается об

-Ммм... – папа смотрит в небо и наслаждается тем, что рядом никто не требует почи-

- Наверное, он тоже испачкается, но уже не так сильно?... Папа-папа-папа-папа, - ребенок радостно и старательно прыгает по коврику, - а потом на него выпадет новый снег. совсем-совсем белый и все серое спрячет? ... па-па-па-па-па... а я знаю! А я знаю! ... Ну пааап!

- Я знаю, почему весной снег такой черный!

- Он такой, потому что тот верхний растаял, а внизу всю зиму все коврики чистили, а новый не выпадает, чтобы старый спрятать, потому что уже весна и тепло, потому что когда тепло, снег не падает, а может и падает, только не успевает, потому что он сразу растаивает! Па-па-па-па-па! А пойдем до-

мой, по-моему, коврик уже чистый? - Нет, мама сказала, что он должен стать

совсем чистым. - А совсем чистым, это значит белым.

- как снег? - Да, что-то вроде - рассеяно отвечает папа, которому хочется подальше оттянуть тот момент, когда нужно будет возвращаться
- Па-па-па-па-па! напевает ребенок в такт прыжкам по коврику. - Па-па-па-папа-па! А почему летом не бывает снега? ... я знаю, мама говорила - это потому, что он холодный и летом тает. Па-па-па-па-па! А если бы снег стал теплым, он бы летом не таял? ... ПАА!

- Я говорю, если бы снег стал теплым,
- он бы летом не стал бы таять? -А, нет... - в небе светили звезды, и папа вспоминал те счастливые месяцы супружеской жизни, которые уже много лет как за-
- Па-па-па-па-па! Значит, этим летом
- нужно будет, чтобы пошел теплый снег. - Так не бывает, снег состоит из воды..
- Ну и что! Ну и что! подпрыгивает ребенок на коврике-сугробе – Значит нужно, чтобы пошел сухой снег. И главное теплый, потому что от этого я уже почти замерз!... Папа-папа-папа-папа!...
- Пап, посмотри, по-моему, он уже белыи, поидем домои? – маленькии человечек протягивает большому коврик, который похож теперь на мягкую, пушистую и абсолютно белую махровую простынь.
- ?!...? большой человек с ошалелым лицом, глядит на бывший ранее разноцветнополосатым коврик.
- Папа-па-па-па-па-па! Подпрыгивает на месте маленький человечек - по-йдем до-мо-й! А то я от этого мокрого снега уже мерзну, вот летом выпадет сухой, тогда будем долго-долго в нем быть. Пойдем - маленький человечек тянет большого за рукав, большой человек рассеяно идет следом, продолжая рассматривать коврик.
- Пап, а мы же хорошо почистили коврик? Мама обещала, что если мы хорошо его вычистим, и я буду тебе помогать, она даст ... ну такую штуку, которую она в плите ... выпичает, это выпичайтка называется
- Выпечка, автоматически поправляет

Тихо. Холодно. Сумрачно. Деревья в снегу. Сугробы. Зима. Поляна. Лес. Ночь. Наталья ЛЮЛЬЧАК

Зоя Завадовская

ТИХИЙ ВЕЧЕР

Подари мне надежду На тихий безоблачный вечер, Подари мне звезду, До которой нельзя долететь.

Летний дождик прошел, И опять горизонт безупречен, И не можешь понять, Отчего вдруг так хочется петь...

Спой мне песню заката, Что крылья на небе расправил. Спой мне песню травы, Что шумит над моей головой.

Нам никак не прожить Без когда-то придуманных правил, И никак не уйти От того, что назвали судьбой.

Расскажи мне, куда Улетают бессонные птицы, Расскажи мне, зачем Полыхает на небе закат.

Ночь настанет, и вдруг Нам обоим случайно приснится Мир, в котором часы Повернут свои стрелки назад.

ЗЕРКАЛО

...Себя не каждый узнавал В тупом и мелочном созданье. Как темный зеркала овал Окно в другое мирозданье.

Здесь отражение не лжет, Не льстит тебе подобострастно, Глаза глазами призрак жжет, Лицо невзрачное - прекрасно...

Но в суете бегущих лет Не замечая отраженья, Спешим пройти на красный свет, С судьбою выиграв сраженье.

Но отражение, как тень, Тебя повсюду провожает, Какую маску не надень -Оно лишь душу отражает.

Ты можешь зеркало разбить, Осколки выбросить беспечно, Но отраженье не убить Оно с тобой пребудет вечно.

НЕБО

Я замерзала посреди столицы, Одна в огромном каменном мешке. И вот уже мне сад цветущий снится, И слезы мерзнут прямо на щеке.

Заснула жизнь... Себя не сознавая, Я падаю на твердый серый лед. Холодная, пустая мостовая, Меня в свои объятия берет.

И в этот миг, почти что неживая, Я вижу неба синюю кайму, И теплый ветер солнечного мая В лицо подул. Откуда? - Не пойму.

Меня влечет куда-то далеко... Какая-то знакомая картина... Но на душе бездумно и легко.

Как холошо! И облаков перина

И хочется и плакать, и смеяться, И в небо бесконечное смотреть!.. Все кончилось...

Мне помогли подняться И вновь на свете люди, я и смерть.

И Небо!.. Ты, костлявая, не смеешь Меня в сугроб навеки уложить! Ты все на свете, подлая, умеешь, Но не умеешь радоваться жить!

Я жизнь люблю и буду жить на свете, Пока не скажут люди: «Уходи!» Зимою - думать о зеленом лете, О том, что ждет нас счастье впереди...

Но иногда, в минуту размышленья, Я вижу вновь седые облака, И никогда уже я, без сомненья, Не посмотрю на небо свысока!

Я не помню, в какой стране появилась на свет. Зная только время: 19 век. Долго жила я в окружении прекрасных статуэток, картин, сервизов в городе Казани, в здании, которое называли - музей. С годами краски мои поистерлись, но я всегда – десятилетняя девочка, которая выбежала утром на крыльцо кормить гусей. Гуси тянут шеи к решету с зерном и хлопают крыльями. Ветер качает ветки каштана, нависшие над крыльцом, треплет мою челку и рыжую косичку. Солнце освещает голубую кофточку, розовую юбку с золотистым узором и жилеточку. За моей спиной – стена каменного домика. Вы догадались, наверное, что я - статуэтка. Но не простая. Домик – это ваза для цветов. Правда, сейчас она прохудилась, и ставят в нее только сухие букеты. Да, я забыла представиться: зовут меня Гусятница. Это потому, что я люблю гусей, кормлю их а они никогла не шиплют меня и не шипят. Я знаю людей, которые боятся гусей, обходят их далеко стороной и недолюбливают. Ну, я-то не из таких.

Тихо и мирно жила я, и все любовались мною. Но что-то неладное стала я замечать. Старушки-смотрительницы перестали обедать и даже пить чай. Посетителей почти не было. Однажды раздался страшный грохот, вздрогнули стены, многие статуэтки упали с полок и разбились. Потом наступили совсем ужасные дни. За нами перестали ухаживать, мы покрылись пылью, музей закрыли, перестали топить печи, и я очень мерзла в своем легком наряде. Пришли странные люди с оружием. Они громко смеялись, стучали сапогами, тыкали пальцами и все хватали. Я испугалась и хотела спрятаться за своих соседок Граций. Но они перепугались еще больше, бедняжки, ведь они были почти без одежды, люди произносили непонятные слова: «буржуйские штучки», «народное достояние», «распродажа». Оказалось, это мы - буржуйские штучки, а теперь буржуев нет, хозяин всему народ, и мы - народное достояние. Я не очень понимала, зачем нас нужно продавать, но решила, что хуже не будет. Уж очень замерзла, да и грязной быть несладко.

На распродажу пришло немного людей. Вместо шляп у женщин были повязаны платки, мужчины в фуражках. Все шумели, так что у меня разболелась голова. И лишь некоторые вели себя, как подобает в музее. Я

Гусятница

обратила внимание на молодую пару: он - в форме капитана – речника, она – в шляпке и нарядном платье. Они взяли меня! Вместе со мной они купили Трех Граций (я была очень рада, что нас не разлучили), фарфоровый чайник - уточку, масленку в форме груши, резные шкатулки для хранения писем. Я очутилась в небогатой квартирке, где главным богатством были дети: девочка постарше меня и два мальчика, отчаянные шалуны. Грациям сразу не повезло, их поставили на круглый преддиванный столик, мальчики, играя, толкнули его, статуэтка упала и разбилась. Мы ведь очень хрупкие, сделаны из фарфора. Меня поставили на подзеркальник в зале. Семья много раз переезжала, но место мое оставалось неизменным. В войну меня не сменяли на продукты, как это делали с другими вещами. Мы тогда уже не жили в Казани. Семья переехала в небольшой городок. Дом был светлый и просторный, а под окнами синела Волга. По комнатам бегали дети, совсем маленькие и постарше. Я любила, когда мальши глалили пальчиками мою голову. Но гусей они боялись. Особенно старшая. Однажды гуси, те, что паслись на лужайке перед домом, повалили её на траву, били крыльями и щипали. Крик стоял на всю улицу. Я её пожалела и объяснила, что нельзя брать в руки гусенка, когда рядом родители. Уж я-то хорошо это знала. Девочки была внучками моих хозяев. Они за мной ухаживали: осторожно мыли теплой мыльной водой, очищали пыль щеточкой. Я поняла, что мною дорожат, что я стала семейной реликвией.

Но однажды я услышала ошеломляющую новость: мы едем в Сибирь! К тому времени старые хозяева умерли, я перешла к их дочери и внучке, а она уехала с Волги, от такой красоты, в какую-то неведомую даль. Говорили, что в той Сибири стоят страшные морозы, одна тайга с медведями, а люди живут в шалашах, называемых чумами. Конечно, там нет уютного подзеркальника. Где я буду жить? Гусям хорошо, они везде живут. А у меня нет шубки и капора, рукавичек и валенок. Ах, я замерзну, не вынесу дальней дороги, погибну!

Хозяйка: не замерзла же, не погибла. И дорогу перенесла прекрасно. Мама закутала тебя в вату и очень осторожно везла. И подзеркальник здесь есть. Правда, комната маленькая, не то, что зала в дедушкином доме. Но я поставила тебя на книжный шкаф, там спокойнее. Ко мне ходит много детей, могут толкнуть, разбить. А ты, действительно, наша реликвия. Я помню себя твоей ровесницей. Как горько плакала я, переживая первую большую обиду. А ты стояла рядом на подзеркальнике и молча сочувствовала мне, и молча утешала. Как и ты, по утрам я выбегала на крыльцо с решетом в руках. Только кормила кур. Ты же помнишь: гусей я боюсь. Ты тихонько звала: тега, тега, тегусеньки. А я звонко кричала на весь двор: цып. цып, цып. И куры неслись ко мне, лезли на крыльцо, тянулись к решету. Ветер гладил ветки сирени, нависшие над крыльцом, и мою стриженую голову, раздувал подол коротенького платья, которое сшила бабушка. Вот её портрет стоит рядом с тобой. А на стене - написанный маслом портрет дедушки, того капитана - речника, что купил тебя. Ты уже 35 лет живешь в Сибири. Й неплохо живешь. В окружении книг, нот и кукол. Каждый день ты слышишь хорошую музыку. По-прежнему я мою тебя теплой мыльной водой и смахиваю пыль пушистой метелкой. Все наши родные помнят тебя, а гости восхищаются тобой. Но меня ждут дедушка и бабушка, и я пока не знаю, где ты будешь жить дальше. Но ты живи, девочка! Радуй людей своей красотой, изяществом, необычностью. Я не знаю, есть ли где еще такая статуэтка. И помни о нас. Вещи помнят своих хозяев и могут многое рассказать. А ты помнишь молодость дедушки и бабушки, детство моей мамы и мое детство. Ты много путешествовала и видела в жизни. Из твоих старых подружек осталась только уточка-чайник. Всегда она стоит на праздничном столе. Это тоже наша реликвия. У каждой семьи должны быть свои реликвии, праздники. Как бы я хотела, чтобы ты попала к хорошим людям, которые полюбили тебя. Чтобы тебя окружали доброта, чистота, радость. Расскажи этим людям о нас. Ведь пока жива память, жив и человек.

Наталья ЕРЫШЕВА

«Наточку надо учить музыке»,- сквозь сон слышу я твердый бабушкин голос. Что-то слабо возражает ей мама. Они в зале убирают посуду после чая. Меня уложили в дедушкином кабинете на сундуке, здесь теплее. « Галина Павловна», - опять говорит бабушка. Галина Павловна – это учительница музыки. В нашем маленьком городке нет музыкальной школы, а она учится в консерватории и занимается с детьми у себя дома. Она длинная, сухая и строгая. А вдруг она будет бить по рукам? И зачем меня учить музыке? Не хочу я. Лучше бы отдали в спортшколу. Вон Галька Сухарева какая тоненькая, гиокая. Она ходит в спортшколу. А я неуклюжая. Да и заниматься музыкой нужно долго, чтобы научиться хорошо играть. Деда учит, что любое дело, за которое берешься, нужно делать хорошо. Но наутро бабушка приводит неопровержимый довод: «Вот Рита Мыльникова научилась играть, однажды ехала на пароходе, села за пианино в ресторане и в нее влюбился капитан». Капитан – это да! Как хорошо быть женой капитана! Плавая по Волге целое лето на пароходе. Какая шикарная жизнь! Ведь недаром же я в два годика пела, ухватив пальцами юбку и пританцовывая:

«И на юбке кружева, и на кофте кружева, Неужели я не буду капитанова жена!»

На первый урок повела меня сама бабушка. Как скучно! Как трудно! Нужно учить ноты. Нужно попадать точно в клавишу. И не просто тыкать, ее еще и ласкать нужно, как любимое существо, не бить, а палец при этом должен быть твердым. Попробуй-ка, исхитрись! Когда еще научишься играть, как та Рита Мыльникова. Училась я «со скрипом». Много раз бросала, но под нажимом бабушки начинала сначала. Была в городе еще одна учительница музыки: старая дама Зинаида Иринеевна, дочь генерала. Она занималась

Бабушка

с начинающими, и меня отвели к ней. Девчонка я была строптивая, капризная, но перечить бабушке в нашей семье не смел никто. Бабушка крепко брала меня за руку и вела на урок. У Зинаиды Иринеевны она плотно садилась в кресло и прослушивала урок от начала до конца. Дома клала на стул толстенький том Пушкина, под ноги устанавливала скамеечку и усаживала меня на это сооружение за пианино. Сама становилась рядом с ремнем в руке и не уходила, пока я учила урок. У бабушки было четверо детей и две взрослые внучки, в детстве все они учились музыке, так что бабушка имела богатый опыт общения с лентяями.

Вообще-то, бабушка была добрым человеком. Она никогда не работала, но вела дом. Со своим 4-х классным образованием она растила, воспитывала и учила сначала своих детей, потом внуков и правнуков. В молодости она была большой модницей. Летом дедушка специально возил ее в Казань к ее персональной портнихе. А в годы войны она перешивала нам из старых платьев и пиджаков такие наряды, что мы выглядели богатыми детьми рядом со своими сверстниками. Я помню ее лет 60-ти. У нее было две страсти: пить чай и разводить георгины. В зале до обеда кипел самовар, то и дело в трубу его подкладывали горячие угольки. Бабушка особым способом заваривала чай, перед ней всегда стояла сахарница с колотым сахаром, так как она признавала только чай «вприкуску». Попутно она раздавала распоряжения и поручения всем членам семьи, следила, чтобы дети садились за уроки или шли гулять, и слушала радио. В те времена по радио передавали

много хорошей музыки, и даже целые оперы. Бабушка сама пела и много черпала из этих передач.

С георгинами было много возни. Клубни на зиму убирали в подполье. Когда появлялись ростки, выносили на свет, пересаживали в ящики. Летом кустики высаживали в сад. Они быстро набирали рост и цвели, цвели. Круглые и маленькие, как мячики; с игольчатыми лепестками; бордовые и снежно-белые! Первого сентября все это великолепие срезали. Я помню обеденный стол, заваленный цветами, бабушка собирает букеты. Дедушка дежурит на крыльце. Вот он кричит: «Манечка, скорее. мальчик без цветов идет!» Бабушка спешит по лестнице: «Мальчик, мальчик, возьми цветы, с праздником!» Букеты были настоящие, тяжелые, не как сейчас – в три цветочка. Бабушка переписывалась с такими же любителями, обменивалась семенами. Одной из них была мой педагог из музыкального училища.

Да, я все-таки не бросила музыку. Становясь старше, умнее, я поняла, что бабушка права. Уже в училище занималась с удовольствием. Нравилось, что рояль подчиняется мне, что своей игрой я доставляю кому-то радость. Замуж за капитана — к счастью ли, к сожалению ли — я не вышла, хотя каждое лето ездила по Волге на пароходе, конечно, играла на рояле в музыкальном салоне доля пассажиров и команды. Но кому я доставляла истинное наслаждение, так это бабушке. Она удобно усаживалась у своего самовара и благоговейно, часами слушала мои занятия. Самовар остывал, а она даже забывала крикнуть: «Лелечка, принеси горячих угольков!»

27 июля, в день памяти бабушки, я завариваю крепкий чай и сажусь к пианино. Свой концерт я начинаю «Полонезом» Огинского, любимой бабушкиной пьесой.

ьесои. Наталья ЕРЫШЕВА

Эльдар Ахадов

Десять сказок

На рыбалке

- Соседушко! Айда, на рыбалку! Погода замечательная: ночь, тишина, ни ветерка и на озере никого! — зазывали, заманивали бобры выхухоля. Ну, а что он в доме сидит без толку? Уж, лучше на бережку да, глядишь, и с уловом...

- И-эх! Была - не была! Подай, жена, удочку! Пойду, счастья рыбацкого попытаю!

Подала выхухоль удочку мужу, а ребятишки сами за ним увязались. Интересно же! Расселись все: бобры на другом берегу, а выхухоль с выхухольками на этом, на ближнем. У бобров дело сразу на лад пошло: рыбешек одну за другой таскают из озера. А у выхухоли – ничего. Ни одной поклёвки. Водица ровная, как темное стекло, не шелохнется.

Ребятня копошилась, копошилась, всё ждала чего-то, а потом разом уснула возле папы — выхухоля. Сидит выхухоль с удочкой на бережку, на воду смотрит, печалится и ждёт. Вот уже и к нему сон подкрадываться начал, и вдруг на воде мелькнуло что-то быстрое, узкое, длинное-длинное, огненное. Возле поплавка. У выхухоля чуть удочка из лапок не выпала: «Золотая рыбка! Не может быть!!! Точно — золотая! Эх, не успел...»

И следом – опять неподалеку на воде – вжик! Ух, здоровенное какое! Это ж не рыбка, а рыбища какая-то золотая! Деду из сказки маленькая попалась, и то проку-то сколько с неё можно было выпросить! А тут такое плавает, тут уж всякого добра можно... ух!

Заволновался выхухоль. Начал прикидывать: что ему у рыбищи по хозяйству надо бы попросить. Уж, он-то своего не упустит! Побежал жену будить, чтобы список составляла, пока он золотую рыбищу отлавливает. Та спросонья ничего понять не может, пока объяснил, пока бумагу да карандаш нашли – скорей, скорей!

Прибежал обратно на бережок: а там этих огненных на воде мелькает – полным-полно. Ребятки! Просыпайтесь! Хватайте удочки! Рыбищу золотую ловить будем!!!

Обрадовались выхухольки. Носятся по берегу. Визжат от радости. Балуются. Папа золотую рыбищу ловит! Вот забава-то!

Носился выхухоль с удочкой вдоль берега. Как увидит золотую черту на воде – сразу туда – удочкой трясти. Запыхался весь, взмок. Ноги уже не держат... Не попадается на удочку рыбища золотая! Ну, никак! Ну, никак!!!

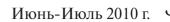
Мама-выхухоль возле дома стоит – с бумагой, с карандашом, в очках, улова ждёт. Старался отец, старался, так устал, что сел на травку, бегать уже не может, удочка из лапок выпадывает, сил никаких. Ой-ёй-ёй...

- Соседушко! — кричат бобры. - Не печалуйся, соседушко! Не вешай носа! Голову подними! Смотри в небе звездопад какой! Звёзды-то какие летают! А ты-то их отражения на воде почто поймать пытаешься? Не надо! Лучше любуйся на красу небесную да ребятишкам, да жене покажи! Повезло тебе: не каждую ночь звездопады случаются! Счастливый ты — соседушко!

Задрал выхухоль голову. Смотрит: и правда, чего расстраиваться... Красота-то какая!!!

(продолжение на стр. 9)

(продолжение)

Выхухоль и поползень

Встретилась однажды русская выхухоль с японской могерой и пошли они искать подружек своих: гигантскую бурозубку и малого подковоноса. Идут они, идут по дороге, а навстречу им вместо малого большой подковонос подвернулся. Как подвернулся, так и лежит посреди дороги с подвернутой ногой. Лежит, стонет: «Где моя остроухая ночница?! Где моя гигантская вечерница?! Где гигантский мой слепыш?! Ой, друзья-подружки мои! И почто вы меня, подковоносика вашего, покинули? Ой-ёй-ёй! О-хо-хонюшки-и-и!!!»

Удивилась русская выхухоль, обернулась к японской могере и говорит: « Слушай, могерушка, отчего это мир так устроен, что кого положено, того рядом нету, а что подвернулось, то кругом без надобности?»

А могерка японская ничегошеньки не слышит, глазки щурит да носом воздух крутит. А вот почему: чудится ей, будто где-то близкоблизко, рядом уже тарбаганом пахнет, да не простым тарбаганом, а самым настоящим монгольским тарбаганищем!

«Сейчас, сейчас, » - бормочет могера да как прыгнет в ночную темноту. Ой, визгу, писку было! Пуха, перьев! Словами не передать... Больше могера не появлялась. Зато выползли из темноты, еле дыша, маньчжурский цокор, желтая пеструшка и дзерен с перевязкой: та ещё компания. Большой подковонос сразу куда-то отковылял.

И осталась выхухоль одна против всех, как обычно в таких случаях и остаются.

«Ты кто?!» – завопили дзерен с цокором А перевязка на всякий случай сзади выхухоли встала. И поняла выхохулюшка, что деваться ей некуда. И подняла она очи к небу и возопила несчастным голосом!

И тут же в небе такой гвалт встречный поднялся! Такой птичий базар начался. Ну, никак за этаким не уследить. Амурский горал и козел безоаровый - уж на что молчуны, и то заблеяли с перепугу. А над головами отчаянной компании колпица кричит, пискулька носится, савка надрывается, авдотка с лопатенем страху нагоняют. Чернозобик с тиркушкой степной, чеграва с пыжиком короткоклювым, с хохотуном черноголовым, со стариком хохлатым, с суторой тростниковой, с говорушкой красноногой такой поднебесный концерт закатили, что сбежали нагловатые выхухолины супостаты. Сбежали не солоно хлебавши и тому радырадёшеньки.

А потом угомонилось всё. Не сразу, правда. И вот открыла русская выхухоль глазоньки испуганные и видит: никого рядом. Пригляделась, как следует. Ан, нет. Есть кто-то. Не спит ещё, хотя уже и светает.

Стоит на тонких ножках своих неподалеку от выхухоли косматый поползень. Стоит, улыбается, клювом тюкает по камешку придорожному. «Слышь, выхухоль, зачем тебе могеры всякие японские? Ты же своя! И я - свой. Давай дружить. Вместе от врагов обороняться будем. У меня родня крепкая, все друг за дружку держатся...»

Согласилась выхухоль русская. И задружили они с той поры. Крепко-крепко. Так что никто больше русскую выхухоль не смел обижать. Только глянут на косматого поползня и тут же молча - в кусты. От греха подальше. Вот ведь что дружба крепкая может сотворить.

Свадьба

Решил выхухоль жениться. Пошел к бобрам-соседям. В хатку бочком влез, поклонился и говорит: «Соседушки дорогие, пора бы мне, знатному выхухолю, остепениться, семьёй обзавестись. А сосватайте-ка мне невестушку из недальней запруды. Говорят, хороша собой: пузико большое, гладкое, лапки махонькие, перепончатые, рыльце чудненькое, длинное, глазки кругленькие мелкие-мелкие, как молодые опятки. Красавица!»

Вздохнули бобёр с бобрихой. А делать нечего, надо соседушку уважить. Поплыли к соседней запруде. А там косматый поползень настороже: «Кто такие? Чего надобно? Подругу свою – выхухоль нежную – не дам в обиду!» Перья распушил, драться лезет. Кое-как угомонили бобры-старики храброго поползня, три раза им в воду с головой пришлось нырять...

И вот вышла выхухоль - на бережок, помолилась солнышку, похихикала невдомёк чему, узелок с нехитрым приданым за спину закинула и поплелась вслед за бобрами на соседнюю запруду замуж выходить.

А поползень косматый, пока они берегом плелись, уже прилетел к жениху на помощь застолье готовить. И был пир на весь мир, и такая невидаль на том свадебном пиру собралась, что, ох. долго вспоминали после местные зайцы да вороны, белки да лисицы про зверушек редких. диковинных...

А прописано про всех них в одной большой печальной книге. В той же самой, в которой и про русских выхухолей говорится. И называется книга та Красной, оттого, наверное, что стыдно людям должно быть, что почти извели они и доверчивых русских выхухолей, и косматых поползней, да и бобрам одно время крепко досталось.

Десять сказок про выхухоля

Кончилась свадьба. Разбежались, разлетелись, расползлись гости дорогие. Кто как. И началась у наших выхухолей новая жизнь. Совет им да любовь!

Ну, что стоите? Идите уже домой. Не мешайте молодым жизнь устраивать, семья ведь оно дело такое - личное, не для чужих

Русская тоска

Напала на выхухоля тоска. И так он от неё уворачивался, и эдак. Нет. Вцепилась в горло, не отпускает. Побарахтался выхухоль в речке. Вылез. Отряхнулся. Посмотрел на воду. Тоска зелёная. Посмотрел на небо. То же самое. Куда деваться?

И пошёл - тоскливый куда глаза глядят. Подальше ото всего. Шёл, шёл, видит: впереди нет никого. И сзади тоже. И сбоку. Вообще нигде никого нет. А тоска рядом. Никуда не пропадает. Сел на землю и завыл волком, только тоненько так, потому что сам маленький.

Через некоторое время ответный вой послышался. А потом красные волки появились. Немного, правда, штуки три. А следом за ними дзерен приплелся и ещё козёл безоаровый. Те не выли, потому что блеять умеют. И вот собрались они все вокруг выхухоля, молчат, прислушиваются.

Они молчат, и выхухоль рот закрыл, на них глазеет. А они на него. Смотрели, смотрели, а потом вдруг улыбаться начали. А потом кто-то хихикнул нечаянно. Козел, наверное. А, может, и волки. Не важно.

это хихиканье про-Но как только скользнуло, так вся тоска куда-то и пропала. Потому что всем вдруг стало смешно. И как начали они смеяться, как начали!.. Никак остановиться не могли. Выхухоль вообще на пузико от смеха свалился, лапками перепончатыми дрыгает, глазки прикрыл, ухахатыва-

А кто-нибудь из вас видел смеющихся красных волков вперемежку с козлами? Вот это зрелище! И не хочешь – расхохочешься!

Смеялись долго, до слёз, до кашля. Коекак успокоились. А потом дзерен и спрашивает у выхухоля: «Ты зачем выл? Откуда в тебе тоска-то такая завелась?»

Задумался выхухоль. Помолчал маленько, а потом и говорит так серьёзно и тихо:

 Не знаю я - почему тоска. Но я – русский. Понимаете? И она - тоже. А русские своих не бросают.

- Не кручинься, брат-выхухоль. Ты теперь не один. И мы тебя не оставим. А тоска пусть себе ждёт, когда мы уйдем. А мы не уйдём, друг, не бросим тебя. Не доставим тоске удовольствия.

И обнялись они все крепко. И рассмеялись опять – громко-громко, от всей души.

Баян

Пошла выхухоль на базар, мужу баян покупать. Он бы, конечно, и сам мог сходить, да стесняется, жену послал. Вот если б дудка понадобилась какая-нибудь или балалайка, ну, гармошка деревенская на худой конец, он бы конечно. А тут – целый баян. Неудобно как-то, лучше жену отправить.

А на базаре-то чего только нет! И гири пудовые, и пряники с повидлом, даже гармошка губная заморская – и та нашлась. А вот баяна-то как раз и нет. Походила выхухоль, походила попусту и обратно к дому пошла. Только к дому подходит: слышит, как муж на баяне играет. Довольный!

Оказывается, пока она по базару мыкалась, к ним же домой прискакал козёл безоаровый с баяном. Где достал и зачем он ему - козёл и сам не понял толком, говорит, мол, через лопухи к речке пробирался, думал, что репьи к хвосту пристали. Оглянулся: а это баян! Целый! Новенький! Заводской - в масле ещё. Заводские всегда маслом смазывают

Набаянились козёл с выхухолью, пока хозяйки дома нет – от души. И с притопом, и с прихлопом. Ещё и поползня косматого к себе позвали. Тот как раз мимо, как бы нечаянно, пролетал. Втроём-то оно по-русски вроде и веселиться привычнее. Тем более, когда тут радость такая – целый баян!

Заходит хозяюшка в дом, а эти трое уже так напрыгались, так начирикались да наблеялись, что и на ногах не стоят. Лежат по лавкам, стонут от счастья-радости баянской.

Огорчилась выхухоль, что без неё это всё прошло, да делать нечего, надо печку топить, мужа кормить. Иначе проснётся голодный и горевать начнет.

Напекла выхухоль оладушек, козла с поползнем подкормила да спровадила из дому потихоньку, и пошла мужа к столу звать: соскучился поди по оладушкам-то...

А баян они на самое почетное место поставили: посреди стола, чтобы если гости нагрянут, то ходить за ним было недалеко. Так он там и прижился.

Пятая сторона света

Сидят выхухоли на крылечке, смотрят, как солнце утром на востоке встает. Потом за весь день набегаются по всяким выхухольим делам, а к вечеру опять на крылечко, следят: как солнце на западе исчезает. Весной ещё птицы разные на север летят, курлычут. А по осени они же обратно торопятся - на юга.

Не вытерпела однажды выхухолева жена и спрашивает:

- Ну, хорошо, раз солнце к нам с востока идет на запад, значит, у нас тут ни востока, ни запада нет. А ежели по птицам судить, то у нас тут ни севера, ни юга тоже нет. Иначе, зачем бы им туда улетать, если то, куда они летят, у нас тут находится? Получается, что от нас можно на все четыре стороны идти, а к нам-то как попасть, а? Мы-то сами где?!

Умная у выхухоля жена, грамотная жалко только, что ничего не знает. Если б знала, то от неё, наверное, вообще проходу не стало бы. Начали они вместе думать. Ничего не придумывается. Тут мимо пролетал хохлатый старик. Позвали его.

-Признавайся, - говорят, - где мы находимся, если тут ни севера, ни юга, ни запада, ни востока нет? Вот где все мы сейчас? Отвечай!

Заволновался хохлатый старик. Клювом щелкать начал. На щелканье авдотка к выхухолям подлетела, а следом лопатень с пискулькой заявились. Думали-гадали - ничего на ум не идёт. Переглядывается птичье племя, крыльями пожимает.

И тут на хохлатого старика звезда упала. Маленькая совсем, но яркая, как искорка. Склевал он её и засиял весь.

- А, давайте, у медведя спросим, - говорит, - он здесь самый большой, наверное, самый умный.

Позвонили медведю, позвали в гости к выхухолям. Мёда пообещали. Знают, что косолапому надо. Ну, медведь тут же пришёл. За мёдом. А что тянуть-то?

- Где, - говорит, - мой медок? В чём дело? На что ответить надо?

И как только ему всё объяснили, так он рассмеялся на всю ивановскую и говорит:

В России мы живём, ребятушки! В России! Есть такая – пятая сторона света. Не запад, не восток, не юг, не север, а просто Россия. Кому непонятно? Давайте сюда мой мёд! Можно с чаем...

Голос выхухоля

Народилось в семье выхухолей две славные маленькие выхухольки. Мама возле них день-деньской хлопочет: то кормит, то песенки поёт, то подгузники меняет. Одичала совсем. Так она однажды и заявила своему знатному выхухолю.

Хватит, мол, отлынивать от детского воспитания. Посиди, мол, часик с детьми, позанимайся, а я пойду коррекцию когтей делать к ежихе. Ну, и пошла.

Остался папочка один на один с выхухольками. А те спят как раз. Носиками длинными посапывают. Он и обрадовался, на цыпочках к дивану пошёл читать свежую газету «Голос выхухоля». Очень важная газета с проблемами: как дальше жить и до чего мы все докатились. Только зачитался, похрапывать было начал, как в детской грохот раздался. Выхухоль туда бегом. А там ... никого. Кроватка на боку лежит. Игрушки разбросаны. Окошко открыто. И только занавески колышутся.

Как прыгнет выхухоль в окно, как помчится сломя голову прямо на речку! Сразу сообразил: куда детки могли направиться. А те уже в бобровую хатку забрались, и давай там свои порядки наволить, безобразничать!

Кое-как собрал выхухоль свою молодую поросль и поволок домой. А выхухольки визжат всю дорогу, из папашиных лапищ всё вырваться норовят. Пока до дома дошёл, одна из двух всё-таки убежала куда-то. Запер он оставшуюся в детской комнате. Окошко на все шпингалеты застегнул да ещё к ручке их привязал. А сам побежал вторую разыски-

А тут мама с когтями модными вернулась. Смотрит: дома дитё одно запертое в комнате плачет-надрывается. Другого - и вовсе нигде нет. И папашка исчез куда-то, одна газета на диване от него осталась на самом интересном месте. Ужас!

Выхухоль кое-как ребенка своего в кустах догнал, запыхался совсем, глазёнки на лбу сошлись, сам думает: ой, что сейчас мне дома будет!

Ну, и было ему дома, конечно, что-то не очень хорошее. Как в воду глядел. С той поры газету «Голос выхухоля» он читает только вслух, громко и бодро и не на диване в гостиной, а в детской комнате. Чтобы не ему одному, а всей семье от газеты хоть какая-то польза была: и жене чтоб нескучно, и дети ума-разума заодно уж набирались.

Выхухоль в отпуске

Пришел как-то выхухоль с работы и говорит: «Всё! Шабаш! Хватит работать! Пора в отпуск идти! Поехали в Испанию!»

 Ура! - закричали выхухольки. - А почему в Испанию, пап?

- А потому вот и потому, - разволновался отец, - слушайте страшную тайну! Только в далекой Испании есть у нас с вами хоть и дальние, но всё-таки родственники. Зовут их Дон и Донья Выхухолио Пиренейские. Очень древний род. У всех полно родственников за границей: у зайцев, у белочек, у ёжиков, а вот нам, настоящим выхухолям, только Испания и досталась. Там, в Пиренейских горах, на границе Испании и Франции живут они. Правда, их там очень мало... Короче, поехали!

И полетели выхухоли ближайшим рейсом самолета завтра же в настоящую Испанию. Дон и Донья Выхухолио Пиренейские встретили их прямо в аэропорту и сразу же увезли к себе в горы.

Вот ведь незадача: народ наш по испаниям ездит, чтобы на пляжах загорать и купаться - Коста Брава, Коста Дорада всякая там, а русским выхухолям для отдыха достались какаято небольшая горная речка да озерко возле него.

Хозяева оказались ростом помельче наших русских, но очень гостеприимные. Закормили испанскими деликатесами. Выхухольский молодняк вдосталь набегался по горам и нахватался разных красивых слов могучего испанского языка, а папа с мамой всё свои пузики серенькие на солнышке грели и улыбались.

В конце отпуска старший выхухоль даже запел для мамы, как будто опять в России половодье началось. Настоящий выхухоль обычно в половодье только и поёт. А тут, наверное, солнышко повлияло. Правда, пел он, как обычно, на русском выхухольском, поскольку к прочим языкам, несмотря на все усилия, оказался совершенно не способен.

В общем, после отпуска мама сказала, что, наверное, скоро у выхухолек появятся братишки или сестрёнки, или братишки с сестренками.

Вот ведь что выхухольское пение с женской душой может сотворить! Представляете? «Эх, вдо-ооль по Питерской!..»

Селедка

«А, ты здесь?» - мордочку выхухоли мучительно озарила вялая радость. За прилавком магазина перед ней стыдливо стояла японская могера. После того, как её место лучшего друга занял косматый поползень, прошло уже достаточно времени, чтобы простить ей всё и забыть как-нибудь. Но не получилось.

«Чего изволите? Мы вам так рады, так рады!» - прощебетала могера неожиданно для себя и до того неестественно приторнолюбезно, что выхухоли тут же захотелось поскорее что-нибудь купить у неё и немедленно уйти подобру-поздорову.

Выхухоль второпях купила какую-то селедку в вакуумной упаковке и тут же рванула домой к мужу и детям. «Вот и свиделись», - на прощанье подумала она.

На улице назревала лютая весна. По траншее между нависающими сугробами выхухоль скоренько добралась до дома, быстро отварила гречневой каши, скипятила мужу воду для чая и молока ребятишкам. Разложила на столе ложки, вилки, тарелки и кружки.

«Родимые! Йдите-ка ужинать!» - нежно позвала выхухоль своё семейство, которое тут же и набежало со всех сторон к столу.

И что же вы думаете? Селедка-то оказалась тухлой! Вот она какова, могерушка... Айяй-яй! Что ж это делается-то, а?

Выхухоль подколодный

Ходит выхухоль по дому из угла в угол. Ходит. Ворчит. Выглянет в окно:

- A? - спрашивает.

- А! - эхо ему отвечает. И горы выхухолю не те, и реки не туда, и всё, как попало. Да разве ж можно так жить?

И опять ходит он по дому из угла в угол, и опять хандрит.

А на улице дождик идёт. И невдомёк бедолаге носатому, что дождь на самом деле идёт именно потому, что выхухоль хандрит, а не наоборот. И потому выхухолиха права, что ворчит на него из-за бесконечного дождя, а он-то спроста считает, что рехнулась жена. Ничего подобного. Ныть надо меньше, дождя и не будет. А он из дома ушлёпал, чтоб не слышать упреков.

Нахохлился, залез под какую-то колоду деревянную и трясётся. А дождь ещё пуще наяривает. Подлетел к колоде косматый поползень. Рядом хохлиться начал.

Прячутся от дождя, ворчат оба. Хохлатый старик их услышал и тоже под колоду полез ворчанию подсобить... Недолго, правда, товарищи ему подсобляли, сомлели под колодой, свернулись калачиками и спят.

Не спит один выхухоль подколодный. Ноет и ноет. Всем надоел. Прибежали выхухолята молодые:

Пап, вылезай! Оладушки дома стынут!

Умолкла колода. Голод не тётка. Нытьё нытьём, а оладушки ждать не будут, как остынут, так совсем уже не то. Побежал. Припрыгал домой и скорее за стол. Оладушек налопался, в окошко глянул. А там – радуга. И солнышко сияет.

Вот же, блин, здорово-то как!

Провинциальный 🛈

расноярск<u>.</u>

Наталья Арбатская

Один и тот же сон мне часто снится: Я подхожу к открытому окну, Взмах рук, толчок – и я, подобно птице, Взмываю в голубую вышину.

Затянуто все небо облаками, Что липнут, будто тополиный пух. Я нежно раздвигаю их руками, И у меня захватывает дух:

Внизу – деревья, улицы и крыши Плывут, сменяясь. Поборов испуг, Я поднимаюсь выше, выше, выше... Вот подо мною старый виадук

И рельсов металлические нити, А вот и наш красавец Енисей. Такого края, сколько не ищите, Вам больше не найти в России всей.

Пусть здесь зимой трескучие морозы, И даже в мае снег порой идет, Пускай здесь не растут, как в Сочи, розы, И свежий ветер дует круглый год.

Но все же я люблю свой край суровый -Лесные чащи и разбег полей, И без конца стихи писать готова Во славу малой родины своей.

О, как мне охватить единым взором Места, что стали волею судьбы Мне Родиной – таежные просторы, Саяны, заповедные "Столбы".

И как мне передать единым вздохом И птичьи трели, и журчанье вод, Что с юга средь камней, поросших мохом, На крайний Север Енисей несет?!

Смогу ли описать единым словом Все, чем земля сибирская богата, Чтоб вы смогли увидеть в свете новом Тот край, что местом ссылки был когда-то.

* * *

А впрочем, я достаточно сказала. С собой в полет вас лучше позову, Чтоб убедились вы, что я видала Все это не во сне, а наяву!

За дотошность твою и назойливость, и за жирные «точки над і», и за то, что порой, словно в горле кость, резюме меня ранят твои; За стальное твоё беспристрастие и суровый ,но праведный суд, на который, как кролика в пасть, меня тем не менее ноги несут; За безвестность мою многолетнюю и за нынешний выход во свет, и за то, что к насмешкам со сплетнями у меня теперь иммунитет; в ночные луэли, в котопы закалился в словесной борьбе, и за диспуты новые скорые, мой Редактор, спасибо тебе!

Сегодня среди бела дня (мне врать вам - не резон!) донёсся с неба до меня хрустальный перезвон. Он мне принёс благую весть: Отныне смерти нет, И все мы остаёмся здесь На много сотен лет! Через каких-нибудь лет пять Мы, очень может быть, Научимся не есть, не спать И по воде ходить. Мы будем видеть всех насквозь И знать всё наперёд, И нам никто за это гвоздь В ладони не вобьёт. Мы будем жить - и ты, и я, -С планетой в унисон... И уверяю вас, друзья, Что это был не сон!

Станислав Феньков

Песня Стойкого Оловянного Солдатика

Плавится земля, грохочет воздух И вода окрашена в багрец, -Ты стоишь, и всё предельно просто: Ты стоишь, иначе всем конец.

Пусть одна нога всего осталась, И металл к металлу не пришить, Стой и не рассчитывай на жалость: Только так ты сможешь победить.

Пусть твой дом, твой мир, твоя святыня И твоя Мечта летят к чертям, -Стой, солдат, ведь ты не носишь имя И судьбу солдата выбрал сам.

Пусть Она взяла, чего хотела, И пошла другого выжимать, Пусть огонь нещадно лижет тело — Стой, солдат! -Хоть ты устал стоять.

Наверно, это очень мудро, Даже если льешься на паркет, И придет уборщица под утро, Вжик метлой — и твой исчезнет след.

Творчество

Со мной не спорь: я знаю много больше, Чем ты б узнал за сотню тысяч лет. Не спорь со мной: я старый автостопщик И видел весь огромный белый свет.

Меня не жди: я никому не верю И прихожу, когда меня не ждут. Не прячься в дом: я выломаю двери И извинюсь, что вторгся в твой уют.

Не воздевай молитвенные руки: Моя мечта — построить новый храм. И не пророчь мне муки и разлуки, Я всё равно не верю голосам.

И мне не верь: понять меня буквально, По правде, означает — не понять: В моих словах божественная тайна, И в лоб её никак не разгадать.

Красная строка

Всё начинается с красной строки. Ветер подул — и зима пролетела, Что-то внутри поросло, поседело, Брошенный храм поглотили пески.

Всё начинается с красной строки. Что-то крадется в ночи незаметно, Хвятишься утпом — пропял я бессле Радуйся: больше не будет тоски!

Всё начинается с красной строки. Руки по швам — все равно, что за спину, Тенью скользить по безводной равнине, Но и в пустыне есть родники.

Всё начинается с красной строки. Красные слезы текут молчаливо, Руки по локоть залезли в крапиву, Мечется сердце, стучится в виски.

Всё начинается с красной строки. Где ты, любовь? Отзовись, я не слышу! Тихо куда-то уехала крыша, Стерся рисунок линий руки.

Надо идти, но не видно ни зги. Красной чертой перекрещены лица, И позади перекрыта граница, Все начинается с красной строки.

Всё начинается с красной строки, С красной от крови строки.

Маргарита Радкевич

А клавиши-шпалы мелькают, как чётки, А камни разбросанным бисером нотным. И мысли, как птицы в полёте свободном, И дом на колёсах привычной чечёткой.

Устав от зимы сосны тянуться в небо, Проталины леса, как чёрные пятна. Земля покрывалом прикроется ватным, И в дрёме душа: то ли быль, то ли небыль...

* * *

Верхушки деревьев, Бегущие крыши. Уходят мгновенья, Всё в прошлое. Слышишь?

Снега потемнели В Сибирском апреле. А всё-таки жаль, Что тогда не посмели...

И капли-дождинки Садятся на стёкла. Мы две половинки На оттиске блёклом.

Себя не считаю счастливой, Себя не считаю везучей. Пусть Счастье проходит мимо, Быть может, так оно лучше.

* * *

На Храм по утрам взираю: Обитель Святого Николы. И зависть к земному раю, Как в сердце болящем уколы.

И золото купола блики Божественным светом мерцает Икон священные лики Вещают, вещают, вещают...

С уходом зимы чернеют сугробы, И спят ещё реки под тонкими льдами. Земля затаилась, сокрыта снегами, А мы одиноки, а главное - оба. Ненужностью быта дома городские, Деревья считают за окнами время. Весенние оттиски - нежности семя, И чувства рождённые вновь не чужие.

Владимир Несяев

Вы сидели, смущаясь, Пили свой редерер, И ушли – не прошаясь, На английский манер. Я догнать не пытался. В чёрной бездне ночей. Мне на память остался Взгляд янтарных очей... Этой памятью греюсь И, как в «Русском лото», Всё на что-то надеюсь, Сам не знаю, на что.

Любовь Литвинова

Стихи для детей

Носороги

Два строптивых носорога Выясняли у порога: «У меня длиннее рог!» -Крикнул первый носорог. «Нет, неправда, это ложь! Ты мои рога не трожь!» Так сцепились и сопят: Ждут поддержки от ребят.

Фейерверк

В небесах цветут цветы Небывалой красоты. Мы столпились на мосту: Созерцаем красоту.

В Роевом Ручье

(В этом месте находится красноярский

В Роевом Ручье, ребята, Необычные жильцы: Зебры, зеброчки, зебрята. Все в тельняшках – молодцы! Зебры, зеброчки, зебрята! Аж, захватывает дух! Повезло и жеребятам: Сам жираф у них – пастух!

Ветры-буяны Там, где горы Саяны, Бродят ветры – буяны: Подметают тропинки, Собирают росинки, Расчищают завалы, Стерегут перевалы, Разгоняют туманы, Чтоб сияли **Čаяны**!

Марина Каргина

Я – вода. Я – река. Я – море. Иногда мне бывает тесно В старом русле иль старом ложе И тогда – против всяких правил, Без учета законов природы -Я устраиваю половодье. Или шторм, Если сил хватает. Я – коварна. Я – своенравна. Меж камней проложить дорогу Или новое русло выбрать, Если старому есть преграда, Не составит труда большого: Я – изменчива. Я – текуча. Не удержишь меня плотиной. Не спугнёшь мои волны молом. Непрерывна моя работа: Быть - свободной! Быть – непокорной!

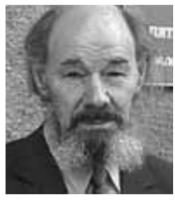

Марина Росс

Дом выходил на перекрёсток -Туда, где плыл поток огней. И люди шли – с работы, в гости... А дом их ждал – большой, ничей. Со всеми вместе снег пуховый Тихонько шёл и исчезал За дверью, юбилейно-новой, Истаивал при входе в зал. А в зале, в свете золотистом, Текли и таяли слова, И вдруг ворвался, будто шквал, Внезапно звон аккордов быстрых. Я знаю: поздно. Лучше мне бы Забыть. И всё-таки смотрю В глаза твои – так видит небо Парашютист в открытый люк..

Павел Пятков Поэт и бабы

«Ах, как я вас, бабы, жалею... Но что я поделать могу?» Зорий Яхнин

Меня ты любила всё лето, Но волей жестокой отца Ты выдана не за поэта, А за замухрышку купца. О, сколько таких же несчастных По всей необъятной Руси... Сочувствую вам ежечасно, Жалею, Господь вас спаси... А бабы – на то ведь и бабы, Когда им совсем невтерпёж Приходят ко мне аж с Красраба, С проспекта Свободного тож. Приходят, и я – пламенею, От сплетен людских берегу. Ах, как я вас, бабы, жалею!... Жаль, всех пожалеть не могу.

Примечание: Красраб и Свободный – красноярские проспекты, в данном случае аналоги Тверской улицы в Москве...

Валерий Пилипчук

Комета от нас улетает, Свой путь заметая хвостом... И скоро уж точкою станет, Но всё же вернётся потом. Быть может, не скоро вернётся В сиянии вечности вновь. А время... а время свернётся В густую и чёрную кровь.

Софья Григорьева

В моих полевых дневниках и блокнотах Меж белых страниц полыхает пожар: Осенние листья лежат, как банкноты, Валюта таёжная, памятный дар. В краю, населённом бродячею кастой, В урмане, что светом осин осиян, Отпрыгала бойкой тропой

практикантской Двадцатая осень, Восточный Саян. Маршруты, пикеты, солёные трассы, И ноги привыкли к неласке кирзы... А жизнь семафорила жёлтым и красным И осенепадом слетала в Кизир. Уйду — заблужусь в забайкальских просторах —

Тридцатую осень простором дышу. Мне б, глядя на прочих, солить помидоры,

Марина Плавко Городское лето

У меня на даче роза Отцветает у забора, Пауки плетут узоры, У смородин зреют кисти, У капусты – толще листья, В общем, все – сплошная проза – Брошу все, уеду в город!

Дома – смог и те же стены, Та же проседь на проборе, Друг опять со мною в ссоре, Он меня три дня не видел, Телефон молчит в обиде, В общем, все - обыкновенно -Брошу все, уеду к морю!

Поезда увозят души Под размеренные стуки От печали и от скуки – К ярко-синему лиману, Что расскажет без обмана Тихим шепотом ракушек О любви и о разлуке...

Любовь Рычкова

Эхо

Скорый поезд в ночь уносит от любви? - От любви... Я не знаю, ожидает что вдали? - Что вдали... Но я верю: не забудешь, милый друг! - Милый друг...

И опять согреет душу нежность рук... Нежность рук... Взгляд влюблённый, словно нитью, свяжет нас... Свяжет нас... И ненужной сразу станет нить из фраз... Нить из фраз...

И опять с тобою вместе мы замрём. - Мы замрём... Ах! Какое это счастье быть вдвоём! - Быть вдвоём... В ночь уносит скорый поезд от тебя? - От тебя... Но сердца разлук не знают, так любя! - Так любя...

Светлана Ермолаева

Очнись – весна уже щебечет, Пробилась первая трава, А мир бормочет и лепечет: Земля жива, и ты жива. Очнись, уже открылись поры Стволов корявых и ветвей, И солнце звонко бьёт сквозь шторы Притихшей комнаты твоей. Тебе так трудно и так странно Вернуться вдруг из забытья. А мир бормочет неустанно: «Узнай, почувствуй, это я. Очнись теперь и будь живою, Как шелест трав и как гроза. Очнись – небесной синевою Я падаю в твои глаза».

Татьяна Учеватова

Когда уйдет из жизни человек, По-прежнему жить будут в этом мире, И также тихо будет падать снег, И также – свет гореть в чужих квартирах. Жить будут и деревья, и цветы, Смеяться – подрастающие дети, И узнавать, как все же непросты Все жизни на загадочной планете. А старые и новые дома? А тот плетень, что показался ветхим? Стоят себе, что лето, что зима, Как будто и не умерли здесь предки. Как будто и не умер человек -По-прежнему слетаются синицы, И также по весне растает снег, Останется – лишь памяти страница...

Ульяна Яворская

Локоточки

Прибежала к нам Алёнка и спросила впопыхах: «Мама, как зовут коленки, те, что сзади на руках?»

Непредвиденные разрушения

Внучка просит:
- Деда! Деда!
Ну, чихни ещё разок!
В прошлый раз,
Ты помнишь, где-то
Обвалился потолок!

Конопушки

У Ванюшки конопушки, Как цветочки на опушке. С легкой солнечной руки На щеках цветут жарки!

Галина Бояркина

О снах, цыганах и лошадях

У озера забытого Натянуты шатры. Там лошади копытами Раскапывают сны.

Дожди

Дожди тянулись и стекали, Их привлекал окна карниз. Они текли по вертикали И опускались плавно вниз.

Синие сумерки

Синие сумерки. Темный навес. Кто ж в этом сумраке Душу мне ест?..

Светлана Царинных

Я – белая птица, свободная птица, Над серой землею кружусь и кружусь. Людей вижу души, в них злоба таится... Устала летать, а спуститься боюсь.

Мне некуда деться, мне негде укрыться, Кругом поджидают опасность и смерть. Я – сильная птица, я – гордая птица, И сколько смогу, столько буду лететь.

Ольга Попова

Мы, называя именами вещи, самих вещей не изменяем суть. Нас время заполняет, как сосуд, и через верх сочит, и через трещины.

Бежит, бежит, как и любые жидкости, порочность, обнаружив тонкость стен, но все же принимает, вместе с тем, и формы тел, и даже формы жизни.

И вот иду, печальным и насмешливым, иду чудным, случайным, величавым я - временем, принявшим форму женщины, по времени, свернувшемуся шаром.

Александр Василевский

Рассвет над парящей долиной Играет пером пелены... Здесь горные скалы, вершины, -Как замки былинной страны... Здесь - будто покрыли заставы Туманом укутанный край, А рощи, боры и дубравы Приветствуют утренний рай! Сибирские пенные чащи Пылают в пурпурных лучах... Я - русский, а значит - пропащий, Пропал я в таёжных лесах! Я слился с белками Саяна, Уснул под брусничным листом, Я - берег бушующей Маны, Я - камень безмолвный на нём. Я - в капле росы, я - в дождинке, В заре над кипящим ручьём, Я - в каждой дорожной пылинке...

Я - русский! И это - мой дом.

Саша Василевский умер шесть лет назад, ему было чуть больше тридцати...

;Tysobunuuanonoui (1) MHTF || || MNTFHT

Наташа Северная

Представитель гезеты «ПИ 1» в г. Днепропетровске (Украина).

Прорубь

Падал снег. Деревья и крыши деревенских домов мгновенно покрывались белым одеялом. Ветер усиливался, пронзительными рывками швырял в лицо мокрые комья снега. Стоящая фигура на берегу реки размыта и неясна. Я стараюсь идти быстрее, ноги скользят, спотыкаюсь, падаю. Снег уже валит хлопьями, поднимаюсь, бегу. Осталось совсем немного. Видимо, что-то услышав или почувствовав, он медленно оборачивается. Смотрит на меня. Я плохо вижу его лицо, его глаза. Он делает шаг вперед, идет по льду. Я не успеваю. Слышу только, как трескается лед и он проваливается в воду. В последний момент хватаю его за ворот овчинного тулупа, напрягаю все силы, тащу. Он даже не собирается мне помогать. Пальцы леденеют, чувствую,

как подо мной начинает трещать лед. Он по-прежнему мне не помогает, и я понимаю, что один не смогу вытащить его. Я осматриваюсь по сторонам, ищу ветку или палку. Пусто вокруг. Снимаю пальто, удерживая его за полу, бросаю ему. Он инстинктивно хватается за рукав, но посиневшие, замерзшие пальцы соскальзывают. Раздается треск, лед подо мной начинает прогибаться. Или я, или он. Вместе мы уже не спасемся. Разжимаю пальцы. Он сразу же уходит под воду, но тут же всплывает. Я смотрю на его лицо. Черные, почти мертвые глаза, пустые и безразличные, из глубины которых начинает подниматься мольба о помощи. Он только сейчас понял, что хочет жить. Я медленно отползаю. Вижу его черные глаза и синие пальцы, держащиеся за льдину. Понимаю, что ему конец, и он читает это в моем взгляде. Выползаю на берег и, что есть силы, бегу за помощью, в деревню. Я не оборачиваюсь, меня страшит его взгляд. Я мысленно умоляю его продержаться еще немного. Когда я вернулся обратно со старостой деревни и еще двумя рослыми и крепкими мужиками, его уже не было. У меня задрожали ноги, и я опустился на снег. «Вот дурак, вот дурак», - вертелось в голове. Река, как и прежде, была затянута льдом, будто ничего и не случилось. Снег падал большими хлопьями и сразу же таял. Но только тот, другой, этого уже не видел. Староста похлопал меня по плечу: «Пойдем, я тебе водки налью». Согласно киваю головой, поднимаюсь, иду, спотыкаясь, вижу перед собой синие пальцы, держащиеся за льдину, и тихий шепот назойливо шепчет: «Вот дурак, вот дурак».

Юрий Пусов

Родился 24 декабря 1978г. По образованию филолог русского языка. Живу в г. Днепропетровске.

Пишу сказки для детей и взрослых. Печатаюсь в литературных изданиях России и Украины.

Банан

Мама купила Максиму банан.

- А ты будешь его кусать? – спросил он у мамы

– Нет, сынок, я не люблю бананы. Ку-

Большой, спелый. Мальчик откусывал от него маленькие кусочки и обсасывал их, пока они не растворялись во рту. Как вкусно! Но вот банан съеден, и осталась лишь шкураксим взял её и пошел во двор ждали друзья.

- Привет. А зачем тебе банановая кожура? - заинтересовались они.
- Давайте положим её посреди тротуара и посмотрим, кто на ней поскользнется, предложил Дима. - Вот весело будет!
- Тебе бы так, возмутилась Света, это же больно!
- Я хочу её посадить, сказал Максим, - из неё вырастет дерево, а на нем бананы.
- Чепуха! Бананы растут не на деревьях, а на пальмах, - авторитетно заявил Миша, в будущем году он уже должен будет пойти в школу
- Вот здорово! У нас будет своя пальма! - обрадовались ребята. Они торжественно зарыли банановую кожуру. А Дима даже принес компот для поливки, чтобы лучше росла.
- Неподалеку от детей на ветке сидели две вороны
- Какие глупенькие человеческие птенцы, Аделаида Марковна, - сказала одна из них, - прямо как мои карапузы. Представляете, недавно приношу я им червяка, а они мне знаете, что говорят? Не будем, говорят,

его есть. Будет у нас домашний червяк. Каркая ерунда! А эти банановую кожуру закопали, чтобы дерево выросло. Комедия!

 Кларисса Филимоновна, - ответила вторая ворона, - они же дети. Вы посмотрите, как они радуются. Для них это важно. Они уверены, что делают полезное дело. А вы только сплетничать и можете. Кстати, у моих птенцов два домашних червяка, - сказала Аделаида Марковна и взлетела с ветки, оставив свою соседку удивляться.

Вечером, когда дети разошлись по домам, ворона раскопала банановую кожуру, отнесла её на мусорник, а вместо неё бросила в ямку семена и закопала. Она не знала, что это за семена, но важно было то, что из них хоть

Так дети узнали, что из банановой кожуры растут не бананы, а огурцы.

- Это потому, что у нас недостаточно тепло, - объяснил Миша, - вот если бы мы жили в Африке.
- A они даже похожи, сказал Максим

Придя домой, Дима похвастался роди-

- Мы во дворе посадили банановую кожуру, а выросли огурцы. Это потому, что у нас для бананов холодно. Но огурцы это тоже
- Конечно, здорово, ответил папа, у меня на даче даже из огуречных семян не всегда огурцы растут.
 - А ты чем поливаешь?
- Как чем? Водой. А это неправильно, надо поливать компотом, - с видом знатока сказал Дима, - мы так и делали
- Так то ж банановую шкурку, её только компотом и поливают, а огурцы лучше поливать водой или рассолом.
 - А зачем рассолом?
- А они тогда соленые растут, с серьезным видом ответил папа.
 - Дима пристально посмотрел на него.
- Ты меня разыгрываешь. Зачем тогда мама их солит в банках?
- Это потому, что у нас недостаточно тепло, и они не успевают просолиться в зем-
 - Мальчик удивленно посмотрел на маму.
 - Это правда?
 - А ты как думаешь? – Не знаю, - признался Дима.
- Папа засмеялся и потрепал сына по го-

— Я рад, что у вас получилось вырастить огурцы, только компот лучше пей сам.

Юрий ПУСОВ

Надежда ЛАДОНЬЩИКОВА

Живу в Днепропетровске, на Украине, мне около 40 лет, пишу стихи почти с детства, у меня их достаточно много.. Иногда пишу прозу, рассказы. Наверное, все, что можно о себе сказать, в этих стихах и есть...

> Забудется все, все нити раскрутятся, все лестницы кончатся, слезы рассудятся... А ветер внушает, он так утешает: -Забудется, милая, Все забудется...

И весь этот шум, вечерний, древесный, поющий, что мир одна молитва, что мир известный совсем не тесный, что только чудится боль и битва, забудется. Милая, все забудется!

И все объяснения, давние, тихие, которые, может, потом осудятся, все наши странности, все наши сдвиги забудутся, милая. Все забудется!

Останется только души свечение, души звучание, может,пение, может молчание, может, просто кому что судится. А наше отчаянье, а радость случайная забудутся. Милая, все забудется!

...Луна - как памятник. Голос студится. Мне снится поезд дьявольской силой! Шумит сквозь слезы он. Но все - забудется. Забудется - все! Забудется, милая...

Мы станцуем этот танец без звука, не поймет его никто, не увидит. Попытаемся подать руку, но у нас ничего не выйдет.

По деревьям, что у наших подъездов, бродят духи, нелюбимые вечно. Мы найдем себе другое место мы станцуем на Пути Млечном.

Мы друг друга никогда не узнаем, сколько нас - в темноте не слышно. Но мы где-то - между Адом и Раем, мы уходим, не прощаясь, выше...

Мимо нас пройдут планеты, годы... Пусть и танец наш еще только начат. Мы пошлем на Землю теплые ноты, если кто-то перед сном плачет.

Мы ослепим в темноте солнце, разноцветным растворяясь вихрем... Мы куда-нибудь все вернемся, и в мелодии Себя стихнем.

Рэна Одуванчик (Ольга Лебединская-Пусова)

Филолог, преподаватель немецкого языка. Печаталась в периодике, в альманахах: «Провинция», «Хортиця», «Зачарований Дніпро» (г. Запорожье), «Воскресенье» (г. Екатеринбург), «Склянка часу» (г. Канев), «Ковчег» (г. Житомир), сборниках: «Созвучье», «Поиски крыльев», в антологиях: «ХХ век, запомни нас такими» (г. Киев) и т.д. Побеждала в конкурсах. Сборник стихов «Небо звука» издан в 2004 году.

Сосед

Сегодня вечером повесился сосед. Кругом краса полей и ветра. Лето. Как в Греции — всё есть. Соседа нет. И всё теперь цветёт не для соседа.

И некому мне арию запеть, Иль птичьи непослушные куплеты. Всё есть на свете. Только нету ведь За стенкой молчаливого соседа.

Немного пил. Был неплохой рыбак, И взгляд его был честный и хороший, Но что-то было всё-таки не так, Болела суть под терпеливой кожей.

Как всё же крепко мы заплетены В косу кривых, безжалостных событий, В которой чувство собственной вины Не позволяет к горизонту выйти.

Сегодня вечером повесился сосед... Хочу на Хортицу. Тепло и звёздно. Лето... К чему всё это. Ведь соседа нет! Нет у меня печального соседа...

Грудной ребенок на руках у матери Глядит на мир, да так, что пышный снег Нисходит к нам. И все мы – наблюдатели Чудес для беззаботных и калек.

В ребенка взгляде странно умещаются До неба доведенные поля. В нем так легко, осмысленно качается Спешащая за хлопьями земля.

Такой простор и умиротворение В глазенках у соседского мальца! Такая глубина стихотворения Во всей природе мягкой, без конца!

Плоть тишины разбавлена детишками, Кишащими близ мудро-серых глаз. Подчеркнута лохматыми пальтишками, Лапатыми, как всё-превсё сейчас.

Всё кругло, четко, просто – но не лубочно, А так, чтоб это всё понять, обнять -От горизонта до тропинки к булочной, Где с Буддой на руках гуляет мать.

Измерить лунный мир тоскою Блока, Увидеть сад глазами Пастернака, Быть по-пветаевски нешално-олинокой – И не заплакать.

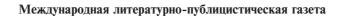
Прикидываться Гамлетом тревожно, Растить в себе самой Наполеона, Не отличать, что нужно и что можно, Не быть влюбленной.

Устало повторять за чашкой чая О лобрых люлях злые анеклоты. Манерничать, почти не замечая, Откуда, кто ты.

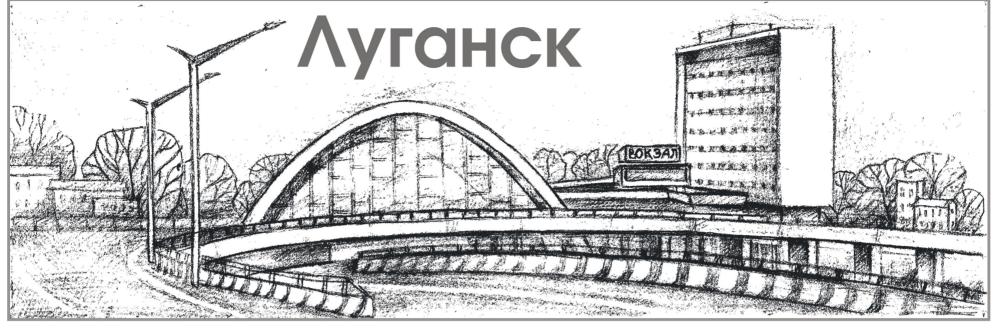
С трудом принять: все – инопланетяне, И ты отмечен странною судьбою, Хотя порой на гения не тянешь, Но быть собою.

Задумчиво, тоскливо и прилежно, Себя прощать за многие ошибки. Быть чем-то вроде тонкой, неизбежной Небес улыбки...

О писателе Владиславе Титове знают многие. Знают о его человеческом подвиге и судьбе, но я считаю, что необходимо напомнить, повторить страницы его биографии. О мужестве не стыдно повториться.

Владислав Титов родился 10 ноября 1934 г. в деревне Калиновка Добринского района Липецкой (теперь Воронежской) области в семье, где было 10 детей. Владислав был старшим. Здесь прошли его детство и юность. Был он спортсменом и заводилой деревенской молодёжи. Мечтал о небе, хотел стать лётчиком, но не прошёл медкомиссию. В 1953 г. приехал на Украину, поступил в Луганский горный техникум. Вскоре познакомился с Ритой. Через год они с Ритой расстались - его забрали в армию. Служил в 1954-1957 г.г., и всё-таки в лётных войсках! А какие письма они писали друг другу еженедельно! После демобилизации Владислав заканчивает техникум в г. Антраците. В 1959 г. - свадьба, и по распределению молодые уезжают в Донецкую область. Здесь, на шахте «Ханжонково-Северная» 14 апреля 1960 г. и случилась беда. Во время возникшего на шахте пожара, спасая товарищей, Владислав Титов получил тяжёлую травму: его ударило током высокого напряжения. Врачи считали положение безнадёжным, но Владислав выжил! Выжил «всем смертям назло», однако остался калекой. Обе руки были ампутированы так, что даже протезы некуда пристроить.

И перед молодым человеком встаёт самый главный вопрос: как жить дальше? «Я бы, конечно, погиб, - вспоминал В. Титов, - если бы рядом не было Риты». А двадцатилетняя жена не давала сомнений в своей любви - она всю совместную жизнь находилась рядом, каждый день, каждый час. И друзья были рядом. Владислав знал: что бы ни случилось. как бы ни пришлось туго, жена и друзья не оставят его в беде.

Держа карандаш в зубах, Владислав Титов написал свою первую повесть «Всем смертям назло». В основе – реальные факты из жизни писателя. Тринадцать раз он переписывал повесть, прежде чем показать друзьям. Друзья одобрили, и тогда он решился отправить рукопись в издательства, которые, увы, не проявили должного интереса... В трудный период поиска заинтересованного издательства обстоятельства свели начинающего

Владислав (Штрихи к портрету)

писателя с Тарасом Михайловичем Рыбасом - ответственным секретарём местной писательской организации. И после основательной редакторской правки, по совету Т.М. Рыбаса, рукопись была отослана в Москву, в журнал «Юность». В 1967 году «Всем смертям назло» увидела свет в первом номере «Юности». Бориса Полевого, давшего повести дорогу в жизнь, Титов называл своим крёстным отцом. В послесловии к тексту Борис Полевой писал, что Титов «...будучи настоящим советским человеком, не покорился своей тяжёлой судьбе, искал и нашёл своё место в активной жизни... Он с упорством Николая Островского готовит себя к новой профессии, полон сил, воли,

Сразу после выхода повести Владислав Титов был единогласно принят в Союз писателей СССР.

Повесть «Всем смертям назло» переведена более чем на тридцать языков, а общий тираж составляет десятки миллионов экземпляров. По сюжету повести был поставлен одноимённый спектакль, премьера которого состоялась 23 февраля 1968 г. на сцене Луганского областного русского драматического театра. И целых 12 лет (более 500 раз) этот спектакль был сыгран не только в Луганске, но и в Киеве, и в Москве. В Москве, на малой сцене театра им. Моссовета, по повести был поставлен моноспектакль.

К 70-летию писателя Владислава Титова Луганский областной русский драматический театр получил грант на новую постановку пьесы. И называется она теперь «Благословенна будь, моя любовь». Ведь повесть - рассказ о женской верности, о юной и мужественной Рите - жене, секретаре, сестре милосердия и просто няньке. Свою повесть В. Титов завершил словами Константина Симонова:

Как я выжил, будем знать Только мы с тобой. Просто ты умела ждать, Как никто другой... После выхода повести писатель лучил более пятилесяти тысяч читательских писем. Хотелось ответить всем. И он ответил,

написав как бы исповедь «Жизнь прожить...»

Но Титов – это не только книги. Это ещё и философия жизни, ежедневный пример выживания. Как бы ни было трудно, как бы ты ни был беспомощен - борись, живи и работай, помогай людям, попавшим в беду!

При всей силе характера, Владислав Титов был человеком ранимым. Характерен случай. Супруги Титовы редко выезжали. Однако, посещали Москву и другие города, республики, побывали и за границей. Как говорил Владислав Титов: «Рита не любит дорогу. Вот только спецкомандировки в армию бывают, так она уж не отказывается. В армии бывают «больные» части: там самострелы появляются, дезертиры. Тогда командование просит меня поговорить с ребятами. Такая встреча недавно была, она меня глубоко ранила. Мы вышли к залу, поговорили о книге, о моей судьбе, о Рите, о судьбе каждого человека, который живёт всем смертям назло. Я говорю: «Вы задавайте мне вопросы, я ведь не только калека, но ещё писатель и философ». Тут один парень встаёт и спрашивает: «Владислав Андреевич, а как бы вы поступили, если бы такая беда случилась не с вами, а с вашей женой Ритой?» Жестокий вопрос. Я сказал: «Я не буду отвечать на этот вопрос. Наши трудности с Ритой так велики, что я не хочу предаваться праздному воображению. Вот праздное воображение и сводит людей с ума».

О Владиславе Титове - человеке добропорядочном и бескорытном, пишет Ирина Триус в своей статье «Человек среди людей», опубликованной в газете «Правда» за 21 сентября 1974 г.: «Узнав, что я написала документальную повесть «Жить стоит», Слава Титов в письме посоветовал мне послать эту работу на конкурс имени Николая Островского. А ведь на этот же конкурс он уже отправил свою книгу. Конкуренция? С точки зрения Ярыгина (оппонента И. Триус) -да. С точки зрения Славы Титова, комсомольца, - бескорыстная товарщеская помощь. К счастью, мы со Славой оба стали победителями конкурса. Но будь по-иному, всё равно, он думал не о себе, а о незнакомом, и всё же не безразличном ему человеке. Думал, зная, что число премий в конкурсе ограничено, и, значит, привлекая других,

Слава уменьшал свои собственные шансы». Об Ирине Триус Владислав Титов знал из письма врача-хирурга, писавшего о том, что судьба неожиданно столкнула его с очень интересным и героическим человеком, всю свою жизнь проведшим по больницам, но не покорившимсясудьбе.

Литературные работы Владислава Титова не раз отмечались премиями и наградами. Он - лауреат Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского (1967 г.), награждён Республиканской комсомольской премией имени Н. Островского, областной комсомольской премией имени «Молодой гвардии», удостоен орденов «Дружбы народов», «Знак почёта», медали «За трудовую доблесть». Он первым среди писателей Донбасса удостоен в 1981 г. Государственной премии Украины имени Т.Г. Шевченко, что явилось не только личной наградой, но и яркой вехой в культурной жизни нашего края. Эта премия как бы подводит итог значительного периода в жизни и творчестве Владислава Титова.

У супруги писателя - Маргариты Петровны, нет наград и почётных званий. Вся её заслуга в том, что она принесла счастье любимому человеку и была счастлива сама. За это не дают наград.

В конце своей повести «Всем смертям назло» В. Титов приводит знаменательные слова Р. Гамзатова: «Мы все умрём, Людей бессмертных нет, и это всё известно и не ново. Но мы живём, чтобы оставить след: Дом иль тропинку, дерево иль слово».

1 мая 1987 г. Владислава Андреевича Титова не стало. Гроб был выставлен в круглом зале Дома техники и утопал в цветах. Луганчане прощались с мужественным человеком и талантливым писателем. Я была среди них.

Я вернулась ещё раз к повести «Всем смертям назло». Я перечитывала, и сердце сжималось от боли и сострадания... Я плака-

В. Титов заканчивает повесть-исповедь «Жизнь прожить - не поле перейти...» словами: «.... я очень хочу, чтобы каждый оставил на широком жизненном поле свой светлый и добрый след». Владислав Андреевич Титов много успел за свою короткую жизнь и оставил свой светлый и добрый след на земле.

Анна ДРАЙ

Людмила Деева Поэт обязан говорить

Когда Закон нарушен главный, В тартарары весь мир летит, Когда народ молчит бесправный, -Поэт обязан говорить! Когда у власти встал диктатор, Чтоб свой режим установить, Где совесть – павший гладиатор, А произвол – что аллигатор, Поэт обязан говорить И ждать в сердцах людей росточка, А не гранитный пьедестал. Обязан говорить – и точка! Ему Господь сам голос дал.

Звучит итальянское рондо

Звучит итальянское рондо. Старинных часов перезвон, В углу на картине Джоконда, В камине играет огонь, Два тонких хрустальных бокала Застыли на белом столе, И праздничное покрывало Укрыло собой канапе, И розы призывно и ало Сегодня цвели на окне...

А женщина стол накрывала: Салат, бутерброды, суфле. Зажгла ароматные свечи (Последний изысканный штрих)... Она сочиняла сей вечер И сказку одну на двоих. Без праздника в жизни устала, Надежду не грело «авось», Забыла, как раньше блистала,-А тут долгожданный к ней гость! И в чувствах своих молодея, Она молодела лицом. А счастье, как добрая фея, Взошло уже к ней на крыльцо.

Людмила Морозова

Осень

Чем пахнет осень? Светлою печалью, Душистым медом и грибным дождем. Танцуют листья менуэт прощальный И шепчутся о чем-то о своем. Ах, осень! Златокудрая колдунья, Художница в накидке расписной, Умелая кокетка, хлопотунья... Я – странник, очарованный тобой.

Юрий Цыганков-Серебряков

Встреча

«Меж высоких хлебов затерялося Небогатое наше село...» С песней русскою вдруг повстречался я В украинском селе над Днепром. Повстречался как с другом, как с матерью, Как с любимой, как с милой сестрой, Как с иконой святою над папертью, С путеводной своею звездой. Песня в чьей-то душе пробудилася И звала, и вела за собой, То к Чумацкому шляху* стремилася, То летела легко надо мной. Эту песню певали в дни красные Наши деды и наши отцы, Эту песню на вирши Некрасова Пронесли по России певцы. Слово русское мне повстречалося, С украинским напевом сплелось: «Меж высоких хлебов затерялося Небогатое наше село...»

* Украинское название Млечного Пути.

Светлана Тишкина МАЙ

Такая сочность трав Бывает только в мае. Весною каждый прав, Любовью прорастая

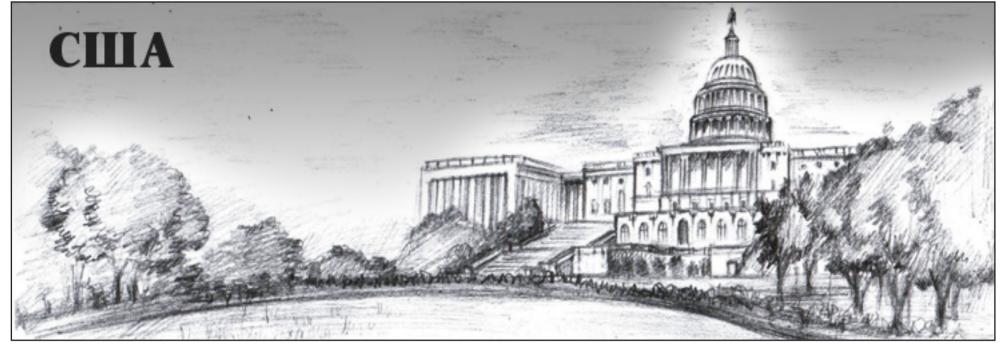
Незапылённость чувств В насыщенности краски, Волненьем полон пульс От солнца тёплой ласки.

Луга к себе зовут -В объятия природы, Гле синеокий пруд О небо красит воды,

Неспелый колосок Трепещет первой страстью, Ромашке лепесток Стал подвенечным платьем.

Омоложусь душой В зеленых резвых всходах, Чтоб черствый пласт ушёл, Накопленный в невзгодах.

Ангел мой

Ангел мой, пойдем со мной — Ты предо мной, я за тобой. Молитва

Обь река хорошая — широкая и медленная, вода в ней чистая, посреди реки — Медвежий остров, там ежевика растет кустами, кусты колючие, а ягоды сладкие и кисленькие одновременно, рвешь с куста - не нарвешься никак. Как пройдет пароход, волна поднимается, под нее поднырнуть, сложиться калачиком и качаться, пока волна уляжется.

Раз Мона так поднырнула, сложилась, покачалась, и надо бы развернуться и воздуха глотнуть, а в это время другой катер проскочил, и волна не ослабела, а наоборот окрепла и качает, и качает, и сворачивает в калач, и бьет головой о прибрежную гальку. Вот он, воздух, рядом, а не достать, не встать на ноги. Кое-как Мона пересилила волну, перевернулась со спины на живот и встала на четвереньки, а волна подтолкнула сзади и Мона выползла на берег.

Упала и не надышится, ах, как сладко дышать, а тут и мать идет. Увидела Мону и давай ругаться:

- Опять эта девчонка вся мокрая, ну ведь только что вытащили ее из воды и переодели! Ты почему одна на реку ходишь, сколько раз говорено, не смей одна никуда ходить!
- Я и не одна вовсе, говорит Мона, я никогда не одна.
- Ну что ты городишь, глупая девчонка, рассердилась мать, вечно одна везде болтаешься и в лесу, и на реке! Хватит, пошли домой переодеваться!

Дома Мона переоделась в сухую одежду, взяла красный бидончик с белыми горошками и пошла за молоком к корове через две улицы. Корова была очень большая, красивая и пахла сеном и молоком. Она увидела Мону, махнула хвостом и сказала:

 Привет, я уж тебя заждалась, скажи хозяйке, чтобы шла доить! Тетя Катя! – закричала Мона, иди доить, я за молоком пришла!

Хозяйка вышла из летней кухни, сполоснула руки под рукомойником, взяла чистое ведро и села под корову доить. Она обмыла коровьи соски нагревшейся на солнце водой и вытерла марлей и начала тянуть за соски, и молоко белыми струйками ударило в ведро наискосок, и ведро зазвенело, как колокольчик.

Корова посмотрела на Мону и сказала:

Попей свежего, полезней моего молока ничего нет.

Мона сняла с огорожи железную зеленую кружку и протянула хозяйке, и та взяла кружку и надоила в нее теплого бело-розового молока, оно пенилось, как пиво, что дед пил из бочки у вокзала, а как оно пахло — ну просто ничего так не пахнет, как парное молоко!

Мона приняла кружку, отошла в сторону, села на колоду и стала пить молоко, и не могла оторваться, пока не допила до дна. А тем временем тетя Катя надоила полное ведро и взяла Монин бидончик, и налила до краев, и сказала:

 Готово, забирай, а деньги мать за неделю вперед заплатила.

Мона забрала бидончик и пошла домой, и внутри у нее было так тихо, так спокойно — это молоко разлилось по всему телу и наполнило его до горлышка, и залатало все, что прохудилось со вчерашней кружки, и можно было жить до следующего дня, до завтрашней кружки молока.

Дома младшая тетка ждала ее, бегая по двору от нетерпения.

- Где ты шляешься, сто лет тебя ждать! заорала младшая тетка. Ей было уже шестнадцать лет, и кавалеры числом пятнадцать (Мона их как-то всех сосчитала для интересу) приходили даже с дальнего края деревни. Старшая тетка их не терпела и отпускала младшую тетку на гульки только с довеском, с Моной, значит
- При ребенке они постесняются, вычитывала старшая тетка. - А ты, Мона, смотри за ними, чтобы вели себя прилично, а если что неприличное затеют, ты сразу мне говори.
- A неприличное, это как? прикидывалась Мона.
- Ну там целоваться станут, или еще чего делать. Да ты сама знаешь, нечего тут прикидываться, рассердилась старшая тетка. Они с Колькой на Медвежий затеялись ехать, так ты не отставай, смотри, ни на шаг.
- Давай, давай, пошли скорей, Коля на берегу ждет, торопилась младшая тетка и на ходу хорошела до невозможности, томная улыбка играла на бледнорозовых губах, и светлые волосы укладывались сами собой не хуже, чем после парикмахерской, а может даже лучше, и голубые глаза смотрели ласково и обе-

щали чего-то, кому-то, но не Моне. Мона знала, что если она и получит что-то от младшей тетки, так это по шее под горячую руку.

Вот от теткиных кавалеров была большая польза — они очень интересовались теткиными передвижениями во времени и пространстве, и случайно встречали Мону на улице, и заводили с ней ласковые разговоры о том, какая хорошая девочка Мона, и вот у них есть конфеты, держи, Мона, это тебе, а ты не знаешь случайно, куда младшая тетка пошла, и какие у нее планы на вечер, не собирается ли она в клуб и вообше, она тебе чтонибудь про меня говорила?

Кавалеров было много, и Мона без конфет не сидела. Старшая тетка младшую без Моны никуда не пускала, и поэтому Мона всегда была в курсе дела и знала, что сказать кавалерам, как говорил один шпион в кино, обладала ценной информацией.

Коля, тихий темноволосый мальчик с соседней дачи, ждал на берегу возле лодки. Младшая тетка подошла, опустила глаза, поздоровалась, ну прямо как принцесса из сказки, и голос такой нежный, даже не поверишь, что это та самая тетка, вот ведь что глупость делает с человеком! Ну Коля и Коля, ничего особенного, а она-то, ну прямо Малый театр! Или уже Большой?

Сели в лодку. Коля на весла, тетка перед ним на корму, смотрят друг на друга, как будто не сегодня утром на базаре виделись, тоска прямо. Мона на носу свежие конфеты ест — поплыли на Мед-

Приплыли на остров, причалились. Коля лодку привязал, помог младшей тетке вылезти на берег, а уж та-то ломается, прям как мятный пряник, вроде ей без Коли и из лодки-то не выбраться, так там и останется на веки вечные. На Мону только обернулись, дескать, как ты там, не потерялась еще?

 Ну это вам маком, - думает Мона, и не надейтесь, не потеряюсь.

Пошли гулять. Коля с младшей теткой впереди плывут, едва земли касаются, а Мона ничего себе, идет сзади и дистанцию не роняет, тем более конфеты уже кончились.

Метров сто всего и прошли, начались ежевичные кусты. Вначале-то все обобрано было, а маленько вглубь зашли, а там — кусты усыпаны фиолетовокрасной ягодой, да такой крупной, что руки сами собой тянутся сорвать, а рот сам открывается, чтобы скорее да побольше сьесть. Начали рвать ягоду, а вкусно, ну сил нет, как вкусно! Мона как начала есть, так и пошла за ягодой, куда она повела. Пока наелась, аж по рукам сок потек, глядь — а тетка с Колей куда-то делись.

Надо же какие, – рассердилась
 Мона, – бросили ребенка! Ведь сказано,

от меня не отходить! Ладно, найду вас, никудышних!

Пошла было в одну сторону, в другую, - нет, так, однако, и заблудиться можно. Села Мона на поляне, стала слушать. В лесу солнце на деревьях играет, ветер папоротниками шуршит, птицы верещат как нанятые, рассказывают свои истории, детей учат, с соседями ругаются. Повернулась Мона налево, повернулась направо - везде жизнь кипит, оглянулась назад, а там – тихо, прислушалась – и правда тихо. Ну ясное дело, там они и есть, туда и надо идти. Повернулась Мона и пошла себе тихонько. Минут пять всего и шла. Совсем тихо впереди стало. Мона остановилась, постояла, потом раздвинула кусты перед собой и посмотрела: открылась маленькая, как ладонь, полянка. Посредине стояла младшая тетка, закрыв глаза и прижав руки к груди, а Коля стоял сзади и легонько придерживал ее руками за плечи, и целовал в шею, в маленький бугорок на том месте, где шея переходит в спину. И было так тихо вокруг них, даже ветерок прилег посмотреть, и птицы на кустах вытянули шейки и смотрели, и кто-то невидимый еще смотрел на тетку и улыбался себе в своем далеке.

Мона отпустила кусты, и они закрылись, как занавес, и она отошла тихотихо по мягкой траве в сторону, и стала ждать. Сколько-то времени прошло, и тишина кончилась, и на полянке зацокала птичка, и ветер расправил перышки и задул себе помаленьку. Мона встала и закричала:

- Тетка! Коля! Где же вы? Куда подевались?
- Здесь мы, чего орешь? ответил ангельский теткин голос, открылся занавес из кустов, и они с Колей пошли мимо Моны к лодке.
- Чего ребенка бросили, никудышние? Ищу вас, ищу, с ног сбилась, нигде нету!
 прикидывалась Мона и шла за ними.
- Тебя бросишь, как же, захочешь, не потеряешь, – сердилась на что-то тетка и шла впереди всех к лодке, и влезла сама, и Коля не поспешил на помощь.
- Тоже на что-то сердится, подумала Мона и занесла ногу в лодку. В этот момент Коля толкнул лодку, и Мона села мимо, прямо в воду. Тетка и Коля переглянулись, выдохнули воздух и с облегчением расхохотались.
- A на полянке так тихо было, подумала Мона, чего они сейчас так орут?

Коля помог Моне встать и подсадил в лодку, и они поплыли назад. Дома старшая тетка спросила Мону, как там чего было, и Мона рассказала ей, что все было очень даже прилично, рвали ягоду и разговаривали про школу.

- А где ягода-то? спросила старшая тетка.
 - Дак всю съели, ответила Мона.
 Нина БОЛЬШАКОВА

Туровинциальный Ф ИНТЕЛЛИГЕНТ Международная литератур ССИ А. Американский любовник

(рассказ Карины)

Женщина я одинокая, сама знаешь. Мне кавалер нужен. Вернее, любовник

Как-то раз познакомил меня с одним Мишкасапожник.

Что тебе сказать? Кавалер красотой не блещет. Маленький, пузатый. Волосы красит чёрной краской. Не люблю крашеных мужиков. Ну да ладно, крашеный так крашеный! Брови торчком торчат, ресницы острые, как щётка. Короче - страшнее Квазимоды. Он плотником где-то работает. Мишка сказал, что у мужика денег полно - куры не клюют. Мебель натурального дерева недавно купил. Отвалил целу кучу за неё. На дорогущей машине, между прочим, ездит.

А женщине одинокой что надо? Вот именно денежный любовник. Я, лично, подарки люблю.

Первый вечер он пригласил меня в кафемороженое, представляещь? Ну поели мороженого, попили водички с газом, кофе. Принесли счёт. Он глядит, губы поджал, с лица переменился. Смотрю, расстроился кавалер мой. Я взяла у него бумажку, а там двадцать семь долларов насчитали. Вижу, мнётся ухажёр, мямлит себе под нос: «Лучше бы ко мне пошли. У меня в холодильнике тоже мороженое есть - не хуже этого. Зато чуть ни в десять раз дешевле...»

Представляешь? Короче, шлёпает губами ещё чего-то, платить не собирается. Официант с усмешкой поглядывает. Мне неудобно. Да и женщина я гордая - с Кавказа, сама знаешь. Вытаскиваю пятьдесят долларов и плачу сама. Слышь? Во мужик пошёл! И не какой-нибудь там американец, а наш, русский. Настроение у меня, конечно, испортилось. Но креплюсь, жду, чё дальше будет. Ведь нельзя же денежного любовника упускать.

Выходим из кафе. Он приглашает погулять у нас по набережной - воздухом подышать. Машину поставил под мост. Там темно. Машин много. Люди ставят - ничего. И он поставил.

Ну походили, подышали океаном. Возвращаемся, а на машине тикет* под ветровиком лежит. Представляешь, никогда никому не выписывали тикетов на этом месте, а в тот вечер полиция прям разбушевалась! И вкатали ему штраф на 150 долларов! Он аж зубами заскрипел и чуть не заплакал от злости. Ладно, попрощались мы с ним. Всё, думаю, на фига мне такой любовник нужен!

Через день звонит. Свиданье назначает. Представляешь? Не хотела идти, но всё-таки, дай, думаю, пойду! Первый вечер ещё ни о чём не говорит. Наверное, сама должна инициативу взять в руки.

Ну вот. Встретились мы после работы. Гуляем по улице. А я в гостинице тогда работала, ты же знаешь. Намахалась, набегалась за целый день. Устала... Голодная, как собака. «Ну что, так и будем мотаться туда-сюда, как дураки?» - про себя думаю. А вслух говорю:

- Давай сходим в ресторан. Посидим, музыку послушаем, потанцуем..

А зачем идти в ресторан, лишние деньги тратить? Да ещё неизвестно, чем тебя там накормят. Потом из туалета не вылезешь. Пойдём лучше ко

Ну к тебе, так к тебе. Приходим пешком. Машину он оставил у дома - в гараже. Зашли. Вижу квартира большая. И мебель хорошая, новая. Кавалер неожиданно буркнул:

- Обманули.

Кто? - опешила я.

- Обманули с мебелью. - говорит. - Взяли как за натуральное дерево, а на самом деле это прессовка искусственная. Сужусь с магазином...

Ладно. Поговорили-поговорили, он мне из холодильника то самое мороженое вытаскивает, которому сто лет. О котором вспоминал в прошлый раз. Ну я набралась наглости и говорю:

- Да не хочу я мороженое! Я кушать хочу, в

Открываю сама холодильник, а там, представляешь, пустота. Шаром покати! Не-е вру - поларбуза лежит да огрызок сухого сыра.

- Я арбузы люблю, - говорю ему. Вытащила на стол. А я, между прочим, в самом деле арбузы люблю просто ужас! Особенно с хлебом. Могу их

сожрать хоть двадцать килограмм, веришь? Хлеба нет, так я сырный огрызок вместо хлеба с арбузом наворачиваю. Представляешь? Съела. Меня распёрло всю. Живот, как барабан. Ну посидели, телевизор посмотрели, я в туалет раз сто сбегала. Стемнело со-

Давай в нарды играть... У меня нарды новые. А чего? Я нарды люблю. До полночи играли с ним в нарды. Спать охота. Легли..

Мужик он оказался - что надо! Даже не ожичестное слово! Хоть за это спасибо! Отвела душу. Кто осудит? Я женщина одинокая, сама знаешь.

Наутро - воскресенье. На работу идти не нужно. Встали оба ловольные.

- Ты в постели горячая, - говорит. - Мне это как раз нравится. А то была у меня одна с Израиля. Семь месяцев с ней встречались. Спать ложимся, а она в тёплых штанах, в рубахе длинной. Не подступиться. Так все семь месяцев ни разу не переспали...

Нет, ты представляешь? Ты поверишь этому? Хотя, чёрт его знает..

Так вот. Встали, значит, я помыла плиту газовую. Прибрала в квартире. Вообще-то у него чисто. Говорит, женщина какая-то убирала. Семь долларов в час платил

- Столько денег переплатил, неизвестно за ворчит.

Слышь, вроде, уборка квартиры - это не труд. Да семь долларов по сегодняшним временам - копейки!

Короче, стала думать, как его расколоть на подарок. А что? Хороша в постели, сказал. Ну а если бы проститутку снял? Это сто долларов, если не больше. Да за уборку...

Пошла на хитрость:

- Мне надо в магазин, - говорю, - я давно присмотрела кофточку. Она стоила 85 долларов, сейчас на сейле* - стоит 45. Я её мерила. Как раз мой цвет и размер. Поехали?..

Поехали, - нехотя соглашается.

Пошли за машиной. Время два часа дня. Мы ещё не ели. Жрать охота. Во рту будто кошки насрали, да ещё курю же.

Навстречу - Мишка. Довольный, улыбается:

- Ну как дела? Рад за вас.

- Ага.... - говорю. Два часа, а мы не жрамши... - Как так? Правда что ли? Ну пойдёмте в какой-нибудь ресторан, и я с вами за компанию поем

- только утром завтракал. - Нет-нет! - засуетился мой любовник. - Мы в магазин торопимся. Там Карине кофточка понравилась. Сёдня восресенье, вдруг магазин закроют. Поедем мы..

Мишка мне подмигнул, мол, вот какого я тебе кавалера щедрого нашёл!

Поехали. По дороге любовник мне и говорит. надоело, дескать, тратиться на приходящих уборшиц. Да и ему, дескать, как мужчине, женшина нужна. Опять же неохота на ночных баб лишние деньги выбрасывать. Да ещё, дескать, запросто можно болезнь какую подцепить.

Давай, переходи ко мне, а?...

Ну, думаю, клюнул, надо быстрей мужика ловить на слове!

- А ты мои биллы* оплачивать будешь? А ты мне подарки дарить будешь? А ты меня по ресторанам водить согласен? А ты...

- Нам в какую сторону? - перебил он меня.

- Ты знаешь... вообще-то, если в магазин, то направо. Но... я деньги дома забыла. А ко мне домой - надо повернуть налево. Так что выбирай, куда тебе ехать.

И ты представляешь, он повернул налево. Ага! Ко мне домой за деньгами на кофту!

Приехала я домой и сказала ему у порога:

Знаешь... Отвали!

Помнишь, как Лолита пела из «Академии»? Вот и весь мой роман с богатым любовником.

Тикет - штрафной счёт от местной ГАИ. Сейл - здесь - уценённая распродажа Биллы - счета за различные услуги

Грусть моя, печаль... из цикла «Страна моя (?) Америка»

Жалобно пиликнула труба.

Выглядываю в окно. На церковном крыльце - в две шеренги, как на подбор - бравые солдатики в чёрной форме с блестящими фуражками. Поблёскивают бляшки на ремнях.

Солнце проглотило весёлую улыбку. Заплакал в форточку ветер.

Военные вытянуты в струнку.

Длинный гроб, заботливо укрытый американским флагом, примостился на плечах. Белые перчатки одной руки опираются о поддон, другая рука - строго по шву.

Впереди гроба застыли двое. Сзади - двое.

Улица перекрыта.

На перекрёстке деловито регулирует движение стройный офицер.

Играя на солнце чёрным лаком, выстроились лимузины.

Во главе - фургон, с хищно разинутой пастью - привычно ожидает «пассажира».

Не останавливаясь, идут прохожие.

По команде солдатики мгновенно развернулись. Придерживая гроб, красиво чеканя шаг, спустились с церковного крыльца. Замерли. И... снова по команде слаженно наклонились...

Метнулись разом белые перчатки... гроб «въехал» в заждавшуюся «пасть»

Двое замерли впереди фургона, двое - сзади. Остальные - свечками застыли слева и справа.

Джентльмены в строгих костюмах выводят под руки грузную бабулю в чёрном. Она то и дело подносит платочек к глазам. Сопровождающие осторожно впихивают её в лимузин.

Припадая на трость, с трудом передвигает ноги сухопарый старик. Его поддерживают скорбные дамы и солидные мужчины средних лет. Усаживают в тот же лимузин.

Закрывают за стариками дверь

Провожающие обнимаются. Гладят друг друга по спине.

Все рассаживаются в свободные лимузины. Солнце спряталось за тучу. Ветер улетел. Закрапал дождь.

Прозвучала команда. Солдатики торжественно зашагали по мостовой, конвоируя фургон. Кортеж тихо двинулся следом.

Процессия началась... Завтра картина повторится

Тамара МОСКАЛЕВА

Змея подколодная

Решение пришло под утро. Совсем неожиданно для себя она поняла, что все решено, и все будет именно так, как она задумала

Ее ночные слезы и терзания в ту же секунду потеряли свою значимость и смысл, рассыпались мелкими осколками по подушке, скатились на мытый пол и спрятались в его щелях.

Людмила подбежала к раковине на кухне, сложив ладони лодочкой, несколько раз плеснула холодной водой в лицо и уже улыбалась от растущего чувства предвкушения. Подошла к зеркалу, сбросила ночную рубашку, с жадностью стала рассматривать свою грудь, бедра, с восторгом и нежностью рассматривала живот, и все с нетерпением пыталась себе представить - как это все будет...

«Как же я раньше не догадывалась? Ведь это так просто!»

С этой минуты все, что она делала, какие шаги предпринимала, к каким решениям приходила, все работало на задуманное. Она строила свое счастье.

Левка Кудрявцев звезд с неба не хватал. Но и дураком не назовешь.

Правда, произвести впечатление на девушек, «убить» их интеллектом ему не удавалось. Ведь книги читать надо, а не просматривать. На помощь приходила Лёвкина внешность. Когда тебе двадцать - это важно. Лёвку выручал его внешний вид. Он увлекался спортом, играл мышцами и подмигивал девушкам.

Лёвка был Аполлон! Вот поставь Лёвку рядом с Аполлоном - не отличишь! Два братаблизнеца. Но вот так прямо поставить и сравнить нет возможности. Где стоит Аполлон и где живет Левка... Но девчонки рассматривали его во все глаза и совсем в эту минуту не думали о книгах. Особенно на пляже.

Какие там шекспиры - достоевские, когда вот он, загорелый, ловкий и в меру застенчивый...

Он выходил из воды, встряхивал головой, как конь на водопое, и шел играть в волейбол. Девчонки искоса, тайком глядели ему вслед.

Его равнодушие к ним имело причину: Левка был влюблен. Давно. Уже недели три. Ее звали Людмила. Людмила Анатольевна. Он видел ее всего несколько раз. В поликлинике. Первый раз он увидел ее, когда пришел с болью в боку.

Ну, нестерпимая была боль! - Аппендикс! - не глядя на него, сказала врач

Людмила. - Вызываю скорую. После операции она позвонила и посоветова-

ла прийти на прием, проверить, как заживает шов. Людмила работала участковым врачом. Для

своих тридцати двух она выглядела старше. Это у них в роду. Папа - профессор, мама - доцент. Оба - медики. Вся семья - книголюбы и - святая преданность работе. Семейная традиция.

Людмиле было двадцать восемь, когда родители решили уехать за границу. На несколько лет в одну из развивающихся стран. Интересная практика. Они с радостью приняли предложение. Людмила решила остаться. Ей было немножко жаль расстроенных родителей и немножко страшно остаться одной. Но такой уж она уродилась. Все с собственным мнением, и решения всегда принимала не сомневаясь.

Она любила свою работу, свой слишком огромный для одного человека дом с запущенным садом и верандой, нырнувшей в липу, или скорее в объятья с ней. И, когда по весне дерево цвело, одуряющий запах проникал в открытые окна, и, казалось, весь дом, вместе с Людой, плыл в дурмане, и идиллию эту можно было бы назвать «радостью бытия», если бы ни чувство одиночества. Она скучала о родителях и часто говорила с ними по телефону, но это была не главная причина. Людмиле не хватало любви...

Короткие знакомства с мужчинами всегда заканчивались одним и тем же: она рвала на корню отношения. Один - «самовлюбленный павлин», другой - «глуповатый петух», третий -«ни рыба -ни мясо»... Она чувствовала свое превосходство. Ее образованность, ее интеллект на второй-третий день знакомства шептали ей: «Не хочу!» Лучше одной! Но одной было не лучше, и природа требовала свое.

Она уже не сомневалась, что ее нисколько не прельщает семейная жизнь, в таких отношениях она не нуждалась. Независимый характер, по-мужски логичный, твердый ум, желание делать все по-своему и только для себя, утвердили ее в этой мысли. Поначалу она уговорила себя, что это и есть ее жизнь.

Девушка долго и безутешно плакала и, почти смирившись со своим горем, вдруг поняла: есть выход!..

Левкин торс - был само совершенство! Такой торс может стать пособием для изучения анатомии. Мышцы, пропорция тела, правильный треугольник чуть выше паха; даже послеоперационный шрам не портил его физической гармо-

Людмила глазами ощупывала тело пациента и уже не сомневалась: вот он! Именно этот!

Похвалив состояние шва, она уже знала: все будет так, как она задумала. Ей никогда не составляло никакого труда обратить мужское внимание на себя. Ведь недаром сотрудники в шутку, а на самом деле - всерьез, дали ей прозвище «Богиня».

Богини выглядят иначе. Они - статные и довольно плотные. Людмила была худющая, с

острыми плечиками, скорее похожа на мальчикаподростка, чем на женшину-соблазнительницу. Но было в ней что-то неотразимое, гипнотизирующее. То ли посалка головы с прямым требующим ответа взглядом серых глаз, то ли ее манера разговаривать: твердо, с поднятой головой - она не просила. она приказывала. Богиня и - никаких сомнений!

Ошалевший, пьяный от любви и бессонных ночей, Левка потерял ощущение времени, вращался в круговороте встреч и расставаний, и расставания казались вечностью. Он убегал домой, с жадностью голодного волчонка набрасывался на еду, метался от непонимания - кула себя деть. и. не сумев побороть себя возвращался пол ее окна Взобравшись на полоконник открытого окна он сидел и глядел на нее сонную, с закинутой за голову рукой, на запястье которой билась синяя жилочка. Он пытался усмирить стук сердца, который казался ему настолько громким, что он боялся разбудить ее. Она просыпалась под его взглядом, и он ви-

новато признавался:

- Я не могу без тебя... Я не могу без тебя...

Она по-кошачьи потягивалась, зевала Ну иди ко мне...

Он дрожащими руками обнимал ее, осторожно прикасался ко всем выпуклостям гибкого, прохладного тела. Так прикасаются к крыльям ба-

Сбившиеся простыни, кувшин с веточкой цветущей липы на прикроватном столике, сад, дом, город, звезды - все оставалось далеко внизу, и Левка плавал в этой невесомости, и прошлой жизни уже не существовало, и будущее никаким образом не вызывало в нем никакого интереса. Только этот полет.

Уже падая вниз, он не мог понять случившегося, и когда на подкосившихся ногах он присел на корточки, прижимаясь к воротам сада, все ещё не понимал, что произошло...

- Не приходи больше! - она отвернулась к окну и не отвечала на его вопросы, и он не мог заглянуть ей в глаза. Людмила двигалась по комнате, перекладывала с места на место то книгу, то чашку с остатками чая и все повторяла одно и то же:

- Все, уходи! Забудь!

Сколько времени прошло с их первого свилания? Месяц ? Лва? Он не понимал причину разрыва. Левка несколько дней подряд, до полуночи, сидел у ее ворот и беспомощно, почти до всхлипывания, повторял и повторял: «Почему? Что теперь делать?» - плелся домой и там в своей кровати метался, пытаясь задавить слезы, и все удивлялся, что ему может быть так больно...

Людмила с любовью и нежностью рассматривала свой живот, прислушивалась... и ей казалось, что она слышит его дыхание.

«Мой маленький! Осталось совсем чутьчуть и я возьму тебя на руки, и буду кормить тебя грудью, и мы с тобой придумаем тебе имя, и я прочту тебе все книги, и расскажу тебе все сказки, и когда ты научишься ходить, мы обойдем с тобой полмира!

На работе еще никто не догадывался о ее беременности. Однако все поражались Людмиле Анатольевне. Куда девалась ее резкость и сталь во

Что произошло? Ее черты смягчились, и она смотрела на все окружающее с такой добротой и тихой радостью, что мужская половина персонала - все, как один, решили: она влюбилась! И каждый принимал это на свой счет. Женщины перемигивались и шептали друг другу: «Ну, наконец-то, а то уж и не знали, что подумать! Как это, не выйти замуж? Как это не родить ребенка, не создать семью? Давно пора!»

«Ты не обижайся на меня! Нас будет только двое. Ты и Я ...Так уж получилось. Тебе никогда не будет со мной скучно. Я и в футбол даже буду с тобой играть. Я, знаешь, какая сильная?! А захочешь, я научу тебя играть на скрипке? Мы будем собирать гербарий и ловить бабочек. Мы будем строить песочные дворцы и гладить кошку. Я многому тебя научу». Она ни на секунду не сомневалась, что будет мальчик. - «Мой маленький! Мое солнышко! Счастье мое!»

Левка все реже проходил мимо дома Людмилы. Боль как-то загрубела, свернулась в комок и легла на самое дно его обиженного, разбитого сердца.

Уже в конце марта, когда снег свалялся в грязные кучи и деревья застыли в радостном напряжении, ожидание весны уже перешло в уверенность: «Не завтра, так через пару дней плеснет солнце, взорвутся почки и все начнется сначала...» - он свернул на ее улицу и подошел к окну. Левка знал, что ребенок родился полтора месяца тому назад. Знал, что родился мальчик.

Сумерки еще только подкрадывались к окнам, но у Людмилы горел свет, и сквозь тюлевые шторы, Левка видел ее с малышом на руках. Она передвигалась по комнате, держала его на правой руке, а левой перестилала кроватку, приносила бутылочку и постоянно поворачивала лицо в сторону малыша и что-то шептала ему, и - улыбалась, улыбалась.

Этот свет из окна был таким теплым, таким ярким и, одновременно матовым, что, казалось, окно живет своей, не имеющей ни к кому отношения. Там поселилось счастье..

Он задохнулся от боли где-то пол ложечкой - не понимал, отчего именно так больно. Быть отверженным? От странного чувства, что его обворовали? От отчаяния, что он никогда не найдет дверь в эту комнату? Ее просто не откро-

«Змея ты, Людка! Змея подколодная...»

Марина БРОДСКАЯ

Беженцы

Чтобы не запутаться в определениях, скажем сразу, что беженцами настоящими американская администрация не занимается. Не интересны они ей, да и в принципе американцам непонятно, как могут бежать русские из освободившихся от советского гнета республик бывшего Союза.

Речь у нас пойдет о беженцах религиозных. Чудны и дивны дела Твои, Господи - по американским законам проживающие на территории бывшего Советского Союза баптисты и пятидесятники до сих пор имеют статус гонимой церкви. Рухнула берлинская стена, а за ней и Советский Союз. Почил в бозе Совет по делам религии. По хлябям и весям России бродят толпы пилигримов - проповедников и миссионеров всех мыслимых и немыслимых течений и направлений протестантизма. Но Конгресс об этом не знает. С точки зрения американского законодательства лютые комиссары в кожаных куртках до сих пор арестовывают и швыряют в тюрьмы несчастных протестантов за их религиозные убеждения. Комиссары размахивают наганами, дико вращают глазами и пинают воющих гонимых коваными сапогами в нежные зады.

Таких беженцев Америка любит трогательной любовью. Каждой приехавшей семьей занимается социальный работник. Все прибывшие страстотерпцы проходят тщательное медицинское обследование. Каждая семья получает бесплатную медицинскую страховку, фудстампы, наличные деньги и так далее. Взрослые бесплатно учатся, их детей определяют бесплатно в детский садик (для непосвященных - и то, и другое в Америке стоит очень дорого). Естественно, что беженцам помогают найти работу, предоставляют переводчика - проще говоря, вокруг них водят вдохновенный хоровод.

Эту праздничную суету изгнанники воспринимают, как само собой разумеющееся. А как же иначе? Должна же Америка создать им приличную жизнь?

Мне беженцы нравятся. Нравится их простота, незамутненный взор и твердая убежденность в своей исключительности и правоте. Женщины в косыночках и белых носочках. Разговаривая, улыбаются кротко и пристойно. При малейшем поводе - да, впрочем, и без всякого повода - начинают проповедовать, стремясь обратить нечестивца в истинную веру. Отделаться от них, оставаясь в рамках приличий, очень трудно. Бессмысленны робкие попытки объяснить, что я неплохо знаю протестантское богословие, знаком с их вероучением и что, вообще, у меня есть свои собственные убеждения. Все это для них пустой звук. Раз не баптист (или пятидесятник - в зависимости от того, с кем конкретно имеешь дело) - значит, о Христе никогда не слышал, пребываешь в бездне невежества, и нужно срочно тебя из этой бездны извлечь.

Изъясняются на диком жаргоне. Вполне можно услышать такое: «Ну что, Тексас? Мексиканы, да ковбойцы. Не-е, мне больше нравится Уошингтон, у меня свояк там, город еще такой есть на берегу Пасифика, забыл название».

Вообще, провести с ними несколько часов - испытание достаточно тяжелое, поскольку беженцы ничего не читают, потрясают дремучестью, и говорить с ними, кроме как о делах духовных, не о чем. Любые отвлеченные темы воспринимаются, как стартовый сигнал к агрессивной проповеди.

Устремленные всей душою к небесам, они, тем не менее, проявляют живой интерес к возможности еще что-нибудь урвать от Америки бесплатно. На вэлфэре сидеть скучно, поэтому в своем большинстве изгнанники подрабатывают за наличные. Но, чтобы не расстраивать заботливого социального работника, ей об этом не говорят и доходы не декларируют. Перед отъездом в Америку беженцы, естественно, продали дома, машины и другие мелочи суетной мирской жизни, и деньги привезли с собой. Социальному работнику они об этом, опять-таки, не сообщают. Во-первых, зачем отвлекать занятого человека, а, во-вторых, что значит все это тленное и преходящее - в свете грядущей для избранных вечности?

Прошлой осенью я переводил для главы такой семьи. Для простоты назовем его

Сергеем. Семье предстояло вселиться в программную квартиру. Что это такое? Представьте себе, что вы арендуете жилье за 1000 долларов в месяц. Из них 900 долларов платит дядюшка Сэм, а вы платите 100 (из денег, которые, опять-таки, дает дядюшка Сэм). Это и есть программная квартира.

Глядя на нас светло и печально, Сергей дотошно выспрашивал сотрудницу отдела социальных служб, как еще можно уменьшить его долю в квартплате. В полном умилении сотрудница судорожно бросалась пересчитывать в очередной раз свои коэффициенты, чтобы выжать для бедной семьи лишние пятнадцать долларов. Может быть, как раз этих пятнадцати долларов и не хватит, чтобы купить меньшенькой ботинки к школе!

Через пару дней мы со Светой решили устроить небольшой праздник и заскочили в русский магазин, чтобы побаловать себя разносолами. Русские магазины - дело достаточно дорогое и способны пробить ощутимую дыру в бюджете, если заглядывать в них слишком часто. Стоя с женой в очереди, слышу впереди кроткий, приятный голос. Откуда же он мне так знаком?

Прохожу вперед. Ба! Да это же наш мученик веры - Сергей. Перед ним гора пакетов. В последний упаковываются только что взятые сосиски. Эх, жалко, сотрудницы социального отдела нет! Порадовалась бы, что, оказывается, не все так плохо. А то ее аж слеза прошибала от рассказов о лютых лишениях на чужбине.

Спустя пару месяцев я переводил для молодой женщины, проходившей сложное медицинское обследование. Как-то она звонит и просит связаться с клиникой, чтобы перенести последний назначенный тест на более раннее время.

«А что, Наташа, у вас что-то случилось?» - спрашиваю.

«Да, нет, просто мы хотим на пару недель съездить в Аризону к знакомым американцам. И нужно выехать пораньше».

Пораньше, так пораньше. Звоню в клинику, договариваюсь на семь утра. Это значит, что вставать мне в полшестого, но раз нужно, значит, нужно.

На улице еще темно, когда мы с Наташей выходим из клиники. Она растерянно озирается: «Куда же муж подевался? Он должен был ждать у входа, потому что домой мы заезжать не будем».

Из темноты ко входу мягко подкатывает новый, сверкающий лаком микроавтобус. Постойте, постойте, да ведь водитель-то мне знаком! Это же мой друг, Сергей! Ну, действительно, почему бы людям не съездить из заснеженной Миннесоты в теплую Аризону (около трех тысяч километров в одну сторону)? Устали, небось, и намерзлись здесь.

Это у нас не было отпусков пять лет, как не было, впрочем, ни пособий, ни медицинской страховки. Но ведь нас дома никто не гнал и не преследовал, так что все логично.

Беженцы - люди серьезные и к шуточкам не расположенные. Да и, действительно, что же странного, если прожившая в Америке меньше года семья, не проработав официально ни одного дня, покупает дом? При этом выкладывают, ну, скажем, сорок тысяч долларов наличными в качестве первого взноса (в Миннесоте именно в такую сумму выльется взнос в размере двадцати процентов от стоимости средней величины дома).

Как уже говорилось, сами беженцы абсолютно ничего ненормального в такой ситуации не видят. Боюсь оскорбить этих столь легко ранимых и далеких от низменных предметов избранников Божиих, но все же позволю себе задать несколько вопросов: «А вам не кажется, что это не очень-то честно получать от Америки пособия, фудстампы и прочие блага и при этом работать за наличные, нигде не декларируя доход? И как этот обман сообразуется с вашими сладкими речениями? А почему церковное руководство в истинно христианском духе не поставит американский Конгресс в известность о том, что в своей стране уже много лет вас никто не преследует?»

Но мне ли задавать такие вопросы? К свету истины не приобщен, был разведен и, вообще, человек курящий.

Юрий СКРИПНИКОВ

Михаил Мазель

Родился в Москве в 1967-м. Окончил математическую школу и технический ВУЗ. Пишет с 1987-го года. В США с 1997-го года. Поэт, сказочник, фотограф, автор более 50-ги интернет-проектов. Вице-президент Клуба русских писателей Нью-Йорка, редактор Альманаха и веб-сайта Клуба. Автор книг: "Нити дорог", "В краю невыпавших дождей", "Синий вагон метро", "По запотевшему стеклу", "Как есть", "Неслышное дыхание", "Прогулка по росе", "Два слова об очевидном", "Рассказка о Лисёнке и королеве шуршариков", "Умение удивляться". Регулярно печатается в литературных альманахах США и Германии. Участник 7 фотофаставок (3-персональные). На стихотворения Михаила написано более 40 песен.

АЗ ЕСМЬ

Вере Полозковой

Новость не в том, что я здесь. Новость не в том, что "всегда" самая странная взвесь, пылью в которой - года плавают в жидкости слов, ловко взмываясь со дна... Новость не в том, что я весь. Сказано было "Аз есмь". ... Новость пребудет одна.

Вечно под надписью "вход" подданным собственных лиц. Пятнышки нотного GO. Ходики выведут "блиц". Стенки разверзнутся, и - вниз или вверх. В никуда? В этой Галактике мысль, что в пустоте слово "высь". Взвесь... Это только руда.

Только опять пузырьком, что-то взметнётся от нас. Ты не свернёшься зверьком в правом углу полотна. В горле не выдох, не ком. Веком не вымерить жизнь. Бьётся пинг-понговый шара. ... Господи! Только скажи...

ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ ЗНАК

Она возникла из моей печали на рубеже бессонницы и сна. Я делал вид, что я не замечаю, пытаясь скрыть, что я её узнал.

Я, млея, в сотый раз снимал пальтишко, прижавшись к складкам платья на груди. Я слишком долго ждал...

не смейтесь... слишком... чтоб шквалом чувств любовь разбередить.

Задумавшись, она смотрела мимо, туда, где синева стекала с крыш. И плыли не спеша минут налимы, сбиваясь под меня, как под голыш.

Я смутно видел: люди на бульваре налимов обходили стороной. И не было ни звёзд, ни киновари над снова перетянутой струной.

И в этом мире до утра притихшем опять, как повторяющийся знак, меня терзало серое пальтишко, пришедшая из бездны новизна.

ВИТРИНА

Как хорошо прозрачным утром брести по скованной тропе, морозу подставляя куртку, как он, слегка оторопев.

Мир замеревший на витрине, ждёт появления тепла. Деревья укрывает иней. Тропа бела. Печаль светла.

Так славно, в каждый шаг вливаясь, ловить... сперва полутона. Потом созвучья. Будто сваи, мир подпирает пелена.

И день, деталями рисуя, проступит. Бледный позитив. И всяк, кто замечать рискует не избежит сего пути.

НЕДОУМЕНЬЕ

Вся наша жизнь – недоуменье. Один сплошной вопрос – Зачем?!. Гармония – моё именье, и вне его – я глух и нем. Я - раб изысканного лоска, тону туманом в щетках нив и делаюсь я отголоском, и только в этом не ленив.

Мне оттого слышнее лето и осень явственно видней. Я просыпаюсь из буклета и чувством остаюсь на дне.

За эту сладостную горечь я вас прошу меня простить. Вращенье неба не ускорив, дождь продолжает моросить.

И это, право, очень просто, проститься, снова возлюбя... Тогда отвалится короста, наивней делая тебя.

КАРЕЛЬСКИЙ ТРИПТИХ ДОРОЖНАЯ

Не печалься, милый друг - всё пройдёт. Набирает поезд пусть быстрый ход. Раньше времени грустить не спеши. Ты успеешь ещё всё совершить.

Бледно светит над дорогой луна. На пути встает лесная стена. Страхи только ты в душе не буди. У тебя ведь всё ещё впереди.

Пусть тревогу и печаль смоет дождь. Сокровенного в душе лишь не трожь. Ты гитару свою лучше настрой И про дружбу и любовь песню спой.

Птицей пусть она взлетит над костром. Белым голубем отправится в дом. Кому надо, сообщит, что любовь Не умрет, покуда есть в жилах кровь.

Над тайгою тихо встала звезда. По дороге вдаль бегут поезда. А мечта рекой течёт на восход. Дальний белый прогудел пароход.

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

На холме в Карелии над озером распласталась белой песней ночь. Тёплый дождь полночной тихой прозою гонит от костра в палатки прочь.

Вдалеке над сопкой блещут молнии. Поднял ветер легкую волну. Я спешу запомнить ту гармонию прежде, чем щекой к тебе прильну.

На холме в Карелии над озером спят в палатках добрые друзья. Не мешают им раскаты грозные. Тихо сочиняю песню я.

Песню про тебя и про скитания, шумные пороги и леса. Тишина одна внимает втайне мне, распахнув озёрные глаза.

А заря уж снова занимается, розовея, манит вновь восток. Лето ещё только начинается. Шелестит исписанный листок.

ОБРАТНАЯ ДОРОГА ИЗ КАРЕЛИИ

Прощальный гудок паровоза. Косой быстрый росчерк дождя. Как в сердце, вонзилась заноза, но боль ощутишь погодя.

А поезд всё ход набирает и скоро уж въедет он в ночь. Да небо всё ниже свисает, озёра проносятся прочь.

Как сон, незаметно промчались недели в карельской глуши. На память на зиму остались грибы, что успел засушить.

Остался оборванным эхом простор для полёта мечты и лег в душу радостным смехом, тоску вытесняя в кусты.

Дорога уносит нас к дому. Не виден во тьме поворот. И льется мотивом знакомым карельский прощальный фокстрот.

ПРОЩАНИЕ С МАРШРУТОМ

Олегу Митяеву

Вагон качнулся, и лица поплыли назад. Прощанье и взмах рукой. И вместо "будем" споём мы – "были". Пойдут рассказы потом рекой.

А лес желтеет, не облетая, но улетает назад - назад. Ты смотришь в небо, и небо тает, ползет заката с него слеза...

И лишь гитара осталась с нами, всегда готовая рассказать о том, как стихло заката пламя, о том, что было - чего не взять.

Вагон качнулся, и лица поплыли назад. Прощанье и взмах рукой. А всё ж свершилось, и мы тут были, одной мы плыли с тобой рекой.

Александр Долинов

Родился в Ленинграде. Закончил актёрскую студию З.Я. Корогодского. Работал в Рязанском ТЮЗе. Любимая роль: Карлсон, который живёт на крыше

В 1976 г. эмигрировал в Израиль. Там работал в театре, снимался в кино, служил в армии.

В 1984 году приехал в США. Живёт в Нью-Йорке, работает в такси. Пишет стихи. Встречается с читателями.

Собаковод

Я хотел бы быть известным, молодым собаководом. И не так собаководом,

как известным, молодым. Я хотел бы быть красавцем, не хотел бы быть уродом, Я хотел бы быть кудрявым,

не хотел бы быть седым.

Я хотел бы, чтобы дочки тихо маменькам шептали:

«Посмотрите-ка, мамаша, кто там движется в авто». Я б хотел, чтоб мирно птицы

надо мною щебетали, Чтоб гулял я по проспекту в светло-бежевом пальто.

Но, как видно, не судьба мне – молодым собаководом... Может статься, черепаху

как-нибудь приобрету. Я бреду себе понуро

под угрюмым небосводом.

Сапоги мои промокли

и противный вкус во рту.

Глория над Нью-Йорком

Я был когда-то злостный хулиган И не боялся в жизни ничего, И был не страшен мне ни ураган, Ни тяжкие последствия его.

Когда он над Нью-Йорком бушевал, Из рук прохожих дёргая зонты, Я сел за руль, как будто за штурвал, И с ураганом перешёл на ты.

И весь Манхэттен, из конца в конец, Пересекал я лихо, как хотел, И руль, как меч волшебный-кладенец, Руками я уверенно вертел.

И чаек, и гагар я слышал стон, И глупый пингвин прятался в утёс, И вторил чайкам я, как камертон, С лицом, намокшим от дождя и слёз.

И счастлив был я до потери сил, И возбуждён предельно от того, Что имя женское тот ураган носил, Поскольку звали Глория его.

Старенькая леди не врубилась

Одна, довольно старенькая леди Каталась как-то на велосипеде. Я подошёл к ней тихо и сказал: «Простите, где здесь Витебский вокзал?»

Но леди как-то не врубилась сразу, Она взглянула на меня в полглаза И в стороны руками развела... Поскольку это Англия была.

Молчальник

Какой-то старичок из Арканзаса, Чтобы не тратить слов своих запаса, Не говорил буквально ничего: «Герасим» звали близкие его.

алеко от меня

Международная литературно-публицистическая газета

Такая странная музыка аккуратно, чтобы получилось подлиннее, вытащить из тренировочных брюк похожую на червяка резинку, приложить ее близкоблизко к уху и указательным пальцем водить по ней сверху вниз - то получится похоже: нежно и неспокойно.

Ровно десять часов утра. Последние известия. Новых трудовых успехов достигли нефтяники Азербайджана. Голос у дикторши мощный, уверенный, радостный. Наверное, она никогда не кашляет.

Я болен и не пошел в школу. Бабушка на кухне. Я слушаю радио. В 10.20 должна начаться передача «Звездочка».

Кто идет? - Мы идем -Дружные ребята. Кто поет? - Мы поем -

Ок-тя-бря-та.

А потом один октябренок задорно скажет: «В эфире - звездочка». И добавит чуть с хитринкой: «Наша октябрятская звездочка».

Читать мне тяжело, в комнате никого нет, и, если бы не радио, было бы совсем скучно.

Я и сейчас помню - в 10.20, каждый вторник и четверг.

Саша Кудимов из Петрозаводска плохо учился, обижал девочек и, вообще, противопоставил себя коллективу. К концу передачи он понял свои ошибки и встал на путь исправления.

Я был тогда смешной, толстощекий, нервный. В очках. Слушал радио. Сейчас не слушаю.

А Саша Кудимов из Петрозаводска тоже вырос - прошло больше тридцати лет. Вторая жена, трое детей, с женщинами снисходительно резок, пользуется у них успехом, начал седеть, просыпается иногда в три часа ночи и тоже не может уснуть из-за обычных, простых мыслей.

А потом, в 10.35 - радиоволшебник Николай (забыл отчество) Литвинов. Он рассказывает сказки почти каждый день его голос я слышал не реже папиного. На комбинате вечно какие-то проблемы.

Крибле-крабле-бумс. Литвинов так сладостно растягивает что замирает сердце. Сейчас гласные, начнется.

Жили-были...

В нашей квартире жили 37 человек. Люди разных профессий - продавцы овощного отдела, грузчики, разнорабочие, продавцы вино-водочного.

Громадная, с лепным потолком, кухня, и у каждой семьи - свой стол.

На кухне скандалили и даже дрались. (Позавчера Виктор Петрович выбил зуб непрописанному жильцу из комнаты у черного хода. Я видел это, я видел.)

Но было чисто. Потому что строго соблюдался график уборки квартиры.

А в одиннадцать - производственная гимнастика. Ставим ноги на ширину плеч, руки в сторону. Вдохнуууули...

Почему-то всплывает фамилия Гордеев. Наклоны туловищем вниз. Прямее, прямее. Не сгибайте ноги, не сгибайте. Спина должна быть прямая.

Я не понимал тогда, откуда Гордеев знает, что кто-то ошибается, как он это видит. Радио ведь..

Бабушка возвращается - суп на плите, крышка закрыта плотно. Все равно могут открыть и бросить в кастрюлю какую-нибудь гадость. Бабушка снова идет на кухню.

Недавно дедушка купил «Спидолу». Теперь, когда я сплю, можно слушать Би-Би-Си. Если я не буду спать в это время, то могу случайно проговориться. Соседи, оказывается, только этого и ждут. Они - сволочи, не при ребенке будь сказано. Бабушка с соседями с утра до вечера. Тридцать два человека, не считая нас, нужно иметь стальные нервы.

Тридцать два - это особое число. У взрослого человека тридцать два зуба - до того, как ему выбьют первый. Если выбьют или удалят два - то останется тридцать. Я хорошо считаю для своего возраста. И уже носит очки, ай-я-яй!

Шейнер-пунем. Можно дать ему шоколадкас?

Я умею настраивать «Спидолу» на третью программу. В 11.30 там всегда какойнибудь спектакль для детей.

«На графских развалинах», вторая часть. Ничего не понятно, но жутко. Рядом, на развалинах, прячется враг. Мой враг. Но все будет хорошо. Третья часть - завтра. Я

еще не пойду в школу. Часто болею. Звонит мама. Все будет хорошо. Горло болит, но меньше. Да, бабушка дала мне лекарство. Она на кухне. Не надо ее звать.

Телефон есть только у нас. Еще один общий - в середине коридора. Желающих всегда много, не пробиться. Поэтому ругань. Но в коридоре чисто.

Потому что строго соблюдается график каждая комната дежурит столько недель, сколько в семье человек.

За меня уже давно убирают, а Витьку только что включили в список - ему исполнилось три месяца. Запах от его пеленок невыносимый и на кухне, и в коридоре. Она и пеленки не гладит, прости-господи. И отца нет, прости-господи. И пьет, прости-господи. Прости-господи. Это надо запомнить. Я уже узнал, что-такое женщина-бля. Пьяная женщина, вот что такое. Я понял это по смыслу всего предложения - там, в коридоре. Бабушка тихо разговаривает по телефону, а я все слышу. Я и про Би-Би-Си кое-что услышал и догадался обо всем. Би-Би-Си похоже на Тбилиси.

Тридцать два человека, не считая моих, и ко всем нужны стальные нервы. Да и к моим тоже. Ну ладно, пойду кормить.

Я не хочу, пусть остынет. Еще только 12.30. «В рабочий полдень».

«Болеро» Равеля... Я представляю караван верблюдов, бредущих через пустыню. Однообразный утомительный пейзаж, песок, от солнца болит голова, горло.

Бабушка дает мне лекарство.

Йет, не выключай, - говорю я. Верблюды ускоряют шаг, теперь легче дышать. Впереди - вода. Мне надо больше пить, чтобы поправиться. И пора обедать.

Я вожу ложкой по тарелке. Верблюды потихоньку исчезают.

Я иду в уборную. В коридоре шепчутся две трезвые соседки. Я разбираю только: «они», «они». Увидев меня, замолкают. Значит, говорили о нас, и тоже не хотят, чтобы я слышал: «Они» - это мы, конечно. А кто «мы» - непонятно.

Телефон, как всегда, занят.

Равель - похоже на Рахиль. Я люблю играть в слова. Я играю сам с собой - знаю, что такое рифма, а недавно придумал новое слово - тенн-денн-ция.

Как будто струна: или резинка от тренировочных брюк - дрынь - дрынь. А рифмоваться могут совсем непохожие слова - например: слякоть - плакать.

В «Рабочем полдне» теперь песня: «Ну, а за окном - то дождь, то слякоть, что-то там еще и косогор. Чтобы не пришлось любимой плакать, крепче за баранку держись, шофер».

Может быть, я буду шофером. Хотя вряд ли.

 объявления. Фабрике «Большевичка» требуются шоферы, учетчицы, прядильщицы, мотальщицы...

Я все еще слушаю: в панорамном кинотеатре «Ленинград» новый: засыпаю. По ленинградской радиотрансляционной сети объявляется перерыв до четырнадцати часов. А потом - смешные звуки - будто икает человек, только не пьяный, а трезвый Засыпаю.

Но не заснуть - как сейчас, в три часа

Может быть, я до сих пор не сплю. А может быть, все это был сон. Засыпаю.

Хорошо, что я проснулся вовремя... 15.00. По третьей программе еще один спектакль. собака Рувим Динго». «Дикая Фраерман. Опять не помню отчества. Впрочем, и так ясно.

Что было на самом деле? Все забывается.

Я забываю слова из песни:

Какое-то море, какая-то пена Не помню чего бесконечная смена.

Но что это был за голос у поющей девочки (я тогда и подумать не мог, что это актриса)! Нежный, невыносимо приятный голос. К горлу подступает комок - не потому, что оно болит. Музыка и голос проникают в меня, охватывают полностью:

«Дикая собака динго». Другое название-«Повесть о первой любви».

А слова - они не так уж и важны Дескать, привет, привет, я - кенгуру,

Я за прыжки ничего не беру.

Восторженно и грустно - я и не представлял, что так бывает. Печаль - это слезинка, а не рыдания. Я расту.

А когда я расту? Вообще, когда люди растут? Вот человек просыпается утром, такой же, как и вчера, перед сном. Сегодня до вечера он тоже не изменится. Завтра опять утро, человек опять такой же. И к следующему вечеру то же - если, конечно, не случится какая-нибудь неприятность - с зубом, например - если выбьют или удалят. И так, не меняясь, изо дня в день, изо дня в

Но ведь человек растет - ребенок становится взрослым, потом - стариком. Когда же растет?

Я и теперь не знаю - когда. Во сне? Или, если не уснуть - в три часа ночи.

- Пока их вырастишь, - вздыхает бабушка. - Звони, конечно. Что же ты сразу не пришла. Какая у него температура?

- Тридцать девять и семь, - говорит Витькина мама. Она набирает «скорую». - Пока их вырастишь, - вздыхает бабушка.

15.40. «Правильно ли мы говорим».

Передача о русском языке. Слушатель Быков из Москвы спрашивает, где правильно поставить ударение в слове «каталог». Отвечаем товарищу Быкову.

А вот ответ - не помню. И до сих пор не знаю, где - правильно.

Не только слева направо. Наши друзья арабы пишут справа налево.

Бабушка недовольно хмыкает.

- А знаешь, кто еще пишет справа налево?

Я знаю. Шейнер-пунем.

А в 16.00 - «Ровесники. Передача для старшеклассников». Похоже на «Звездочку», только серьезнее. Комсомольское собрание в школе N1 Ленинского района. Песня о комсомоле по многочисленным просьбам. Лев Пирогов из Рыбинска ругается нехорошими словами, противопоставляет себя коллективу, и даже схватил в физкультурном зале девочку из «9Б» чуть ли не за плечо..

Если бы я слышал другие передачи, то кое-что изменлось бы в моей жизни. Но все равно бы я просыпался в три часа ночи. Или

Интересный вопрос задал десятиклассник, фамилию которого я сейчас называть не буду.

выпускные Предстоят экзамены, родители хотят, чтобы он поступал в институт... А зачем, спрашивает он. Зачем работать, прикладывать усилия, мучаться, преодолевать сложности, если все равно пройдет время, мы умрем и от нас ничего не останется? Зачем нужно все, если не остается ничего

Я хорошо помню этот вопрос. Зачем?

Ответ вот не помню, опять не помню. Болит горло и страшно. Зачем нужно слушать, если страшно.

17.00. Радиостанция «Юность». Я выключаю радио. Мы играем с бабушкой в слова, я разговариваю по телефону с одноклассником Павликом, скоро все придут с работы и будут любить меня, спрашивать, какая температура, и жалеть. А радио больше не буду включать. Зачем?

В 18.40 -Почему-то включаю. «Ленинский университет миллионов». До маминого прихода - десять минут. В китайском руководстве верх берут нездоровые тенденции. Ой! Тенденции. Миллионы взяли мое слово - это же я придумал! А откуда они знают, что это слово значит - я ведь и сам не знаю

Ничего не значит - и все другие слова ничего не значат. Сейчас придет мама.

Я - маленький, толстощекий, нервный. Оно никуда не ушло - я еще помню то время.

Я еще помню то время - 10.20, 11.30, 15.00, 18.40... Вспомнил отчество радиоволшебника-

Владимирович. Николай Владимирович Литвинов

Крибле-крабле-бумс.

Жили-были. И все - пересохло во рту, красное горло... но зачем проверять - болит ли? глотать обиду... или вину. Зачем? Просто: жили-были... Я ложусь спать - уже поздно. Кто хочет,

может посидеть со мной - это я так шучу. Я опять слышу радио - тихо, из другой комнаты:

Капли датского короля пейте, кавалеры, Капли датского короля пейте. кавалеры...

Слова сливаются, я их плохо разбираю... Что это за каплитанский король и почему его надо пить? Слова сливаются - но я понимаю: за стеной - чудо.

Не сегодня - я уже сплю.

На самом деле все было не так, как мне кажется сейчас. И не так, как было на самом деле

А тренировочные брюки отлично помню - обязательно черные или синие. Можно аккуратно вытащить резинку. Сейчас таких резинок нет, но можно найти другую. Натянуть ее, ударить указательным пальцем и услышать музыку. Только надо держать резинку близко к уху. Близко-близко.

Михаил РАБИНОВИЧ

10 июнь -Июль 2010 г. Новая Зеландия ___

Сергей Киреев

Представитель гезеты «ПИ 1» в Новой Зеландии

Мы выехали из Крайчерча около четырёх часов дня. Около тридцати минут потребовалось, чтобы выехать за пределы города и, наконец, освободиться от надоедливых светофоров и перекрёстков. Я свернул на трассу, ведущую в небольшой курортный городок Акароа, расположенный к югу от Крайсчерча на берегу живописной, до невозможности голубой, одноимённой бухты. Когда-то именно там первые французские поселенцы, открывшие для себя этот уголок рая, охотились на китов. Кстати, чаны, в которых они топили китовый жир, сто

ят там и поныне, но теперь под навесом небольших, деревянных грибков, дабы сохранить их для многочисленных туристов и потомков. О бывших поселениах сами за себя говорят названия улиц в городке, на восемьдесят процентов состоящих из

французских слов.

Была середина февраля. Февраль в Новой Зеландии - это разгар лета. Тот, кто приехал сюда недавно, плавно смирится с этим не может, и упоминание о том, что это всё-таки лето, у них всегда вызывает улыбку. А тот факт, что Санта Клаусы разгуливают, выполняя свою миссию на Кристмас и на Новый год по улицам в красных шортах и нередко во вьетнамках, многих вообще просто вызывало смех. Погода в этом году, в феврале месяце, стояла прекрасная. Огромное, ярко-оранжевое новозеландское солнце находилось ещё высоко над линией горизонта и отражалось в гладких зеркалах мелководных лиманов яркими рефлекторными тарелками. Вечерело. Февраль - сезон рыбалки на угря, вот именно потому мы и отправились на озеро «Лителрива». Я не знаю его оригинального названия по-английски, но, кажется, это озеро все местные русские окрестили по названию впадающей в него реки. В общем, её-то и рекой назвать не совсем удобно, так, арык какой-то, шириной, может, метров в пять-шесть. Иногда здесь можно увидеть рыбаков не столько ловящих рыбу, сколько убивающих здесь нимающейся с лиманов по речке вверх то-

своё личное время, поскольку, кроме подщей селёдки, ничего не ловилось, да и та шла на крючок исключительно только под влиянием чувства долга. Нам нужно было обязательно попасть на озеро перед закатом. Почему? К этому я вернусь позже. Времени у нас было предостаточно, поэтому я вёл машину не торопясь, давая возможность моему единственному пассажиру насладиться открывающимися видами. Света сидела молча и непрерывно вертела головой во все стороны, восхищенно разглядывая непривычные причудливые пейзажи неизвестной ещё ей страны и, наверное, думала о том, что никогда не привыкнет к ним, ну и, конечно, родными они ей наверняка не станут. Хотя, как сказать -- поживём, увидим. Справа тянулись нескончаемые, серебряные блюда лиманов, а слева глиняные, с редкой растительностью, холмы с причудливыми обрывами, слоящимися, словно куски разрезанного, но недоеденного пирога. Вокруг хаотично были разбросаны огромные валуны, обросшие тёмно-зелёными лишаями мха. Местами они были нагромождены один на другой и создавали впечатления некоторого осмысленного строения. Совершенно не верилось в то, что они вылезли из-под земли, а не были сброшены с неба некой неведомой силой. Редкие, похожие на пальмы деревья, разбросанные по склонам холмов или одиноко стоящие у их подножья, придавали этой картине какой-то не совсем земной вид.

- Смотри, смотри!! Что за птицы? Какие необычные, и клювы у них такие здоровенные и красные! - прокричала почти мне в самое ухо

По лиману действительно расхаживали чёрные, довольно крупные, наверное, с курицу, птицы пухека с массивными красными клювами. Название это, по всей видимости, придумали маори. Для тех, кто не знает, маори коренное население Новой Зеландии, в общем, аборигены. Птицы осторожно ступали длинными тонкими ногами по топкому илу, отыскивая мелких крабов, ракушки и всякую другую живность. Я встречал их везде на берегах водоёмов, вот так же расхаживающих на неестественно тонких ножках-палочках.

Это птицы пухека. Их здесь много, Света, берега лиманов испещрены тысяча-

Лунная рыбалка

ми маленьких норок, в них живут мелкие, как жучки, крабы, вот они и охотятся на них. Если подойти ближе к берегу, ты увидишь, что берег просто кишит крабами, безразлично бросил я, поглядывая в зеркало заднего вида, уж слишком я медленно плёлся и не хотел причинять неудобства следующим за нами машинам.

-- Слушай, ну как ты так спокойно обо всём этом можешь говорить, здесь так всё необычно. У тебя нет чувства романтики!

Я громко рассмеялся в ответ:

- -- Ну, ты даёшь, Светка!! У меня-то и нет?! Ещё вчера вечером оно у меня присутствовало, если верить твоим вчерашним словам, или ты мне льстила? Кстати, по достоинству оценил твоё чувство юмора.
 - Да ну тебя, ты всегда найдёшь, что сказать. - Находчивость- черта гениев и великих
- авантюристов, -- парировал я в ответ. Ну а ты, конечно, гений, я так пони-
- маю. Света саркастически улыбнулась - Без всяких сомнений, иначе я могу заподозрить тебя в плохом вкусе, ведь в авантюриста ты бы не влюбилась! Верно?

Света залилась звонким смехом:

-- Ты очень самоуверенный и самовлюблённый гений, в такого могла влюбиться только такая неискушенная и доверчивая девушка.

дорожника зашелестели по гальке. Метров через двадцать я остановил машину и вышел, чтобы открыть низкие, сваренные из труб ворота. Неизвестно, что и от чего они отделяли и кому преграждали путь, поскольку ни справа, ни слева от них никакого забора или проволочной изгороди не было. Похоже, эти ворота отделяли один мир от другого. Мир реальный от мира вымышленного. Мы выехали на скучный пустырь, которому словно во все стороны нет конца и края - он был поросший высокой выцветшей, казалось, неживой высокой травой. Я часто видел здесь людей с ружьями, охотящихся на зайцев, обитающих здесь в изрядном множестве. Метрах в двухстах паслись лохматые, похожие на стожки сена, овцы. Через несколько минут сплошная заросль превратилась в редкие островки и плеши, а потом и вовсе исчезла, и мы, наконец, выехали на берег озера. Дул небольшой, но довольно прохладный ветер, странно, почему на берегах водоёмов всегда чего-то дует? Озеро это, по меркам Новой Зеландии, довольно большое. С левого до правого берега оно тянулось, видимо, на полтора, два километра, с нашего берега до противоположного, наверное, метров пятьсот, шестьсот. Берег, на котором мы находились, был покатым и плавно уходил в воду в грязно- жёл-

Я свернул вправо от шоссе, и шины вне-

-- Согласна, не дотягивает, ну не тебе же одному лавры примерять, в конце концов, дай мне хоть одной веточкой покрыться! Ладно, ты делом заниматься думаешь?

-- Подожди немного, сейчас всё устроим, вот разожжем огонь, зажарим шашлыки, «Шардоне» откроем, и всё твоё первое впечатление забудется. Правда, попугаев я тебе всё-таки не обещаю, но вот копченого угря гарантирую...

-- Да я не ворчу, просто с ожидаемым не сошлось. Копчёный угорь - это просто здорово, я обожаю копчёного угря да ещё в таком живописном месте - пальмы, попугаи! - Света смешливо огляделась по сторонам. -- Давай помогу, чего ты его один тянешь, мангал ведь тяжелый, с этими словами Светка подбежала ко мне.

Я уступил ей один край, и через минуту мы водрузили его в десятке метров от берега. Потом выгрузили снасти, продукты и дрова, я подключил к электрическому насосу надувную лодку. Когда в мангале разгорелось пламя, я набросал туда побольше дров и предложил Светке

-- Пошли по берегу побродим, я разбужу в тебе вкус к романтике, поверь, она здесь повсюду.

-- Хорошо, идём, с пальмами ты меня обманул, вот так мне, наивной, и надо, но сейчас я тебе верю.

Мы медленно пошли вдоль берега. Я обнял её за плечи, а она сунула свою тонкую ладонь в задний карман моих брюк:

-- Кнотик, у тебя волосы до сих пор душем пахнут.

Светка вопросительно подняла

-- Я забыла перевод. Кнотик, это что? Звучит вкусно, это, случаем, не

съестное? -- Кнот - это морской верёвочный узел по-английски, хотя это же применимо и к скорости.

-- Ладно, буду Кнотиком. – И, помолчав, добавила: -- Всё не приевшиеся котик, кротик, зайчик...

Было ещё довольно светло, но солнце уже перевалило за пограничную черту, отделявшую день от вечера, ветер стих, и наступило предзакатное затишье. На гребне возвышающейся скалы полыхало оранжевое пламя заката, отражаясь в редких перьевых облаках и гладком зеркале озера. В зарослях травы иногда, перебегая с места на место, ктото шумел, возможно, птицы, а, возможно, и зайцы, а может быть и опоссумы. Немного поодаль от того места, где мы разбили лагерь, стоял старый заброшенный дом. Он сейчас как раз был у нас на пути, только чуть в глубь от берега. Штукатурка с его стен местами осыпалась и обнажила каменную кладку, давно не крашеные стены хранили отпечатки и автографы бывших обитателей. То там, то здесь можно было увидеть остатки каких-то надписей, обрывки слов.

-- Давай зайдём, Светка? – пред-

-- Я боюсь, этот дом такой старый, что в нем, наверное, ещё живут привиде-

-- Брось, трусиха, ты же со мной и, к тому же, с привидениями у меня негласный договор о творческом сотрудничестве, они мне души поставляют, причём, заметь, самые лучшие!

Мы подошли ближе. Когда-то в этом доме, как оказалось, находился лодочный клуб, а теперь всё было в полнейшем запустении. Это мне показалось довольно необычным фактом для Новой Зеландии. На берегу такого большого озера когда-то находился клуб, а теперь его не стало. Озеро стоит, а клуб развалился? Хотя это, наверное, потому, что до ближайшего жилья отсюда довольно далеко. Внутрь мы заходить всётаки не стали. Ну, что там можно было увидеть интересного, кроме, может быть, забредшего и умершего там барана? Напротив домика, на берегу, ещё были видны остатки некогда существовавшего здесь деревянного моста. Я живо сых ног, бренчание уключин, стук вставляемых

-- Димка, смотри, дыма не видно, может, уже дрова прогорели? – Светка приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть пламя мангала.

-- Ладно, поворачиваем назад. Как раз время и сеть ставить, солнце к закату движется.

Угорь - рыба очень необычная и интересная, мне иногда очень трудно свыкнуться с мыслью, что это всё-таки рыба. Будь моя воля, то я, наверное, придумал какой-нибудь новый подраздел для этого вида земноводных. Сезон рыбалки на него начинается в конце января, в начале февраля. Что интересно, угорь ловится только на закате солнца и после него ещё два, два с половиной часа. На удочку он клюёт просто по-трясающе, это - настоящий азарт, игра, если хотите, даже охота. Угорь - рыба очень сильная, чтобы вытащить её, нужно приложить кучу усилия, но ещё тяжелей, наконец, вытащив её на сушу, снять с крючка. Вот тут начинается настоящее шоу. Поговорка: «скользкий, как угорь» оправдывает здесь себя полностью, в совокупности с силой и скоростью его вращения на суше превращает это действие в «увлекательное» единоборство, родео.

Продолжение на следующей стр.

-- Ты перечислила не все свои достоинства, Светка, я знаю, у тебя их гораздо больше.

- -- Ага... Кстати, одно из них это скромность, а у тебя оно полностью дефрагментировалось в недостаток.
 - -- Чего, чего оно сделало?
- -- Дефрагментиририровалось. Да ну тебя, я уже запуталась совсем, с тобой это легко. -- Это потому, что ты всегда пререкаешь-
- ся, Кнотёнок!
- -- Ну, посмотрите только на него. Гений во всей красе и пререкаться с ним неможно!
- Ещё немного, Светка, и я отгрызу тебе vxo. -- мне было так смешно от её слов, что стало трудно вести машину. - Вместо того, чтобы ёрничать, лучше бы местные виды разглядывала а то вель потом скажень что я тебе всю лорогу мешал. Не забывай, обратно мы уже ночью двинемся, ничего, кроме звёзд, не увидишь.
- -- А мне и звёзд будет достаточно, они здесь тоже необычные и светят не так, как в России. И потом такой Гений рядом... -- она обхватила мою шею и чмокнула в щёку. - Слушай, на склонах холмов так много овец, но я не видела. чтобы они выходили на дорогу.
 -- А ты приглядись повнимательней,
- вдоль всей дороги идёт изгородь из тонкой проволоки, а по ней слабый электрический ток, вот они и не выходят за неё...
- -- Вот как?! она прищурила глаза и тут же заметила редкие столбики в небольшом отдалении от дороги:

--Точно!

До озера оставалось уже немного, километров пятнадцать. Вскоре ландшафт справа начал приобретать другие формы. Лиманы оставались позади, а на смену их отвоёвывала пространство скучная, поросшая высокой рыжей травой, необычная степь. Слева всё тоже постепенно менялось - глиняные, холмы-пироги отдалялись от дороги, уступая место такой же скучной степи.

- -- Скоро будем на месте. Кнотик...
- -- Озеро, по какому борту ждать, капитан? -- Справа по курсу, как только скалы появятся, считай, что приехали...
 - -- Здорово!

тых пузырях пены у кромки прибоя. Другая сторона была полной противоположностью. Отвесный срез скалы высотой в добрую полусотню метров с вертикально-наклонными разломами напоминал непреступный берег необитаемого острова. К краям озера скала, постепенно снижаясь, переходила в такой же скучный пустырь, покрытый галькой и высокой травой. Я остановил машину на небольшой чистой прогалине между двумя одинокими плешинами травянистых зарослей:

-- Приехали, выгружаемся! - скомандовал я, исподтишка наблюдая за Светкиной реакцией. Надо сказать, что открывшаяся скучная, совсем не экзотическая панорама нисколько не воодушевила её. Светкины уголки губ съехали книзу, а глаза, обманутые ожиданием, погрустнели. Я же, глядя на нее, напротив, еле сдерживал улыбку:

-- Ну, что же ты, давай помогай! Давеча кто-то заснуть не мог от предвкушении романтики, а теперь из машины вылезать не хочет...

-- Ты куда меня завёз? Это что, то самое место, куда мы битых два часа добирались? Я так не играю, мы так не договаривались! Это всё выглядит, как, к счастью, недосмотренный неприятный сон: ни зелени, ни пальм обещанных, ни оранжевых попугаев...

-- Ну, с пальмами я, положим, пошутил, а вот оранжевых попугаев ты сама придумала. И потом мы на рыбалку собирались, а не в ботанический сад, а здесь, смею заметить, угорь идёт, как оглашенный...

Света вышла из машины, осмотрелась, поёжилась после тёплого салона автомобиля на прохладном ветру:

-- Угорь глупый, и тот понимает: ему с таких-то красот всё равно куда иммигрировать, даже на сковородку согласен, вот и клюёт, как ты там говоришь, как оглашенный.... Брр и холодина такая, -- она застегнула замок лёгкой куртки до самого верха и плотней обернула вокруг шеи короткий лёгкий шарфик.

О первопричинах иммиграции угря мне, откровенно, Светкина версия довольно понравилась:

-- Слушай, Кнотик, Дарвин по сравнению с тобой, первоклашка сопливый...

Если вам попался большой угорь, вероятность снять его с крючка живым очень мала. Конечно, опытные рыбаки на угря делают это за считанные секунды, но новичкам приходится туго. Лично я для ловли угря всегда использую специальную сеть. Это металлическая рамка, точнее, полуокружность диаметром около полутора метров, обтянутая сеткой-«хамсаросом» с воронкообразным входом. Чулок или мотня (в простонародии) делается длиной до трёх метров. В неё обычно кладут куски тухлой рыбы, хлеб, ненужное или испорченное мясо. Примерно такой же конструкции плетут так называемые «морды», но только из лозы, у нас на родине, в России. Как всегда на закате сетку заносят или завозят на глубину около полутора метров, глубже не требуется, и оставляют на два, два с половиной часа. Ну, а потом с помощью верёвки-подборы её выбирают на берег. Ну, вот это, пожалуй, вполне полное описание всего процесса. Для глубины впечатления о рыбалке на угря я всё-таки прихватил с собой спиннинг, весь азарт рыбалки можно испытать только с удочкой.

- Я стащил лодку в воду, бросил в неё наживленную сеть
- -- Светлик, потравливай конец, я отплыву метров на десять, а ты держи его покрепче!
 - -- Какой такой конец, Димка?
 - -- Ну, верёвку эту, что у тебя в руках.
- Через полчаса сеть была уже в воде, конец верёвки обмотан вокруг вбитого на берегу штыря, лодка на берегу, я занят шашлыком, закат догорал тёмно - алым цветом, а Светка топталась вокруг вне себя от нетерпения. Милая моя, смешная Светка!
- -- Ты всё не так делаешь, подожди, я помидоры нарежу! И куда ты дел лук? - Она нашла в куче пакетов спасшуюся во время сборов от моей сортировки разделочную доску, -- Вот видишь, а ты говорил, не нужна!
- -- Каюсь и снимаю перед твоей прозорливостью свою набитую соломой голову!

Вскоре в мангале зашипели вспышками огня капли жира, и в воздух поднялся аромат маринованного по моему рецепту мяса, поджаренного лука и помидоров.

-- Димка, пахнет-то как здорово! Первый раз буду есть новозеландский шашлык из самого настоящего новозеландского барашка!.. Туши!!! Туши!!! Димка, ну куда ты смотришь?! Нет, ну что бы ты без меня делал? - Светка жужжала вокруг мангала с брызгалкой, спешно туша появляющиеся то там, то сям языки пламени. -- Ну, вот теперь не загорится... -- она удовлетворённо посмотрела на результаты своего

Начало смеркаться, последние всполохи заката ещё виднелись у линии горизонта, но уже чувствовалась тихая поступь приходящей ночи. Дикие утки шумно переговаривались в зарослях камыша, устраиваясь гурьбой на ночлег. И вдруг ниоткуда, словно из-под воды, появились два лебедя... Черный и белый - он и она. Они медленно плыли в каком-то десятке метров от берега, величественно подняв головы на длинных шеях, не было видно ни малейшего движения воды под ними, они действительно плыли, плыли над стеклянной гладью озера. Он был горд ею, а она была горда им, они, наверное, любили друг друга, иначе их движение не было бы столь торжественным. Любить - это, наверное, и торжество тоже, торжество великого чувства, чувства не подвластного времени и эпохам, войнам и бедствиям, временам года и катаклизмам, всё это лишь во много крат усиливает её.

- Света, лебеди!!!

Но она уже смотрела на них, молча теребя кончик шарфа, забыв обо всём на свете: шашлыке, рыбалке, времени и стране Новой Зелан-

-- Димка, какие они красивые, правда? Такие гордые, посмотри, сколько в них достоинства, его столько наверное не найдёшь в человеке. Черный и белая..

Я подошел к ней совсем близко, обнял за плечи, коснулся губами её волос... Света подняла на меня глаза и положила голову на моё

- -- Скажи, это правда, что они никогда не расстаются? Говорят, оставаясь в одиночестве, без любимой или любимого, они умирают от то¬ски... Это так?
- -- Не знаю, Светка, наверное, правда.... Это должно быть правдой.
- -- Тогда держи меня крепче и никогда не отпускай, если не хочешь, чтобы мы умерли с тобой от тоски друг по другу, Димка... -- она поймала мою руку и крепко сжала в своих маленьких ладошках. -- Никогда, слышишь, никогда не отпускай меня, Димка... -- Её глаза наполнились слезами.
- -- Никогда, Светка, никогда я не отпущу
- -- Спасибо тебе, ты у меня самый замечательный, я верю тебе.

Мы стояли у самой кромки воды, тихо провожая лебедей восхищенным и завистливым взглядом, а они, тихо скользя над поверхностью озера, медленно растворялись в вечернем, зыбком бытие. Эти два лебедя появились из ниоткуда и туда же уходили, словно картинка на вращающемся ночнике. Я стоял и ждал, когда же Светка спросит меня о реальности того, что мы только, что видели

-- Слушай, Димка, я не могу отделаться от

ощущения, что всё это было во сне. А ты?

-- И я, Светка... Знаешь, а я ждал, что ты спротсишь меня об этом...

Международная литературно-публицистическая газета

- -- Вот и дождался... Странно, но мне кажется, что всё то, что со мной сейчас происходит тоже нереально, что это только лишь сон, я боюсь просыпаться, хотя совершенно уверена, что проснусь в приподнятом настроении.
 - -- Я знаю, почему, Кнотик...
 - -- Почему, Димка?
- -- Потому, что мы очень долго этого ждали, нам, наверное, это даже снилось, ну пусть не совсем так, но вот ощущения, которые мы сейчас испытываем, мы, наверное, когда-то уже испытали.... А теперь тебе в это просто не верится. Сон продолжается, слившись с реальностью и перемешав краски..
- -- Шашлык, Шашлык!!! Димка!!! Он сейчас сгорит!!!

Мы кинулись к мангалу спасать торжественный ужин с красным вином и звёздами в бокалах. О, счастье, паника была напрасной, мясо приготовилось просто чудесно. Светка выложила горячий, невероятно аппетитно пахнущий шашлык на большое металлическое блюдо, посыпала рубленой петрушкой, лимонной цедрой, зелёным молодым луком, уложила колечками красного и жёлтого болгарского перца, сбрызнула последний раз оставшимся маринадом. Я почти давился слюной от запаха, от вида можно было умереть, получив заочно завороток кишок. Светка, стоя на коленках, колдовала над тарелкой с салатом, а я стоял позади неё и думал: «Неужели я буду видеть её всегда, неужели я смогу слышать её шаги, слышать, как она чтото напевает на кухне, ощущать её горячее дыхание и слушать, как она разговаривает во сне?» Вот так всегда, всегда она и звёзды в бокалах с красным вином. Да, это, действительно, напоминало счастливый цветной сказочный сон Оле

- Я присел рядом:
- -- Тебе помочь?
- -- Открой вино, Дим... Бокалы в чёрной сумке, смотри не переколоти, а то будем пить из горлышка по очереди.
 - А если я разобью вино?
- -- Не смеши, вот этого ты не сделаешь, ну а если тебе это всё-таки удастся, то будем пить
- Здорово, Светка, я хочу пить с тобой Млечный путь, пошёл разбивать вино, -- я встал и отправился исполнять мужскую половину обязанностей. Бокалы остались жить, вино безопасно откупорено и разлито, теперь лишь надо было смешать его со звёздами вселенной.

Мы сидели в ночи, на краю расстеленного покрывала, сзади нам слегка подсвечивали угли догорающего мангала, сверху - огромный яркий диск луны и, конечно, наши звёзды, наши со Светкой две счастливые звезды. Ни я, ни она не знали, какие они, но мы точно знали, что там, наверху, среди миллиардов других, они есть.

- Я поднял бокал с мерцающей в нём луной: -- Смотри, у нас в бокалах не просто вино... -- Мы выпьем с тобою луну, да, Димка? --
- Света подняла свой и заглянула внутрь -- А раньше ты пил с кем-нибудь Луну? -
- Она посмотрела на меня блестящими в звёздах глазами. Таким глазам невозможно врать.
 - -- Нет, никогда, это правда. Светка покрутила в руке свой бокал:
- -- Я хочу размешать Луну в вине, чтобы ничего не осталось на донышке, я хочу выпить её
- -- Тогда за нашу Луну, за то, что впереди! За то терпение, что подарило нам эту Луну, за тебя Светлик!.
- -- Спасибо тебе, мне никогда не дарили
 - -- Это всего лишь спутник, любимая.
- -- Ну и что, это очень большой спутник, и он теперь наш...

Готовый шашлык превзошел все ожидания. Молодая баранина, вымоченная в сухом кислом вине с добавлением коричневого сахара и лимонного сока, конечно, лука-шалота и свекего горького перца, была сочной и удивитель но мягкой, она не потеряла волокнистую основу, но откусывалась, словно состояла из сплошной сочной массы. Запах был такой, от чего невозможно было отложить шампур в сторону!

Всего неделю тому назад, я сидел на берегу Авена, там, где он был превращён в большую зелёную поляну, а на противоположном берегу старый деревянный мостик, облюбованный дикими утками. Их то и дело распугивал серый, опрятно постриженный пудель. Он неожиданно появлялся из кустов, с громким лаем мчался по мостику и, убедившись, что никого больше на нём нет, останавливался на самом конце и нюхал воздух. Тогда я мог только лишь мечтать о том, что смогу вот так просто смотреть на неё, на мою Светку, на человечка, которого я так долго ждал, возможно, всю жизнь..

* * *

Мы заразительно смеялись, стирая с губ друг друга капли красного вина и бараньего жира, мы сражались на шампурах и на спор метали их в трухлявую доску, искали наши созвездия и галактики, бегали босиком по берегу озера, поднимая кучи брызг в серебре звёзд. Остановить бы время и забыть о нём навсегда, пусть всегда светит на небе нам золотая луна.

пусть звёзды улыбаются нам своим светом! Эх, мне так хотелось, чтобы это было всегда.

- -- Димка, ты обещал научить меня ловить угря на удочку! Было такое?
- -- Ну конечно, было! Давай, тащи спин-
- Я помог Светке наживить на крючок кусочек шашлыка и даже сам забросил:
- -- Вот теперь держи крепко, подсекать не торопись, подожди, угорь - рыба прожорливая, от наживки не отойдет, пока не заглотит. Держи, -- я передал Свете спиннинг, отошел метров на пять в сторону и принялся наблюдать за ней со стороны. Света нетерпеливо переступала с ноги на ногу в ожидании клёва страшной рыбы, и - это случилось! От неожиданности она сначала хотела бросить спиннинг и убежать! Судя по тому, как согнулось удилище, угорь был крупный, но потом, сунув спиннинг подмышку и ухватив его двумя руками выше катушки, начала отступать назад. Я прыснул в кулак: «Ну и рыбачка! Уже забыла, что надо катушку крутить, а не по берегу назад отступать, пока рыба сама на берегу не окажется».
- -- Димка, Димка!! Я поймала кого-то, оно там, на крючке, в воде!! Что мне с ним делать?! Светка искала глазами меня

Я больше не смог и рассмеялся в голос: -- Беги со спиннингом к трассе, он сам на суше, хочешь-не хочешь, объявится, а я за тебя его

крючка сниму, пока ты возвращаться будешь! Удилище начало ходить из стороны в сторону, увлекая каждый раз и Светку то вправо, то влево, причем она не останавливалась и, крутясь в такт спиннингу, продолжала отступление

- в глубь пустыря. -- Света, катушку, катушку крути, не давай ему водить!!
- Какую катушку, я не могу, я боюсь, там акула, наверное, или чудовище лохнесское!!она начала потихоньку правой рукой подбираться к рукоятке катушки, -- Димка, что тут смешного, твою любимую сейчас съедят, а ты гогочешь! Ну, помоги же мне, ну будь человеком, я боюсь!!
- Я подошел к ней и перехватил удилище. Света, освободившись от спиннинга, все равно продолжала по инерции или от страха отступать к пустырю.

-- Светка, ты куда? Заблудишься.

Опомнившись, она вернулась на берег и стала с интересом наблюдать за моей борьбой с сильной рыбой:

- -- Ты только не упусти, тащи его, тащи! Это мой угорь, я его зажарю и сама съем!
- -- Перестань меня смешить, а то я его точно упущу!.

Угорь был действительно крупный, по моим расчётам, кило на два, для угря это много. На поверхности начались всплески, уже можно было

различить его длинное змееобразное тело в свете луны.

- -- Димка, я его вижу, вижу!!! Ты только не упусти моего угорька хорошенького! - Светка бегала вокруг меня, то и дело подбегая к самому краю воды, с нетерпением ожидая появление её угря. Наконец я вытащил его на берег. Он начал крутиться вокруг себя, как делает это крокодил, когда захватывает добычу. За считанные секунды он намотал на себя оставшиеся поводки с крючками и грузило. Посветив фонариком, я не стал разбираться со снастями, а просто обрезал леску. Светка была в восторге, но подходить близко
- -- Принеси мешок, пожалуйста, Кнотик...
- -- Нет, пусть полежит, Дим, я посмотреть хочу...
- Ну, смотри, Свет ка, но он сейчас к воде рванёт, ползает он, как змея...
- Звук хлопающих крыльев отвлёк нас от угря, откуда-то из темноты вылетела большая серая цапля и приземлилась метрах в двадцати от нас. Она внимательно оглядела берег маленькими красными глазами и, выгибая назад коленки, направилась по берегу в противоположную от нас сторону. Я отбросил ногой подальше от воды угря и сел на островок высохшей травы.
- -- Дим, может сетку пора вытаскивать?
- -- Ещё пусть с полчасика постоит. Спать уже хочешь, человечек? Иди сюда, сядь...
- Света села рядом, положила голову на мои
 - -- Нет, не хочу я

спать, я боюсь спать, а вдруг я проснусь, а тебя нет, и ничего нет. Вдруг это был лишь сон.

В сухостое послышался шум, по поверхности озера побежала первая рябь, поднимался ветер. Дорожка на воде от выпитой нами луны засеребрилась и заиграла кусочками жёлтого камня, из которого была выложена. Похолодало.

-- Ну что, Светлик, холодает, наверное, будем вытаскивать сетку.

Она тут же ожила, встрепенулась:

-- Давай, мне страшно интересно, что там, чего мы наловили с тобой...

Я кинул в мешок Светкину добычу и отправился выбирать на берег сеть, медленно подтягивая её за конец. Она шла с трудом и казалась очень тяжёлой, но я знал, что тащить приходится по илу, а потому так тяжело. Через пару минут на поверхности показалась верхняя часть рамки, похожей на хоккейные ворота, ещё через минуту вся сеть была на берегу. В ней чтото шуршало, двигалось, щелкало, переползало, прыгало, Светка светила фонариком, пытаясь разглядеть, что там внутри:

- -- Димка, его тут куча, только в грязи всё, не разберешь...
- -- Неси ведро, сейчас ил смоем, не ложить же его в машину в таком виде..

Я обдал сеть несколько раз водой, смывая грязь и тину с нашего улова, высыпать угря в приготовленную пластмассовую ванну я не стал, а по-ложил его туда вместе с сетью:

-- Давай посидим немного, попрощаемся с нашей Луной и скажем до свидания лебедям.

– Давай, Димка…

Мы сели на жёлтую траву на берегу озера, луна заходила, новозеландское небо - наоборот, светило перевёрнутой Большой Медведицей. Встревоженные чем-то утки шумно гомонили в камышах, ветер шумел в сухой высокой траве, лёгкий бриз шелестел галькой о берег озера, взбивая грязно-белую пену.

-- Я люблю тебя, Светка...

Она ничего не ответила, а лишь крепче прижалась ко мне. Это означало гораздо больше, чем просто слова.

Я остановил машину в кармане на обочине, перед поворотом на трассу, ведущую в Крайсчерч, оставалось ещё чуть больше часа пути. Света, прижавшись щекой к оконному стеклу, мирно спала с застывшей на губах светлой улыбкой. Я сидел и смотрел на неё. Что снится тебе сейчас, мой человечек, где звучит сейчас твой звонкий смех, в какие заоблачные страны несут тебя крылья любви? Я улыбнулся, провёл рукой по её щеке, глянул в окно на звёзды, нашёл наши две самые яркие, помахал им рукой и нажал на акселератор...

Сергей КИРЕЕВ

Алла Барлинова

Представитель гезеты «ПИ 1» в Эстонии

Игра в слова

...Промыты дали, воздух тает застывший, весь в кленовых ситцах, зябко, зыбко догорает последним светом на странице. ...уже мнут тени паутину, **УХОДЯТ В НОЧЬ** цвета звуки. и к луже клонится крушина. Добро, азъ. веди, рцы и буки. ...игра в слова, увы, не лечит, покоя нет и нет приюта, и мироздание на плечи

Снег на Земле

сильнее давит с добрым утром.

Компас - на норд-норд-ост, время земных стуж, только разводы звёзд, высохших в небе луж.

Всё безоглядней бег, Бог не в наш Дом вхож, снова идёт снег, переходя в дождь.

Сколько пришлось мук лишь на один век?! И, как предел - звук... Снег на Земле, снег.

Он поперёк лёг, главную рвёт нить. Господи, если б мог... Сил не просил жить!

Дождь одной ночи

Обрывочен сон... Звук скользнёт по безудержным каплям, невнятно и зыбко зальёт междустрочие вдруг. Тобой наугад, наизусть дождь прочитан и вряд ли, не сбившись, сумеешь ещё раз, когда-нибудь вслух. По травам, по листьям мелодию капель услышишь, и дышишь, покуда три точки не брошены в дрожь... Сильней с каждым годом,

на длинные строчки похожий, последний осенний твой новый написанный ложль.

Бумажный самолётик

Мельканье дней... Цветные даты, даты... Листы календаря упали на пол. А в памяти - восходы и закаты, густые, как вишнёвые сиропы.

Нет ни предчувствия о скорых переменах, сердечных сбоев ритма, - с хриплым воем, ещё на двадцать лет не постарела, и время не накрыло с головою.

В гранитных берегах залив ленивый. «Привет!» ли «Tere!» - где-то над толпою, ловил крылом горячие порывы, над солнцем переполненной страною.

С каких таких небес ли, ближних звонниц взлетел легко, почти что невозможно, трамвайные пугая колесницы, весеннюю тревожа невесомость?

Вот пересёк нить тонкой параллели, вот рвёт уже струну меридиана, миры пересекая и метели, с остатком прошлого и нынешнего с нами.

Он навсегда зависнул над бульваром, посадочными полосами улиц, над маяком погибшим у паромов...

Уже шёл Год Поющих революций.

TERE!- здравствуй!(эст)

В прибалтийских тонах

Звук тишины неуловим, ещё не высветились тени, ажуры лестниц и ступени, кусты калины на крови. Ещё не выкрашена даль, за каждым шорохом - безмерность и бесконечная предельность. Пока - пастель и пастораль. Давно отцвёл болиголов. Дом пуст: в нём холодно и сыро...

Всё так на грани в этом мире. Как мало чувства, много слов.

На празднике Последнего Огня

Не говорите мне о будущем!
Внутри кольца одномоментности, таким огнём несуществующим, горят последние реальности.
Вы перекрасьте небо в синее, в цвета моей осенней радости, - едва светящиеся линии, воображаемые вечности!
И нет причин бросаться в крайности, пока горят Огни дрожащие - неторопливые случайности в ранимом свете, остывающем.

Напротив неба

Разбужена герань. Бьёт пар до потолка. Чай белый из Фуцзянь и чайник без свистка.

Так скучно, так тепло, и будто не спала. Посмотришься в стекло, как смотрят в зекрала...

А где-то высоко восхода полоса над кухней рококо, с окошком в небеса.

Грустяшное

От кучерявых слов - к покою, от вздорных строк и суеты... К полупечали привыкаю у неслучайной темноты. Там оказавшись, понимаешь, сжигая сонники ветров, что это горький дым всего лишь несогревающих костров да отсвет на ночной сорочке. И сожалеешь об одном... От первой до последней строчки грусть об исчезнувшем давно.

Татьяна Рускуле Представитель гезеты «ПИ 1» в Латвии.

г. Даугавпилс, Латвия. Член Русской писательской организации Латвии, автор двух сборников стихотворений «С любовью от Анны» 2007, «По улицам расхлёстанных дождей» 2008. Многочисленные публикации в журналах и альманахах Латвии. Дипломант второго Интернет — конкурса русской поэзии «Под небом Балтики» (Эстония), номинант литературного конкурса - фестиваля «Русский стиль 2010» (Германия), специальный приз «За талант и женственность в поэзии».

В антикварной лавке, крытой пылью, Со старинным скарбом, с образами, Я купила ангела без крыльев, С грустными, печальными глазами. Под дождём, что обнимает плечи, Лёгкой и привычною походкой, Я спешу своей судьбе навстречу, Прижимая радостно находку. Ангел мой, фарфоровое чудо, Не грусти, я склею все осколки, За плечами снова крылья будут, Подари улыбку, смех свой звонкий. Нам с тобой не будет одиноко, Боль пройдёт, я трещинки закрашу. В прошлой жизни грусти было много, Всё теперь срастётся в судьбах наших.

Срывая с губ прощальный поцелуй, К тебе не прикасаясь, умирает. И лёгкий шорох придорожных туй, Уход твой поздний эхом провожает. И слово замирает в тишине, - Не позову, к чему несчастной пытка? И затихая где - то в глубине, Вздохнёт и охнет старая калитка...

* * *

Разрешите зайти,

разделить одиночество с Вами, В Ваших грустных глазах виден отсвет потухшей зари. Может, будет светлей одинокими вечерами,

Вы позвольте зайти и тепло Вам своё подарить.

Разожгите камин,

вместо дров подложите печали, Разделите со мной на двоих тишину и рассвет.

И вздохнут с облегчением ангелы за плечами,

ангелы за плечами Там, где двое умеют молчать,

одиночества нет.

Вы не думайте, я не лукавлю и Вас не обижу, Не предам, как другие меня предавали не раз. Перекрёстки дорог нашей жизни становятся ближе, Разрешите взглянуть в глубину

Иду по улицам расхлёстанных дождей, О, одиночество моё, тобой гонима, Смиренная бреду в толпе людей, Спешащих мне навстречу... только мимо.

Ваших искренних глаз.

Своих промокших мыслей мне не жаль, Но душу жаль, там ангел тихо плачет... И, зябко кутаясь в дождливую печаль, Я одиночество своё от мира прячу.

Я помню детство, ветер свежий Дул с моря северной моряной, И чайки над волной прибрежной, Роняли крик в закат багряный.

Шипя и пенясь, вздох прибоя Ласкал и нежил край скалистый. И мачты – сосны, с ветром споря, Шумели шёпотом смолистым.

День замирал, пугливой тенью Луна рождалась в небе звёздном. Я в памяти ловлю мгновенья, - Куда вернуться слишком поздно.

Светлана Семёнова

Г. Рига, Латвия. Детская писательница и поэтесса, член Союза писателей России и Русской писательской организации Латвии, дипломант Второго интернет-конкурса «Под небом Балтики - 2009».

Анютка

Хоть Анюта и мала, Но с утра - дела, дела. Надо куклу покачать, Влезть на дедову кровать, У бабули взять очки И вязальные крючки. С мамой тесто замесить, Сладкий пряник откусить, Папин выкрасить чертёж, Показать, как ходит ёж, Уложить в постель щенка, Выпить кружку молока...

У маленькой Анютки Свободной нет минутки.

Кораблик

Потеплело. Побежали Всюду быстрые ручьи. Засвистели птицы песню: «Чьи мы? Чьи мы? Чьи-чьи-чьи...»

Смастерю-ка я кораблик Из бумажного листа, Ручеёк его подхватит И закружит у моста.

Только вырвется отважно Мой кораблик на волну И помчится дальше к морю, В неизвестную страну.

Кот и котлета

За обедом у Вадима Аппетит проходит мимо: Ковыряет он котлету – Ничего в котлете нету...

Пригодился лишь компот! Облизнулся рядом кот: «Так и быть, я съем котлету, Молока мне дашь за это!»

У кота – довольный вид И хороший аппетит!

Котёнок и блюдце с молоком

Однажды наш котёнок По кухне шёл пешком И встретил по дороге Он блюдце с молоком.

Его четыре лапки Промокли в тот же миг. «Тону!» - решил котёнок И поднял громкий крик.

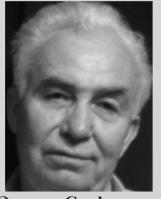
Мяукал котик звонко И маму-кошку звал, Но тут ему на помощь Наш пёсик прибежал.

«Гав-гав!» - сказал котёнку,-Смогу помочь легко». И вылакал до капли Из блюдца молоко.

Ботинки

У Валюши-Валентинки Непослушные ботинки. До чего ж они упрямы, Если рядом нету мамы!

Эрнест Стефанович

Член Союза писателей России,

Правления Ноосферной Ассамблеи мира Золотое перо Руси (Москва, 2005); победитель международных конкурсов: «Добрая лира» (Спб,2007), «Многорифм» (М., 2007), «Русский Stil-2008» (Штутгарт), «Звёзды Внеземелья» (М., 2009); медали им. Ф. Достоеврическ (2007). П. Телеткер (2008). Загистов Белегор (2008). ского (2007), Л. Толстого (2008), Золотая Есенинская (М., 2010)

С нами – Отчее

(учёно-элегическое)

Не погружайся в аид, человечество! Шутка ли? Грабит пресвитер свой храм! В грешных объятиях алчности мечутся Пастор и ксёндз, и раввин, и имам...

Не отстают и сектанты, и партии. Роясь предвыборно в кучах белья, Пишут, как басни, декреты и хартии: Ими бы впору кормить соловья!..

Волны агрессии злобно вздымаются К аборигенам небесных глубин, Их привлекая не гнёздами аистов, А разрывными букетами мин...

Как разбудить в человеке Разумное, Доброе, Вечное? Кто даст урок: То ли пришельцев круженье бесшумное, То ли словами сорящий пророк?..

То ли вкушать с проходимцами слитное? То ли воздать по делам, - не словам?.. Слить Циолковское и Гераклитное! -Русский космизм открывается нам!..

Сколько убогих, подбитых пороками, Сколько нестойких, скользнувших во тьму? Каждому скажется жёсткими строками: «Жизнь – в панпсихизме*,

не по одному!..»

Чтобы сажать не заблудших, а лилии, Чтобы не судьбы ломать, а сирень, Ноо-монизмом**, научною Библией, Мир обновим за ступенью ступень!..

Мы не идём друг на друга колоннами, Лишь обращаемся к чувствам, к уму, К слову Отца космонавтики. Скромными Философемами – служим ему!..

Пристанное непрестанное

У пристани зыбкий статут: Сулит и приют, и уют, -Суда день и ночь пристают. Качается пьяный в лоскут,

Лишённый пристойности люд. Волнения, зыбь не дают Устало пристроится тут? Пристало ль? Суда пристают.

Про це (усмішка)

Зву к відомої Процедуре, А вона: – Ось, піздажди!.. Не брешіть ви Про це, дури, Що не хочете Завжди!

Виктор Силье

Член МСП «Новый Современник» По отцу, отдавшему двадцать лет жизни служению России, французские корни, однако, в силу сложившихся обстоятельств, вырос на русской культуре с примесью литовской. Приходилось жить в разных местах Красноярского края. Серьёзно писать стихи стал собственно в 2002 г. В творчестве – сторонник естественного зачатия, искусственного оплодотворения не

Я знаю: ты на свете есть!

Казалась жизнь такой тоскливой: Работа, дом... забот несчесть. Как вдруг, в какой-то миг счастливый Узнал я: ты на свете есть!

Понять стараюсь безуспешно... Ах, боже мой! не все ль равно?! Иль мне приснился голос нежный, Иль просто знал тебя давно?

Ты есть! И это без сомненья. Никто меня не убедит, Что ты - мое воображенье. Я знаю: встреча - впереди!

С волненьем жду я этой встречи, В томленье не могу уснуть. Хочу обнять тебя за плечи И что-то важное шепнуть.

Мне день любой - что день ненастный; И в радости сквозит печаль: А что, коль вместо слова «здравствуй!», Ты просто вымолвишь «прощай!»?

Быть может, рядом, недалеко Тебя ласкает кто другой. А мне так пусто, одиноко... Ну, что ты сделала со мной?

Быть может, ангел ты прекрасный, Быть может, смерть моя? Клянусь: Не видеть мне тебя - ужасно; И встретиться с тобой боюсь...

Безумство осени...

Отдала в безумье осень золотой наряд. Кто с неё, беспечной,

спросит за любви обряд? Когда любишь,

безвозмездно жертвуешь собой: И тогда любовь -

не бездна, а родник живой.

Ей сегодня одиноко среди злых ветров, Что врываются с востока, словно стаи псов, И от боли плачет часто проливным дождём... Но такое её счастье, пуст иначе дом.

Оттого щедра так осень

в свой прощальный час, Ничего взамен не просит, просто тешит нас. Без страданий, сожаленья, уходя, как в бой, получает наслажденье, жертвуя сооои.

Захотелось златоокой

праздничных зеркал, Из далёка белый сокол гладь озёр сковал. Осень в грусти почернела, онемела вмиг, Словно ревностный

Отелло задушил в ней крик.

Ведь недаром говорится, что любовь И в полёт собрались птицы в поисках

Осень больше не согреет, не озолотит... Слёзы гроздьями алеют,

праздник в ней убит.

Судьбы астронавты

Мы глядим во вчера,

мы торопимся в завтра, День сегодняшний свой

не спешим торопить. Наши души в полёте,

мы - судьбы астронавты, И сжигаем себя, чтоб мечту осветить...

Maragan

Сергей Малашко

Родился в 1962 году. В 1984 году окончил факультет охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. До 1992 года работал по специальности. В Магаданской области живу с 1989 года. В настоящий момент -предприниматель. Член Международного Союза Писателей «Новый Современник». Занимал призовые места в литературных

Представитель газеты «ПИ 1» в г. Магадане.

Крылатые снежки в Нагаевской Бухте

День четвертого июля 2009 года порадовал магаданцев теплом. По меркам Колымской столицы 22 градуса выше нуля – это летний дар от Бога. Истосковавшиеся по теплу северные души с благодарностью наслаждались им. Небо было чистым, поразительной голубизны. Лишь изредка свежий ветер из Нагаевской бухты напоминал о том ,что это не материк, а все-таки Магадан. Достаточно глянуть на Марчеканскую сопку и в этот же день и час увидеть прошлогодний снег, оттеняющий сочный цвет зарослей кедрового стланика.

На календаре была суббота, но день получился рабочим и очень плотным, с бесконечной чередой встреч, звонков и неувязок. Дополнялось все это стихийным бедствием квартирного масштаба под названием косметический ремонт в отдельно взятой холостяцкой квартире. Я даже не предполагал, что простое появление в доме пятнадцати рулонов обоев оказывается таким разрушительным. Тем не менее, день был прожит, большинство проблем оказались успешно решены, но часам к пяти организм намекнул:

- Уважаемый, прекратите меня мучить. Иначе взбрыкну и заболею!

Прислушавшись к ощущениям, понялон как всегда прав, и нужно немного рассла-

Решил просто - позвонил стародавнему приятелю, который любезно в подобных ситуациях выручает меня.

-Геннадий, давай съездим на Отсыпку, предложил я ему, занимая место на переднем сиденье его машины.

Мое сходство с выжатым лимоном говорило обо всем. Геннадий понимающе глянул на меня и молча включил передачу.

Отсыпкой называют место возле торгового порта, где выходят в море моторные лодки и катера. В неспешной беседе время пролетело быстро, и вот мы уже находились у цели.

-Геннадий, посмотри, какая красотища, - сказал я, завороженно глядя на открывшийся вид. Вроде бы та же, многократно видимая бухта - но она всегда открывается наблюдателю с новой и всегда неожиданной стороны.

Только сейчас как бы ниоткуда и из ничего родился порыв ветерка, мгновенно всколыхнувший синее зеркало бухты. Он совпал с приливной волной, и буквально через несколько минут уже начали проскакивать барашки на волнах. Цвет воды резко поменялся - волны преобразили цвет воды в синесерый. Солнце светило в глаза, и по вспученной волнами поверхности воды практически до горизонта можно было увидеть солнечную дорожку, которая пульсировала и искрилась, повинуясь воле волн.

Синеву неба пытался разбавить огромный клок тумана, повисший над частью города. Его близнец повис над мысом Чирикова. Это напоминало капли сливок, медленно наливаемых в крепко заваренный чай. Ветер с моря усиливался, увеличивая высоту волны. Две моторных лодки торопливо возвращались к берегу, принимая на себя и пассажиров неласковые холодные орызги.

Буквально пятнадцать минут нахождения на море ослабили внутреннее напряжение, мир стал смотреться в других красках.

Глянув влево, я обратил внимание на чаек, находившихся метрах в ста от нас. Раздавались их пронзительные крики ,они ненадолго зависали в воздухе, пикировали в воду и быстро поднимались в небо. Вначале это была небольшая группка, но неожиданно к ней присоединялись другие, и очень скоро птиц в группе стало не менее двух сотен. Вся эта могучая кучка, громко крича, понемногу передвигалась вдоль берега в нашу сторону.

-Геннадий, а ведь они косяк уйка нашли,- сказал я. Так в Магадане называют мойву, мелкую рыбешку ,подошедшую в этом году на нерест с большим опозданием.

-Да ну, - недоверчиво ответил он. -А ты глянь повнимательнее, - настой-

чиво предложил я ему.

Могучая чаячья кучка сместилась вдоль берега и находилась напротив нашей машины.

Птицы кричали громко. Они ведь были заняты борьбой с косяком мойвы. В тихую погоду его видно даже с берега по ряби на воде. Сейчас можно наблюдать только сверху- чем блестяще воспользовались находчивые крылатые рыболовы. Стая находилась в постоянном движении. Одни пикировали в воду и через несколько секунд поднимались вверх, держа в клюве мойву. Их место на воде тут же занимали другие. Стая находилась в постоянном круговороте ,некоторые особо ленивые и наглые пытались отнять добычу у более удачливых рыболовов. Все это сопровождалось неимоверным гвалтом одновременно кричащих птиц.

-Геныч, как тебе это нравится? Согласись, что-то похожее на снег из чаек или крылатые снежки в июле месяце?- спросил я приятеля. Действительно, множество белых чаек, падающих в воды Охотского моря, создавали иллюзию снегопада из очень больших хлопьев снега. Каждая в отдельности птица походила на брошенный шаловливой ребячьей рукой крепкий снежок.

Особую прелесть придавало то, что пикировали они на солнечную дорожку, искрящуюся по водной поверхности.

Он с интересом глянул на меня, затем на галдящий чаячий косяк и со свойственной ему обстоятельностью сказал:

- Я засек время, через которое они ныряют вновь. Это не более десяти секунд.

- Мысль понял, - сказал я и продолжил наблюдение за галдящим чаячьим облаком. Там продолжался снегопад - чайки белыми снежками или снежными хлопьями продолжали штурмовать косяк мойвы с той разницей, что они не таяли в воде, а вновь взмывали с рыбкой в клюве.

-Серега, обрати внимание, они стали взлетать тяжелее,- невозмутимо сказал Генна-

И вправду, после поимки очередной рыбки, чайки не спешили взлетать. Вероятно, плотно закусив, они не могли этого делать с прежней быстротой. Они делали несколько взмахов крыльями и только после этого тяжело поднимались в воздух. Это походило на взлет перегруженного вертолета.

Присмотревшись, я заметил, что и нырять они стали как - то иначе. Не стало той легкости и изящества, с которым они это делали раньше.

-По всей видимости, слегка переели, шутливо предположил я.

- Наверно это как-то по-другому называ-- получил я деликатный ответ.

А тем временем чаячий снегопад летним днем в Бухте Нагаева завершался. Переевшие в своем большинстве птицы собрались в один снежно - белый галдящий сугроб, колышущийся на сине-серой поверхности неспокойного моря. В искрящейся дорожке солнечного света, растекшейся по поверхности моря, снежно-белые, они походили на плавающий по водной глади кусок арктического льда, заблудившегося на просторах океана .Все меньше крылатых снежков падало на водную поверхность и вновь поднималось в воздух.

Мы завороженно наблюдали за завершающейся феерией. На фоне голубого неба продолжали парить крылатые не то снежинки, не то снежки . Вероятно, эти не были такими оожорами. Солнечная дорожка только оттеняла всю прелесть волшебного зрелища. Както незаметно большая часть чаек исчезла из вида. Как и все в жизни, неизбежно исчезла и эта незабываемая картинка. Крылатый снегопад закончился, оставив в памяти еще одно неизгладимое впечатление от жизни в лучшем городе земли.

Мы с Геннадием сидели в машине и некоторое время просто молчали. Эта короткая пауза была необходима, хотя бы для беглого осмысления увиденного.

Первым в себя пришел я и задал вопрос:

- Геннадий, как тебе всё это?

- Может быть, увидеть где-то и можно. Все дело в том ,чтобы увидеть это именно так, как сейчас мы увидели ,- послышалось в от-

Перед нами над водой, зависнув в потоке воздуха, парили всего несколько чаек. От прежнего гвалта и шума большой стаи не осталось и следа. Будто не было ничего.

Здорово, что Бог наградил человека Памятью и способностью отразить свои впечатления на бумаге. Благодаря этому есть возможность запечатлеть эту феерию и поделиться увиденным с другими. На мой взгляд, она

^{*} Представление о всеобщей одушевлённости природы. Для Циолковского это, прежде всего, способность ощущения, присущая всем элементам био- и

^{**} Способ рассмотрения многообразия явлений мира в свете единой основы всего существующего. К. Э. Циолковский. «Монизм Вселенной» – Калуга, 1925

Провинциальный © ИНТЕЛЛИГЕНТ

Последняя сказка бабушки Ануш

Каждое лето в детстве приезжала я к бабушке в рабочий посёлок, что прилепился своими домишками к кривым улочкам, сбегавшим по склону горы. От крайнего дома до вершины оставалось всего пару сотен метров. И жила в нём армянская семья, заброшенная на Урал ещё в эпоху великих комсомольских строек. Когда я познакомилась с бабушкой Ануш, от большой и дружной семьи остались лишь старики да внук. Страшная трагедия на заводе унесла в один день жизни трёх сыновей и невестки бабушки Ануш.

Частенько поселковая детвора собиралась на скальном выступе, недалеко от её дома. С него открывалась прекрасная панорама: и пруд, и новый город за ним, и завод с окружившим его старым городом лежали перед нами, как на ладони. Йногда, в час заката, когда солнце касалось краем дальних гор, к детской компании присоединялась бабушка Ануш. И наступала пора волшебных сказок. Вот одна из них...

В давние времена, когда рядом с обычными людьми жили на земле добрые волшебники и злые

колдуны, в одном ауле был кузнец. Звали его Саро. Трудно было найти в тех краях искуснее кузнецаоружейника, чем он: мечи и кинжалы из-под его молота могли на лету шелковый платок разрезать, стрелы летели точно в цель. Умел Саро ковать и серьги с браслетами, которые очень нравились красавицам. И была у кузнеца дочь Аревик, с малых лет растил её Саро один. Мать-то, однажды зимой в лавину, с гор сошедшую, попала и погибла. Опасался отец малолетнюю дочь одну в доме оставлять, брал с собой в кузницу, где её игрушками становились остывшие капли металла. Росла девочка привычной к жару горна. И часто просила отца обучить её кузнечному мастерству. Но Саро не хотел, чтобы его дочка становилась кузнецом. Где же это видано - девушка-кузнец! Он пригласил к себе в дом женщин-мастериц, чтобы обучили Аревик всем женским премудростям. Хлеба печь и кушанья разные готовить, ткани ткать и одежду шить, украшенную золотым и серебряным шитьем, плести шнуры и пояса для украшения одежды. Но одного не учел кузнец - что дочка выросла настойчивая. Обучившись всему, что умели лучшие мастерицы аула, Аревик снова обратилась к отцу с просьбой научить её кузнечному делу. Не смог Саро противиться дочери, смастерил кузнечный инструмент, ей по силам, и стал учить тому, что умел сам. Скоро стала Аревик мастером, равным отцу. Одно лишь отличало её работу от отцовской - украшения на рукоятях мечей выходили у нее ажурные, словно кружева из тонких железных нитей.

Слух об удивительном кузнеце разнесся по всему краю. Многие приезжали - не столько заказать Саро оружие, сколько полюбоваться необычным кузнецом. Высокая, стройная, с тонкой талией девушка притягивала взгляды, как магнит. Каждый мечтал увидеть в её карих глазах отражение своего сердца. Но Аревик лишь молча улыбалась в ответ на признания приезжих.

Но однажды подъехал к кузнице всадник на белоснежном коне. То был молодой охотник Мелкум, и приехал он заказать Саро стрелы для своего лука. Встретились взглядами Аревик и Мелкум и зажглись их сердца огнём любви. Заметил отец,

как смотрели друг на друга его дочь и охотник. Всё сразу понял. И благословил молодых, когда Мелкум попросил руки Аревик. Стали всем аулом готовиться к свадьбе.

Как-то вечером потемнело небо, затянулось тёмными тучами. Загремел гром, засверкали молнии, и спустился на землю, прямо перед кузницей Вишап - дракон, грозы повелитель.

- Эй, кузнец! - закричал Вишап, - сделай мне новую палицу, прежняя источилась, до неба не достаёт. Не могу старой палицей небо в грозу трясти.

А в кузнице в тот вечер Аревик трудилась над свадебным подарком жениху. Услышала она крик и вышла за порог. Увидел красавицу Вишап и забыл, зачем прилетел. Схватил Аревик и прочь ринулся. Закричала девушка что есть сил, позвала любимого на помощь. Мелкум успел вслед Вишапу стрелу пустить - попала она дракону в хвост. От неожиданной боли вздрогнул Вишап и ношу свою выронил. А пока дракон разворачивался, успел охотник любимую подхватить да на коня перед собой усадить. И поскакали они прочь от Вишапа. Но вскоре стал дракон их догонять. На краю обрыва упал конь бездыханным, устав двойную ношу на себе нести. Обрадовался Вишап, что вот-вот сможет отобрать красавицу у охотника.

И вскричала Аревик:

- О, Астгик, богиня любви! Спаси нас! Спаси нашу любовь!

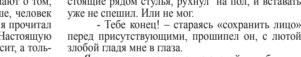
Й в тот же миг Мелкум с Аревик обернулись алыми розами и в реку упали. А души их вспорхнули над водой белоснежными голубями. Дракон же так и не понял, куда охотник с красавицей делись. Долго кружил над обрывом. Искал, да так ни с чем и улетел восвояси.

И с тех пор каждый год, в середине лета, празднуют все влюбленные праздник вардавар: на утренней заре приносят в дар реке розы и выпускают голубей.

До следующего лета бабушка Ануш не дожила. Но живы в сердце сказки, рассказанные ею. Надежда СЕРГЕЕВА

Представитель газеты «ПИ 1» на Урале

стоящие рядом стулья, рухнул на пол, и вставать

злобой гладя мне в глаза. Я ответил ему совершенно спокойным, буднич-

ным тоном, не повышая голоса: - Если ты, Харя, попытаешься сделать мне чтонибудь плохое, или просто скажешь в мой адрес

какую-либо гадость, я тебя искалечу. Мой спокойный тон произвел на него не меньшее впечатление, чем два полученных удара. Возможно, даже большее. Харин ясно понял, что я не пугаю его, а просто констатирую то, что будет. И сильно испугался. Вся его злость трансформиро-

валась в животный страх. - А сейчас ты попросишь прощения у Ваулина, которого до этого называл «Заикой». Попросишь очень проникновенно. От всей своей грязной и низкой души. За все гадости, которые ты ему сделал. Или я тебе еще добавлю, – так же спокойно

- Не надо! - жалобно сказал бывший «боксер», закрываясь от меня рукой.

Встать он до сих пор боялся, поэтому к кровати Ваулина Харин подполз на четвереньках, постоянно оглядываясь на меня и размазывая ладонью обильно шедшую из носа кровь.

- Прости меня, Ваулин! За все! – заискивающим тоном произнес перепуганный Харин. - Я больше

В палате стояла почти полная тишина. Пионеры брезгливо смотрели на низвергнутого и униженного кумира, а те, кто в изобилии получал от него пинки и затрещины, шептались, что мало ему еще досталось. Надо бы больше.

Блеф о способном боксере и его великих победах лопнул у всех на глазах. С треском. Почетная кличка «Хук» безвозвратно перетекла в позорную «Хряк». Харина теперь никто не боялся. И он это хорошо понимал.

Ваулин больше не плакал по ночам. Он стал полноправным и равным другим членом отряда. И сильно переменился. Никто больше не называл его Заикой. Оказалось, что парень он компанейский, знает много интересных историй, анекдотов, умеет их рассказывать и хорошо поет. И заикаться он стал гораздо реже и не так сильно, как до этого.

Хариным стали брезговать. С ним больше никто не общался. Пионеры делали вид, что вообще не замечают его. Особенно в моем присутствии. На вопрос пришелших вожатых, что у него с лицом. он тогда, опасливо оглядываясь на меня, сказал. что, поскользнувшись, упал во время дождя с мокрых ступенек. Лицом вниз. И ему сразу поверили. Потому что его до этого никто не бил. И еще потому, что ступеньки в тот день действительно были мокрыми и скользкими.

Передо мной многие стали заискивать и пытались угощать сладостями из полученных от родителей посылок, которые раз в неделю привозила лагерная машина. Но я их не брал. Они мне в горло не лезли. У меня в ушах до конца смены стоял глумливый смех толпы. Над Ваулиным и надо мной. Особенно смех, раздавшийся после того, как грязная тряпка попала мне в лицо. Неестественно громкий, издевательский, бивший по оголенным нервам души смех.

Михаил ОСТАШЕВСКИЙ г. Челябинск

Александр Вернер

Родился в 1992 году в г. Серове. Студент филологического факультета социально-педагогической Академии. Участник литобъединений г. Серова и Нижнего Таги-ла. Регулярно печатается в местных и централь-ных СМИ.

Светлячки

Ползли по небу светлячки И превращались в горстки пыли. А звёзды плыли. Плыли, плыли -Но оставались лалеки. И Бог, стоящий где-то там, Кормил синиц засохшим хлебом. А жизнь, ползущая по небу, Казалась длинной светлячкам.

Дмитрий Бобылев

Родился в 1987 году в городе Серове Свердловской области, где и живет. Студент филфака Нижнетагильской социальнопедагогической академии. Стихи публиковались в коллективных сборниках, в журналах «Проталина» и «День и Ночь». Выступает в качестве барда на городских и областных площадках. Лауреат 6-го международного фестиваля «Поэтический марафон»

Сижу и рву чужие снимки: Хочу – свои, да не могу. Тонуть в печали полной крынке – Не пожелаешь и врагу. Со всех сторон обвили змеи -Так даже интересней жить. Но вот по телефону с нею Я не могу поговорить.

Марина Петрухина

Родилась 16.11.1992г; в городе Серове Свердловской области. Учащаяся лицея №6 города Качканара. Начала писать стихи в 5-6 лет.

Вертлявая муха

Муха в гости собиралась, Умывалась, одевалась, И зарядкой занималась. И в столовой подкреплялась, В теплой ванне искупалась, Полотенцем вытиралась. Перед зеркалом металась, Отраженьем любовалась, Вылететь уж собиралась... К воробьишке в клюв попалась!

Заика

В тот год я, за очередную провинность, загремел на вторую смену в пионерский лагерь. В лагерь я ездил уже четыре года и был там своим человеком. У меня было много хороших знакомых и среди пионеров, и среди обслуживающего персонала. И не было врагов.

Перед посадкой в автобус те, кто ухватил первую смену, оживились

- Заика идет! – радостно загалдели и захихи-

Я никакого Заику не знал и причины этого радостного оживления понять не мог. Сев в автобус и решив узнать, кто же это такой, я громко позвал: Заика!

- Я здесь! - сразу же ответил сидящий на соседнем сидении худенький, улыбчивый паренек.

В лагере мне пришлось познакомиться еще с одним пионером, которого я не знал.

- Это Валя Хук! – уважительно сказал мне, показывая на него пальцем, Вовка Селин. - Боксом занимается! Верховодил в нашем отряде в первой

смене. Харин его фамилия. Был Харин приземистым, плотным и предельно наглым. Успев до этого съездить в лагерь только один раз, он вел себя в отряде как единоличный хозяин в собственном доме. И шутки у него были злые. Он любил, подойдя сзади, неожиданно дать кому-нибудь коленом под зад, толкнуть или поставить подножку, ударить ладонью по затылку («дать леща»), после чего начинал глумливо и громко смеяться. Никто оборота ему не давал.

- Ты что?! – сказал мне тот же Вовка. – Он в первой смене, знаешь, как одного из старшего отряда отделал?! Будь здоров!

Ты видел это?

- Хук сам всем об этом рассказал!

Этот тип мне сразу и сильно не понравился. Чуть позже я понял и причину радостного возбуждения детей при появлении Заики. Харин его ежедневно травил и передразнивал, издеваясь над тем, что подросток заикался. А вместе с Хуком травил Заику и смеялся над ним весь отряд. Я сам до этого не один раз участвовал в коллективной травле подлецов, жадин, подхалимов и ябед. И не сожалел об этом. Но теперь парня травили за его физический недостаток. За то, что жизнь и так его обидела. Травили все. Для меня это было дико. Дико и несправедливо.

В детском возрасте у меня было очень обостренное чувство справедливости. И когда оно, накопившись, как нарыв, неожиданно лопалось, нервная система словно вставала на боевой взвод. Тогда не было обычного мандража перед предстоящей дракой. Было абсолютное спокойствие и полная мобилизация всех сил организма. Я мог взять в руку любой подвернувшийся предмет и расчетливо ударить им обидчика со всей силы, ни секунлы не лумая о возможных последствиях. И не чувствовал боли ответных ударов. Во дворе, где я рос, об этом знали и старались меня без видимой причины не задевать.

Повзрослев, я неоднократно задавал себе вопрос: почему дети часто бывают такими жестокими? Глумясь над физическим недостатком выбранной ими жертвы, они никогда не задумываются над тем, какой силы удар этим наносят. Насколько душевно больно человеку, над которым издевает-

ся толпа. Издевается ни за что. Не думают о том, как горько, до кровавых рубцов на душе, человек это переживает. Уже в зрелом возрасте я прочитал имеющий глубокий смысл афоризм: «Настоящую силу удара познает не тот, кто его наносит, а только тот, кто его принимает». И вспомнил все, что когда-то произошло со мной в жизни. Когда были несправедливы ко мне, и когда был несправедлив к кому-то я. И этот случай из своего далекого детства я тогда тоже вспомнил.

Кровать Заики была недалеко от моей. И, не успев задремать, я не раз слышал, как он, после того как дети заснут, тихо, почти беззвучно плачет, уткнув лицо в подушку. Ему было очень плохо. Отчаянно плохо. Днем он не выставлял свою боль на показ другим. Он плакал по ночам.

Мое терпение лопнуло, когда однажды Харин, подойдя к пареньку сзади, резко стянул с него и шаровары и трусы. При всех девицах нашего отряда. И я высказал подлецу все, что думал о нем в тот момент. С этого дня стали травить и меня. Хук тут же придумал мне кличку «Друг всех заик». Он стал раздавать мне пинки, затрещины и говорить унижающие меня слова. В присутствии других. А другие, все, даже мои хорошие приятели по предыдущим посещениям лагеря, чтобы самим не получить лишний раз пинка, подхалимски смеялись и бросали в мой адрес обидные реплики. Первый и последний раз в жизни, стараясь угодить Харину, меня травила толпа. Весь отряд. Только за то, что вступился за человека, который заикался. Теперь и мне было больно. А я терпел и ничего не предпринимал в ответ. Я боялся. Потому что физически считал себя слабее Харина. И не занимался в секции бокса

В один из дней, с утра, шел мелкий, противный и затяжной дождь. Обе наших вожатых, справедливо полагая, что в такую погоду никто из детей носа на улицу без нужды не высунет, убежали в домики, где жил обслуживающий персонал. К своим знакомым. А все пионеры отряда собрались в спальне мальчиков и рассказывали по очереди различные

Как и большинство находившихся в палате, я лежал на своей койке. Незаметно для меня, Харин поднял с пола мокрую, грязную и тяжелую от напитанной влаги половую тряпку и с силой швырнул ее в мою сторону. Тряпка попала мне в лицо, больно хлестнув по глазам, а все присутствующие громко засмеялись. Как мне тогда показалось, неестественно громко. Нервная система сразу встала на боевой взвод. Я поднялся с койки и неторопливо направился к Харину. Он тоже встал и, глумливо щерясь, спросил меня:

- Тебе что, «Друг всех заик», мало? Ну, иди! Сейчас добавлю! Хук с правой!

Этот подонок даже представить себе не мог, что кто-нибудь из нашего отряда осмелится его ударить. Он наивно полагал, что я буду с ним разговаривать. Может быть, даже буду слезно просить

его больше так не делать. По дороге к Хуку ничего тяжелого под руку не подвернулось. И тогда я, подойдя почти вплотную, резко, без замаха ударил его кулаком. Со всей силы, на которую только был способен. С левой руки. И попал в правый глаз. Сила удара была такова, что я сбил его с ног. Он мгновенно вскочил и бросился на меня. Теперь я ударил с правой и попал в нос. Удар был страшным. У меня потом неделю болели костяшки пальцев. Харин, с грохотом опрокидывая

Эта красотка Лорочка

- -Мама, ты подумай, эта красотка опять пожаловалась своей маме!
- -Ну, Лорочка. Такая маленькая, а уже жалуется. И её мама пришла и кричала на Любовь Васильевну, что она толкнула Лорочку на цементный пол. Мама, а что такое цементный пол?
- -А, у нас такой в коридоре. Любовь Васильевна там толкнула Лорочку. А мама её так кричала! Любовь Васильевна сказала, спросите ребяток. А мы сказали, что не видели. А она всё равно кричала.
 - -А Любовь Васильевна что? -Она молчала. Ей воспитательница сказала:
 - Ты стой и молчи.
 - Вот она и молчала
 - А Любовь Васильевна вас бьёт?
- Да. Только, мама, я не жалуюсь, я это просто так тебе сказал. Ты не говори ничего Любовь Васильевне, а то жаловаться нехорошо. Лорочка пожаловалась, а её потом Любовь Васильевна по голове набила и говорила - будешь знать, как жаловаться. И всё время её бьёт. А нас только иногда. Мама, а у змей есть ноги? Нет? А как же они ходят?

Лев БОНДАРЕВСКИЙ

Международная литературно-публицистическая газета

Уважаемый Марк Семёнович! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Искренне желаем Вам крепкого уральского здоровья, новых творческих идей, новых произведений на радость читателям! Желаем долголетия и успехов в Ваших начи-

Коллектив редакции международной литературно-публицистической газеты «Провинциальный интеллигент 1»

Марк Луцкий

Размышление о маяках

Ах, сколько маяков Мне в жизни повстречалось! И каждый был готов Мне помаячить малость.

Свинарка и пастух Служили маяками, Но оставался глух, Нетронутый огнями.

Я с маяком связал И рифы, и торосы, Лихой девятый вал, А мне – про опоросы!

А мне – про чабанов, Отары и зимовки. В маяк возводит плов Фальсификатор ловкий.

И моря не видать – Кругом шиши да фиги. Повсюду тишь и гладь, Удои и настриги.

Не стало маяков, Пропала бригантина, Далёких берегов Забытая картина.

И я в глухой тоске Прошу: «Ну, дайте море!» На скалах и песке Мечтаю о просторе.

Пусть факел иль дуга Сияют сквозь туманы, Мне память дорога, Она – что в сердце рана.

А коль не будет так, Скажу морской элите: - Я сам себе маяк И сам себе смотритель!

Лев Бондаревский

Евреи, староверы Божьи, Желают жить в своём скиту, И Бог Завета им поможет Осуществить свою мечту.

Не быть России Римом Третьим. Рим- он и есть, тот Первый Рим. Пока ей впору « в навьи зрети», Как то случилось со Вторым.

Зима, однако, на дворе-Цветут деревья в январе. На мандариновых цветы Соседствуют с плодами, И дух парфюмерной воды Витает над садами.

Существую -вот и я! В суете пустой и в гаме Промежутки бытия Заполняются стихами.

Не надо, не нуди! Найди другие темы, Чем беды впереди И позади проблемы!

В дальней комнате прохладной При закрытых жалюзи Положи на прикроватный Столик книжку, заложи

Жёлтым высохшим листочком, Что служил заметкой строчкам, До которых я тогда, В прошлой жизни, дочитал.

На границе города и леса, На границе города и поля, Там, где людям меньше интереса, Там, где вдохновенью больше воли,

* * *

Там бы жить поэту надлежало, В стороне, в покое, на отлёте, Чтобы жизнь ему не помешала Ничему - ни смерти, ни работе.

Нахлебником чужой страны Живу без права на обиды, Свои листая неликвиды, Что тут и на дух не нужны.

Антиалкашизмы

- Вся короткая жизнь алкоголика уходит на борьбу за Несуществование.
- В фальсифицированном вине и истина ложная.
- Диоген не стал бы великим человеком, если бы лез в бутылку.
- Уровень здоровья населения снижается с увеличением количества тостов «за здоровье».
- Когда-то в бутылках обнаруживали призывы о спасении утопающих, теперь самих утопленников.
- Круг его интересов ограничивался донышком пол-литровой бутылки.
- «Красное»,равно как и «белое», пьяница употребляет по-чёрному.
- «Культура пития»- первый шаг на пути к алкоголизму. Зеленый змий: «Кошелёк И жизнь!»
- Закон сообщающихся с сосудом: наливающийся -опустошается.
- Диалектическое развитие: кофе кофе с коньяком- коньяк с кофе-коньяк без кофе. Всю жизнь исследовал вопрос- в каком вине больше истины. Умер от цирроза
- Любовь к алкоголю отличается исключительной верностью.
- «Если бьёт,значит любит» напиться до положения риз.
- Факир был пьян не смог укротить Зелёного змия.
- Его минздрав предупреждал, а он «бухал» и дуба дал. Рацпредложение врача-гигиениста:бутылка с тремя горлышками.
- Умер ЕСТЕСТВЕННОЙ смертью с перепоя.
- Частые возлияния сушат мозги, а подмачивают репутацию.
- Чем больше повышают градусы, тем быстрее деградируют.
- «Ну как не «обмыть» покупку новой мочалки.
- Пьянице, что день рождения, что поминки всё в радость.
- Часто пить за здоровье нездорово.
- Наверняка перестают быть пьяницей, став алкоголиком.
- Кредо алкоголика: «Мой дом -подворотня, моя крепость сорок градусов».
- Пьяница виртуальный долгожитель : в свои сорок выглядит на все сто.
- * Легко отказываются от алкоголя, переходя на наркотики.
- Бросив пить и курить, рискуешь оторваться от коллектива.
- «Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт», но зато в глубокой старости.
- Если чаша заздравная, логично наполнить её фруктовым соком.

Илья ГЕРЧИКОВ

В белой комнате проснулся, в тишине. Листья пальмовые мечутся в окне, Значит, ветрено. Немного полежу, На глаза ладонь от света положу. Значит, ночь опять минула. Боже мой! Это снова я. Проснулся я. Живой.

«Прощай, Немытая!» Когда-то с себя я смою этот прах? ..Волна солёного накатане удержаться на ногах!

И плыть нельзя, и мне спасатель Кричит сурово в мегафон, И волны набегают сзади, Меня выталкивая вон.

Эта русская природа, Эти русские поэты! А не с Фетом ли порою Вы встречаете рассветы?

Иль не с Майковым на воле Пели вы, по полю мчась? Со Случевским над Невою Не гуляли ль, избочась?

* * *

Ах, Родина, судьбина злая! И тут покоя не даёт, То сны плохие насылает, То новостями достаёт!

Вечереет.Ветер веет. В небе звёздочки горят. Вот Луна, а чуть правее-То Венера, говорят.

Я Большой Медвежий ковшик Отыскал не без труда-Он, как и у нас, таков же, Но повёрнут не туда.

Туманом утренним налитый, недвижный воздух намокал и с острых листьев эвкалиптов скупыми каплями стекал. Ещё насвистывают славки. В «бейт-кнессет» двинулся еврей (скажу для рифмы) в камилавке, (поправлюсь: в кипе, так верней). Спать не мешает птичий гомон, солдатик спит, разинув рот. Назавтра, отдохнувши дома, возьмёт такси и вновь на фронт.

Ирина Лейшгольд

Дай мне руку твою.

Почему так смеркается быстро? В наступающей тьме мне одной

не дойти до конца.

Стынет сердце в груди.

Смерчем вьются опавшие листья, На студеном ветру, как ладонью, касаясь лица.

Помоги мне, мой друг,

Дай согреться осеннею лаской, Крепче руку сожми,

Если сможешь, не дай мне уйти. На студеном ветру

пляшут листья последнею пляской, И погасла звезда,

что светила в начале пути.

Холодный влажный лист

погладит по щеке И ляжет на плечо с доверчивою лаской. Я где-то вдалеке, и в этом далеке Осенний листопад

пригрезится мне сказкой. Пушистая зима, алмазные снега... Заиндевевший мех вобрал тепло дыханья. Возносит лось к луне ветвистые рога И медленно плывет по краешку сознанья. Зима приходит в лес, рождая тишину, Кругом покой и сон, и тени, как чернила... А я в том далеке, коль снова не усну, Себя уговорю, что это в сказке было.

Свеча

Я убила свечу, что горела в ночи, Чтоб не влек никого

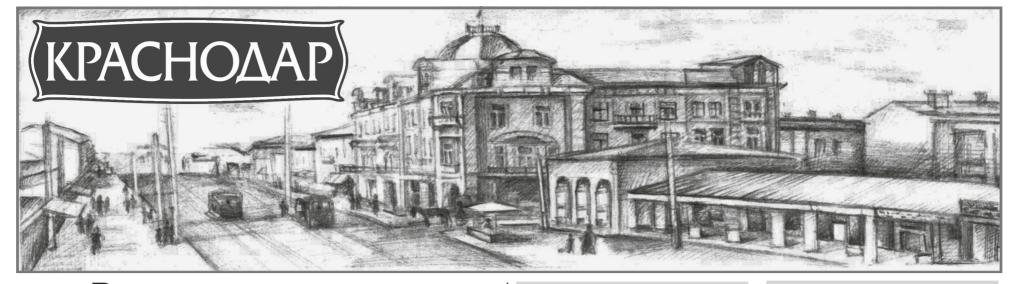
смутный отблеск свечи, Чтобы путник случайный

увидеть не смог,

Как зовет и трепещет живой огонек. Не нужна мне надежда.

На жизнь не ропщу. Одиночество в доме своем я ращу. А когда до краев им наполнится дом, Не останется места мне в доме моем. Незаметно и тихо я в нем растворюсь... Я совсем не боюсь..Не боюсь...Не боюсь?

«Выступ» на поверхности кубанской поэзии или Роман с «Пунктом Приёма»

21марта, в ознаменование Всемирного Дня поэзии, в Краснодаре состоялось событие под названием «Киндевопаз/Заповедник»- выступ экспериментальной поэзии.

Да, Вы не ослышались именно «выступ», а не выступление. Такое слегка обрубленное слово, многопланово отражающее суть этого действа (выделиться из ряда, быть впереди, быть видимым на фоне) было предложено инициатором и катализатором этой затеи, Романом Медведевым (он же Роман Край). Он относительно недавно приехал в Краснодар из Эстонии. Однажды на его выступлении, т.е. выступе, побывали Марина Мартынова и Юрий Наумов. С этого момента началось знакомство Романа, представляющего объединение «Реакон» («поэзия реального конкретизма»), и «Пункта Приёма», которое оказалось плодотворным. Этот понастоящему неординарный человек привёз в наш город целое литературное направление, что определило мой выбор интервьюируемого, читайте интервью с Романом в этом номе-

Предложение Романа о совместном выступлении сразу же нашло отклик в наших, жаждущих какого-нибудь события, сердцах. Ещё бы, «Пункт Приёма» не выступал, начиная с 2003 года. Мы занимались каждый своим: работали, растили детей, взращивали сад, иногда встречались для «междусобойного» чтения стихов, т.е. творческого семинара. И вот появилась возможность, как в старые, легендарные времена... и сердце сладко замерло, и побежало наперегонки с мечтами и мыслями, отрабатывая адреналиновую волну...

И всё получилось...В программе, подготовленной к Международному дню поэзии, прозвучали в исполнении авторов стихи «реаконовцев» и «пунктприемовцев». Участвовали в концерте и несколько «вольных» поэтов, не вошедших ни в какие группы. Большинство стихов звучало под музыку: два электронных фортепиано, две гитары, аккордеон, флейта и альт под чуткими пальцами Павла Попова, Александры Листовой, Кристины Зарицкой, Прохора Карпенко и Федора Ластовского сообщали звучанию стихов свою энергию, свой «драйв». Мелодекламация многим из выступавших поэтов была в новинку.

Свежо и эмоционально выступили Юрий Торин, Виталий Бородин, с налётом небрежности подал свою поэзию Федор Ластовский, отлучившись на короткое время от своего альта, несмотря на небольшой дефект дикции и характерную для Александра Сапрунова торопливость речи, публике удалось услышать его, с налётом ерничанья, стихи. Обаяла всех своими прозаическими миниатюрами-сказками о жизни вещей Ирина Лавринова, за выступление она успела перевоплотиться в сумку, лужицу и рыбку.

Как всегда, с полной отдачей, эмоционально ярко, до конца перевоплощаясь в героев своих сюжетных стихов, выступил Юрий Наумов. И ему не помешала даже полученная накануне травма руки (Юра был в лангете). Он смеялся, рыдал, негодовал, безумствовал, отчаянно жестикулировал. В общем, это надо видеть - настоящий театр одного актёра.

Отдельно хотелось сказать о выступлении Анны Мамаенко, Марины Мартыновой, Романа Медведева.

Выступление Анны меня потрясло. Она начала читать в своём обычном монотонном, жёстком ритме, с постоянным нагнетанием эмоционального напряжения. За ней подтянулась музыка, такая же тягучая, сумрачная. Она усиливала впечатление от её символистичных стихов. Но потом произошло превращение и с самой Анной, которая стала раскованней и разнообразней читать, идущая за музыкой, как за Орфеем в темноте зала, интонируя, почти напевая свои строчки. Временами мне становилось страшно. Мне виделся некий серый мир, в котором человек неизбывно срывается вниз - мир инфернальный, загадоч-

ный, просматриваемый через уже совершенно невидимый реальный. И совсем пробрало ощущением мистики, когда на стихотворенье «Последняя ступень» подключила свой вокал Кристина Зарицкая. В определённый момент стало казаться, что Аниным голосом вещает кто-то другой. Читая нараспев, растягивая слова, она была как медиум. Так же и в выступлении Марины музыканты очень точно попали в настроение её стихов. И я, в очередной раз, а первый ещё на репетиции, заметил, как же музыка обогащает наши стихи, вскрывает их драматургию, расцвечивает неожиданными красками, оживляет сюжеты, наполняет временем, а главное, раскрепощает нас. Так что много раз слышанные до этого тексты зазвучали совершенно по-другому, и я снова влюблялся в поэзию своих друзей. Запомнилось чтение Мариной своего стихотворения «Преображение». Здесь особо знойно, передавая атмосферу августа, пел аккордеон, и действительно криком вопиющего в пустыне прозвучали строки:

Хорошо нам здесь, Господи – Если б только не эта жара,

Если б только не гибель детей, стариков и женшин...

(Марина стояла, запрокинув голову и раскинув руки, обращаясь к небесам):

Август. Сушь. Урожай. Жатвы и жертвы пора...

В целом, музыка у Марины тоже была трагичной, как и у Анны, и начало выступления, добрый её кусок, прошёл в минорном ключе.

Но потом настроение поменялось, когда на сцену вышел Роман Медведев и показал «реальный конкретизм». Он читал свои стихи и стихи своего друга, и коллеги по «Реакону», Вячеслава Демина. Прозвучали его «Женщины...женщины...» под лёгкую, слегка, придурковатую мелодию. Зал дружно взрывался от смеха при очередном семантическом повороте слова «женщины» и уже совсем покатился со смеху, когда Роман произнёс «мужчины...мы мужчины» уже другим тоном и под другую музыку. Ещё он прочитал свое серьёзное философское стихотворение «Вавилон», под индустриальный психодел. В общем, его выступ был ярким, актёрским, разноплановым и вызвал живой отклик зала

Когда Роман, по совместительству бывший и администратором, и конферансье, сообщил: «Сейчас почитает Андрей Насонов», сердце пустилось вскачь. Хотя к этому моменту я успел десять раз разволноваться и успокоиться. Прошёл три шага до места, где решил встать, на ватных ногах, не ощущая пола, как в невесомости. Ощущения, наверное, как у космонавта, высаживающегося на луну: успел увидеть даже пыль на полу в свете софита и следы в ней. Но уже в следующее мгновение, развернувшись к зрителям, совпал с действительностью и почувствовал зал всей кожей, и всё, что должно было у меня включиться, сработало. Под моё выступление ребята-музыканты поймали блюзовую ноту, и она оказалась очень органичной.

Как всё-таки удивительно, что на импровизированной сцене (небольшое пространство между залом и экранном) в этом маленьком синем зале Кубанькино на 50-70 мест (при наличии множества приставных стульев) собрались такие разные поэты, от пишущей в традиционной манере Марины Мартыновой до экстравагантного экспериментатора Романа Медведева, под знаком госпожи Поэзии. И над всем этим действом витал дух эксперимента, метавшего молнии и громы из черного поднебесья зала, творя неповторимое мгновение встречи с новым и непознанным. В этот вечер открытия сделали для себя не только зрители, но и выступавшие авторы, узнавшие о себе что-то доселе не из-

Андрей НАСОНОВ (Краснодар)

Евгений Петропавловский

Родился в 1962 году в Краснодаре. Автор пяти художественных книг (два поэтических сборника и три романа), вышедших в краснодарских издательствах. Публиковался в России, США, Германии, Израиле, Украине. Победитель и лауреат около сотни литературных конкурсов - как в сети, так и в реале.

Я забываю имена, ведь имена - всего лишь знаки вдоль троп, взбирающихся на вершину памяти. Во мраке любовей, выжженных дотла, они - астральные тела, и в их незримом зодиаке

сориентироваться мне всё невозможней; пыль желаний - сквозь амальгаму встречных дней сочась - всё злей и донжуанней возводит в степень ноль обзор. Мне в спину дышит Командор; но я всё ближе к донне Анне,

переходящей в донну Икс. Что имя? Лишь координата, в которой проступает лик с чертами всех, кого когда-то любил... Живут их голоса, но тем грустнее их глаза, чем дальше нас листают даты...

В призрачном свете селены

Лениво плыли облака, луну молчаньем облекая, и шепелявила река, лимонный лёд луны лаская, и, словно лунный сон, легки, златоволосые русалки меня под волны увлекли, и было мне себя не жалко; и расходились вдаль круги и становились тихим плёсом; и плыли лунные стихи большою лодкою без вёсел.

Николай Анисимов

Поэт, дизайнер, художник, культуролог. Родился в 1949 году в Армавире, живёт и работает в Краснодаре. Его стихи публиковались в журнале «Кубань» и в коллективных сборниках. Изданы две книги стихов Николая Анисимова – «Моменты» (1999) и «Перевал» (2008)

Секунды облаков летят, летят над городом, охваченным молчаньем, над парками, молчащими в отчаянье, над глыбами мостов и эстакад...

Когда поверилось в уход зимы, так бесконечно длится ожиданье – как накануне первого свиданья, которое еще назначим мы...

И надо, может быть, придумать знак и долгое молчание нарушить, поскольку даже хриплый голос лучше, чем тягостная эта тишина,

и мчаться – с облаками заодно, опережая ночи наступленье и северного ветра исступленье, и преклонить колени пред весной!

Мерцают и меняются события, как пламя зажигалки на ветру, и шепчет осмелевшее наитие — мечтателей безжалостный хирург,-

что лучшая стратегия движенья есть выбор направленья наугад, а лучший спутник в этом приключенье – тот, кто с тобой бродить по свету рад,

что не придумать лучшего укрытия от непогожих и подобных дней, чем близлежащей рощи общежитие и зарослей боярышника в ней,

что хорошо проснуться под сосною (через рубаху колется трава) и вдруг понять, что на Земле с тобою та, что во сне когда-то целовал...

Шум по имени Гам

Жил да был один такой шум по имени Гам. Очень он шумный был. Он мог издавать целое множество всяких звуков одновременно. А иногда Гам шумел так громко, что сам не мог разобрать, что именно он шумит. То дикий скрежет, то жуткий скрип, ещё бряцанье, клацанье, жужжание, клокотание, хрипение, бурление- все эти непонятные неприятные звуки с утра до ночи наполняли пространство, что кружило возле Гама. Когда кто-то пытался с ним заговорить, то и разговора не получалось, потому что он сразу начинал что-то неразборчиво шуметь.

Однажды вечером, перед сном, он сидел у окна и печально смотрел, как сыплются звёзды с облаков. «Как же там, наверное, тихо в небе»,- подумал Гам и незаметно крепко уснул, прямо на по-

Он спал и видел сон, как он поднялся высоко- высоко, и бродил по луне, освещённый её серебристым сиянием. Вдруг к нему подлетело чуть заметное, почти прозрачное облачко.

- Ты кто? – спросил Гам осторожно, чтобы

вдруг не спугнуть облачко своим скрипом. - Я ... тишина, - шепнуло оно.

- Почему ты никогда не приходишь на землю?

 Я есть везде, и на земле тоже, просто меня не так просто услышать. Иначе не звалась бы я тишиной.

- Я тоже не хочу больше шуметь, - грустно брякнул Гам.

- Тогда не шуми, а пой. Отыщи в себе самые приятные нотки, сочини свою собственную мелодию и пой её всегда. В тебе ведь столько прекрасного!

Сразу после этих слов облачко растворилось, и сон тоже куда-то исчез.

Проснулся шум, как всегда рано утром, он вспомнил сон... и вдруг... прислушался. Где-то недалеко пели птицы, а с другой стороны шелестела трава, по которой звонко бежал ручеёк, мелодично спотыкаясь о камешки. Тут же парили бабочки и шептались муравы в муравейниках. А вот кошка, недавно ставшая мамой, спозаранок умывает своего ребёнка. Такая жизнь была вокруг, что шум по имени Гам весело слез с подоконника и скорей побежал на улицу, чтобы всем окружающим спеть новую, самую волшебную песенку на свете. Он хотел сказать всему миру, что каждый может услышать эту дивную музыку в самой глубине себя.

Ирина ЛАВРИНОВА

Ирина Дружаева г. Городец

Кот в сапогах

Васька - кот Воды боится. Ни за что не хочет Мыться! Как увидит Васька таз – Удирает он от нас. Мы ему помыли лапы. Кот нас с другом поцарапал! После Васькиных когтей Мы в зелёнке до локтей. Больше мыть его не станем -Сапоги коту достанем. В сапогах наш Васька-кот Будет чистым круглый год!

Лягушонок и звезда

Лягушонок на пруду Любовался на звезду. Вдруг -Звезда упала... Может, В пруд попала? Он всю ночь о том гадал. И, наутро, увидал: Белоснежная звезда В тине бурого пруда. Распустилась чистая Лилия лучистая? Иль -Проснулась спавшая Звёздочка упавшая?...

Морская свинка

Свинка добрая такая. А зовут её - морская. Почему морской зовут? Свинки в море не живут! Корабли, с ветрами споря, Привезли их из-за моря. Из Америки из южной В край наш северный и вьюжный. Из-заморская свинюшка-Как пушистая игрушка. И живёт в тепле и мире В городской моей квартире.

Телевизор для кота

В нашем доме появился Телевизор для кота. В телевизор кот влюбился. Там такая красота! На него глядеть часами Кот без устали готов. Так как это лучший самый Телевизор для котов. Есть одно лишь огорченье, Что программ – всего одна. Котик смотрит с увлеченьем: - Мне другая не нужна! Только рыбки, рыбки, рыбки... Много ярких, быстрых, гибких. А по дну усатый сомик Ищет клады, словно гномик. Кот урчит порой, бывает, За сюжет переживает: - Ближе подплывай, давай-ка! Но, в аквариум хозяйка Не даёт нырнуть. Как жалко... Вот была б коту рыбалка!

Мужчина

Ехали мы вечером С мамою в трамвае. И сидел, я весело Что-то напевая. Не допел я свой куплет, Как вошёл в трамвайчик дед. Мест свободных больше нет. Лед стоит, а все сидят И на деда не глядят. Мне пока всего лишь пять, Я почти мужчина. Старшим место уступать – Веская причина. Вот я так и поступил -Встал и место уступил Деду с мамой рядом. Я же верно поступил -Дед и мама рады. Их улыбки для меня – Лучшая награда!

Надо старшим помогать. Надо место уступать. Ведь состаритесь и вы, детушки, когда-то... Будут место уступать вам тогда ребята.

Международная литературно-публицистическая газета

Людмила Шмидт

Родилась на Алтае, в степной его зоне, в селе Топольное. В Германию вместе с семьёй переехала в 2002году. Здесь начала писать стихи и сказки для детей.

АЛФАВИТНЫЕ ЗАБОТЫ

Весть услышал алфавит: Тётю Точку злой Бронхит Уложил в постель. Бедняжка Не встаёт, ей очень тяжко. И, услышав весть едва, На арбузе катит А. Бэ - на бабочке в полёте, Следом Вэ - на вертолёте. Гэ на галке мчит верхом, Дэ - у дятла под крылом. Буквы Е и Ё - малышки -На еловой едут шишке! Ждёт их Жэ на вираже, Зэ - у замка, на меже. Им на шишке даже малость Прокатиться не случалось,

Голосит истошно И: «Ой, вы, ноженьки мои, Были вы нежнее шёлка, Исколола вас иголка. Иод на ранку лейте мне, С Ка поеду на Коне!» Скачет эЛь на лягушонке, ЭМ - на маленьком мышонке, Забежала в магазин И купила милозин, Он полезный, очень сладкий, Будет тётушка в порядке. ЭН и О кричат: «Обман! Купим ноты и орган, Заиграем тёте Баха, Улетит болезнь, как птаха».

Пэ сказала: «Я - пешком!» И столкнулась с пауком. А паук - бедняжку в сети! Так и метит, так и метит... ЭР расстроилась: «Ах, вот...» ЭС стоит и слёзы льёт, Тэ твердит: «Террор паучий! Убирайся вон, ползучий!» «Ужас! - У кричит. - Позор! Здесь напрасен уговор». «Слёзы, крики - не защита,-ЭФ вдруг фыркнула сердито. Фокус свой оставь, злодей, Обижать сестру не смей!» «Хулиган!» -Ха хмурит брови И рукой бандита ловит.

Буквы тут - на паука, Злюку-буку, толстяка: «Убирайся вон с дороги, Будем мы с тобою строги!» Задрожал злодей паук, Взял разбойника испуг, Наутёк он без оглядки, Под кусточком водит прятки.

Буквы пляшут гопака: «Мы прогнали паука!» Цэ целует Пэ милашку, Чэ несёт ей чая чашку, Шепчет Ша: «Всё будет в лад! Съешь молочный шоколад». Ща щекочет нежно щёчки. «Поспешим-ка к тёте Точке».

Твёрдый знак, Ы, Мягкий знак Приглашают всех в гамак, И на скором гамолёте Полетели в гости к тёте. «Эх! - торопит Э, -живей!» Эхо гулко вторит ей. Ю - юлой на гамолёте. «Не вертитесь, упадёте!

Я лечу, но я боюсь, -Шепчет Я. - Смелей, не трусь!» Буквы дружно затихают, К тёте Точке подлетают. На столе малина, мёд, Чай с ромашкой тётя пьёт. От заботы и от чая Убежал бронхит, хромая. Ничего уж не болит, Рад за тётю алфавит.

Любопыткам-ребятишкам, Кто читать желает книжки, От своих больших щедрот Алфавит привет всем шлёт.

Ванда Саволайнен

Финляндия

ПРО КАШУ, МЕНЯ И КОТА ВАСЬКУ

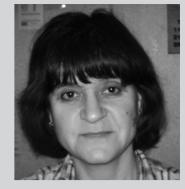
Мама утром варит кашу, И готовит мне компот. А потом полезный завтрак Мне запихивают в рот. Говорят мне: «В каше польза, Будешь сильным, как медведь». Ну, а я смотрю в тарелку И опять хочу реветь! Ведь в тарелке каши-море, Мне её не съесть за год! Я реву, и слезы льются По щекам моим в компот. Лучше б вы отдали кашу Ваське- серому коту. Он живет в сарае старом, Что находится в саду. Васька-кот реветь не будет, А совсем наоборот: Он у вас попросит каши На неделечку вперёд! Утром будет есть с охотой, С аппетитом на обед. Ну, а мне на завтрак дайте Вкусной рыбки и котлет.

МОЙ КАРЛСОН

На соседской крыше дома, Появился вертолет. Только странный, необычный: Ножки, ручки,глазки,рот. Познакомились мы нынче-Он в окно моё влетел. Быстро сел на подоконник, Я и ахнуть не успел. Он летал по всей квартире, Люстру мамину-качал, Хвастунишка и проказник, Я такого- не встречал. Съел сначала наши вафли, Сладким кексом закусил, Слопал весь запас варенья, И какао попросил. А когда семья вернулась-Друг мой вылетел в окно. Я сказал: «У нас был Карлсон!» Но не верит мне никто!

ЛЕНТЯЙ - МЕЧТАТЕЛЬ

Меж цветами на окошке Полосатый кот сидит. Он давно мышей не ловит, Лишь на улицу глядит. Не ворует кот сметану, Не гоняет голубей. Этот кот - лентяй - мечтатель, У него полно идей. Он в мечтах построил всюду Разноцветные мосты, Чтобы кошки в непогоду Не запачкали хвосты. Чтобы Мурки- воображули, Мимо лужи проскочив, По мосту шагали смело. Лап своих не замочив. Кот мечтает, что в в субботу Соберет свою родню, На воздушном, ярком шаре Покатает всю семью. С той мечтой закат увидел, Встретил радостно рассвет И неделя пролетела-Ни моста, ни шара нет. Вот и пятница настала Кот решил: «Пора домой, В понедельник домечтаю-Ухожу на выходной!»

Наталья Иванова

Родилась в Томске, живу в Москве. Химик, выпускник МГУ, кандидат технических наук. Сочинительство - моё хобби. Автор нескольких сборников стихов и загадок для детей. Смотреть на мир по-детски помогают дочка (хоть и студентка) и сын-третьеклассник

Лесничья избушка

Открылась опушка В таёжном бору. Лесничья избушка Кряхтит на ветру.

Здесь мрачные ночи, А день сыроват. Окошки, как очи, Печально глядят.

Кукует кукушка Над старой сосной. И грезит Избушка О доле иной.

«В столице, должно быть, Большая родня. Растут Небоскрёбы Вдали от меня.

В глуши, у болота, Безвестно живу. Хотя бы в субботу Уехать в Москву!

Ах, ринуться мне бы В простор голубой! К высокому небу Прижаться трубой!»

Но где-то, в Отрадном, За тысячи вёрст, Упёрлась громада В скопление звёзд.

Высокая Башня Ушла в небосвод. Ей плохо, ей страшно, И рядом Завод.

Ей шумно, ей душно У всех на виду: «Побыть бы Избушкой, Хоть месяц в году. В берёзовой роще Услышать «ку-ку», И стать бы попроще, Служа Леснику...»

Я завёл себе веснушки

Каждый день к лесной опушке Я горошинки несу -Я завёл себе веснушки На щеках и на носу,

Может, сто, а может, двести. Их я мою по утрам. А потом я с ними вместе Убегаю по делам.

Солнце сыплет через сито Золотистые лучи И веснушки деловито Выпекает, как в печи.

От большого перегрева Я купаньем их спасу. Брызги – справа, брызги – слева. И не жарко на носу.

Вот и село солние в дали. Скоро луг накроет тьмой. Мы с веснушками устали, Возвращаемся домой.

Сани Сусликова рассуждения о влиянии весны на маму

«Весна пришла, и всё ей радо...». А я нет. Потому что моя мама загрустила. И ладно, если бы поругалась, а потом загрустила. Нет. Мама молчит и даже плачет. Не так чтобы громко, а так - грустно както. Ну, думаю, это так скоро у неё апатия к жизни начнётся. При такой мысли я и сам загрустил. Этого я допустить не могу. Надо и себе и маме как-то помочь.

Пошёл я к другу Лёшке Ляпкину и спрашиваю: «Что делать то?» А Лёшка и говорит: « Да дело простое. Давай мы твоей маме письмо напишем. Как будто какой-то чувак влюбился в неё... Вон, Таньке, сестре, из армии жених письма любовные пишет. Так она читает и хохочет. Ну, прям, как дура, целый день. Так надоела!».

И мы стали думать. Моя мама воспитывает меня одна и ей, конечно же, хочется так же, как и мне, быть с папой. Но папа женился на другой и уехал в Америку. Америка далеко, так что письма не доходят до нас. Это понятно мне, а вот маме это не совсем понятно. И чтобы ей стало весело, кто-то должен её рассмешить. Любовное письмо! И

«Уважаемая мама Сани Сусликова! Я увидел Вас и влюбился». А потом мы с Лёшкой списали часть письма, которое получила Лёшкина сестра от жениха.

«Коротко о себе. Живу я нармально. Хажу на стрельбище стрилять и всегда пападаю в цель.

А потом бегаем и бегаем. По вечирам сматрю на звёзды и думаю о тибе. А если кто обижает тебя скажи. Люблю и крепко целую. Твой...» Тут мы подумали и написали «... незнакомец».

Письмо нам понравилось. Это здорово, что он умеет стрелять и хорошо бегать. Значит, не дурак. А потом он смотрит на звёзды и мечтает. Лёшка сказал: «А хорошо бы ещё цветы. Все девчонки любят цветы». Эта мысль показалась мне интересной. Но денег на букет у нас не было. Для этого я выпотрошил свою копилку, и мы пошли по-

Продавщица спросила, смеясь: «Кому цветы собираетесь покупать?» А я сказал: «Маме... Один цветок... Самый лучший, чтобы стоял долго... На все...» И протянул деньги.

гдолго... на все...» и протянул дены и. Продавщица подала мне оранжевый цветок, похожий на балерину и сказала: «Какая счастливая мама!». А я подумал: «Наверно не очень. Ведь если бы мама не грустила, то мы с Лёшкой не пришли бы покупать цветок. Зачем счастливым цветы? Они и так весёлые».

По дороге домой мы С Лёшкой договорились, что я пойду домой, а через десять минут Лёшка положит письмо и цветок под дверь и позвонит

Когда я пришёл домой, мама сидела на диване, обняв ноги, и о чём-то думала ... Через десять минут в дверь позвонили. Я чуть не спятил, пока ждал звонка... Мама открыла дверь, посмотрела за дверь и лишь тогда увидела письмо и цветок. Наступила тишина... Я ждал счастливого маминого смеха. Ну, думаю, сейчас она станет счастлива... Но мама молчала, и я тоже молчал. А затем не выдержал и лениво так спросил: «Ну кто там? Тётя Нина, что ли?»

Мама молчала. Посмотрела на цветок, потом на письмо, потом на меня. И почему-то не торопилась быть счастливой. Наоборот, глаза наполнились слезами и она заплакала. Ну, думаю, от счастья, наверно. От счастья не только смеются, но и плачут. А мама обняла меня и тихо говорит: «Саня, послушай меня внимательно. Не открывай никому дверь. Не выходи один на улицу. Будем уходить и приходить вместе». Я совсем обалдел. «Это почему?» Мама показала на письмо. «Какой-то сумасшедший учится стрелять и к тому же хорошо бегает. Ты только подумай, он ещё признаётся в любви!... У него неадекватное поведение. Судя по почерку и по ошибкам, у него было тяжёлое детство ... и совсем не развит интеллект... Очень похоже на сегрегацию... Это очень пасный человек. Ты понял?» И, помолчав, сказала: «Всё ясно. Нужно взять себя в руки... и действовать». Посмотрела на цветок и ... улыбнутась

Странные эти женщины, подумал я. Никогда не знаешь, что от них ждать.

Цветок мама поставила в воду. Каждый раз, когда мама выходит из дома, она смотрит по сторонам. Она записалась на курсы самообороны и читает книги о психиатрии. Так что плохое позади. Мама перестала грустить и плакать. Теперь она опять улыбается.

А твоя мама часто улыбается?

Галина ВИЛЛОНЕН

Продолжение, нач. в № 10

Врач с трудом верил в реальность происходящего - всё случилось быстро и неожиданно, его не покидало чувство тревожной настороженности. Дальнейшие события скорее удивили его, чем испугали - поданная к самолёту машина привезла доктора вместе с конвоем к неприметному дому, где его оставили одного в просторной комнате. Кофе, хорошие сигареты. Вскоре вошёл по виду добродушный болтливый коротышка в звании оберста. Герр оберст, восторженно похвалив произношение Дмитрия, разглагольствовал:

- Ещё во времена Корнелия Суллы врачи были неприкосновенны. Раб, умеющий пяткой вправить вывих плеча, остановить кровь или зашить рану, получал свободу. Открывший кровообращение врач гладиаторов - Гален - в молодости был рабом. Кстати, он попал в плен во время галльских походов Цезаря, т.е. был немцем. Германия дала миру цвет медицины: Кох, Мунк, Рентген.

- А кайзера Вильгельма лечил русский врач Боткин, - прервал Дмитрий самодовольную тираду.

- О да! Его встречал почётный караул на Атнгальском вокзале. Доктор Боткин вышел из вагона с виолончелью в руках - по Берлину долго ходила шутка, что кайзер действительно болен, раз встречает с такими почестями музыканта...

- Имя Николая Пирогова в немецких учебниках хирургии повторяется чаще, чем имя Кохера, - ещё раз вставил Дмитрий.

- Не спорю. Иначе бы я с вами не беседовал, - сухо заметил немец. - Но довольно. Собственно, вы оставлены для работы по специальности... почти. Вам известно, что седьмой отдел руководства Красной Армии занимается пропагандой среди бойцов и населения антинемецких настроений - нас представляют чуть ли ни в образе варваров. Как видите, это не так. Не скрою - снижение темпов наступления на Москву и потери в боях за Смоленск вызвали недовольство фюрера... Гонимые боль-

Орден

шевиками деревенские парни дерутся отчаянно. Но не буду делать анализ ситуации. Ваша ближайшая задача - составить тексты листовок с инструкциями по симуляции различных заболеваний. Пионерами в этой области являются русские каторжане - ещё в «Истории Российских тюрем» были описаны способы вызывать абсцессы, переломы, язвы, экземы. Мы тоже кое-что сделали в этом направлении: ну, например, если взять в рот смегму* и расковырять спичкой десну - препарат слюны окрашивается по Грамму неотличимо от микобактерий туберкулёза. Инструкция должна быть краткой и понятной любому ивану. Вас обеспечат хорошим питанием и материалами для успешной работы, - подвёл черту собеседник и встал. - К тому же авторство русского врача будет иметь положительный резонанс среди солдат, - сказал

...Схватили и избили бежавшего Дмитрия сразу же за городом.

После полутора лет работы на производстве горючих смесей для фаустпатронов был второй, отчаянный и более удачный побег, на который Дмитрий решился после того, как мальчишка-эсэсовец почти в упор направил ему в лицо струю из... огнемёта. Кожа лица покрылась волдырями, пузырилась, лопалась. Образовавшиеся струпья нагнаивались и отпадали серыми корками. Врач лишь чудом сохранил зрение.

К концу сорок третьего года беглец, огибая Румынию с юга, добрался до Югославии, где уже действовала партизанская дивизия генерала Тито. В гористой излучине Дравы немного окрепший военврач встретил бойкого соотечественника, который расторопно обхаживал раненых: накладывал шины, перевязывал. К этому времени уже работал Национальный Комитет освобождения, и хирург Палка,

представленный генералу, развернул довольно большой партизанский госпиталь. Назвавшийся врачом новый знакомый утратил активность и, под пьяную руку, рассказал поразившую Дмитрия историю. В начале войны, будучи в крупном тыловом соединении в команде выздоравливающих, он сшил сапоги начальнику госпиталя. Сапоги на совещании увидел командующий. Последовал приказ: «Задержи сапожника, пусть мне сошьёт!» Сашка Стрельцов, так звали мастера, постарался! И эти сапоги были произведением искусства: с завышенной пяткой, со скошенной кнаружи союзкой, с супинацией стопы и напуском на внутреннюю сторону голенища. Модернизации не только улучшили походку военачальника, но и скрыли кривизну ног бывшего кавалериста. Заказы посыпались. А между делом смышлёный плутоватый сапожник ошивался в перевязочной и операционной, где получал, так сказать, «теоретическую подготовку». Затем - отправка на фронт, плен, побег из эшелона.

Продолжение на стр. 27

Туула Королайнен

(Для детей. Переводы с финского Геннадий Михлин - представитель газеты «ПИ 1» в Финляндии)

Прозрение

Мышка-поэт на берегу пруда, писала стихи свои на песке. На встречу с ней думы приходят сюда. Когда, наконец, устав от затеи, она заглянула в глубокий пруд, увидела там: облака, словно феи, в синеве, позолоченные, плывут. Мышка хотела потрогать их лапкой и очутилась в воде очень зябкой, выбралась с дрожью, как будто во сне, и написала тотчас на песке: Прозрела и лично проверила: да! В небе - одна ледяная вода.

Соседи

Дятел стучал по сухому дереву, сидя высоко. Мышка, жалея, подумала:

- Какая у бедняги икота!

Новость

- Внимание! – кричит береза. - После сильного мороза вот вам листья новостей, прочитайте-ка скорей! Были новостью листочки –

распустившиеся почки.

Песня в ночи

Одинокая киса на холме ночевала. Звезде Северной песню пела голосом низким. Пела небу красивому, где беспечно скользила Луна апельсиновая. Мягким светом мерцала шелковистая ночь. И Луна пела дивно, и на вершине холма выросло дерево апельсиновое.

Госпожа Осень

Небеса облаками заполнились до краев. Птицы стали похожи на простых воробьев. Госпожа пришла в город, зовут ее Осень, и рыдает, и плачет, и печалится очень.

Тоска

Ой, весна, весна!
Почему подснежники вокруг
так улыбаются?
И почему синички все парами,
когда маленькое сердце мышки
бьется в одиночестве?
Оно желает, чтоб хвостик был с хвостиком, мордочка к мордочке,
и утонуть в глубине глаз.
Ой, весна!
Если не подаришь никого,
так хоть дай взаймы!

Орден

Приставший к югославским партизанам и выдавший себя за хирурга Сашка на родину не стремился - участь военнопленных после возвращения не была тайной. Раскусил его Дмитрий сразу - «коллега» не знал латинских терминов, хотя, надо сказать, кожные швы накладывал безукоризненно, мог ассистировать на операциях, понимал и выполнял команды врача

После крупного сражения на реке Сутьеске недавно образованная Армия освобождения Югославии была оттеснена в труднодоступные горы Македонии и позже, преследуемая дивизией «Эдельвейс» и румынскими частями, была окружена. Сталин, смотревший далеко вперёд, понимал стратегическое значение Балканского полуострова, всячески помогал Тито, и не зря -Народная республика Югославия была провозглашена уже в 1945 году. И в этот раз по личной команде Сталина лётчик Василий Переплётчиков доставил в Москву раненого генерала в сопровождении врача Палки, награждённого к тому времени Орденом Звезды Карагеоргиевичей.

Вернулся Тито в Югославию к моменту мощного наступления Красной Армии в звании маршала, передав советскому командованию блестящие рекомендации и личную просьбу Сталину -предоставить хирургу Палке достойную работу. Оценивший подготовку врача главный хирург Москвы Николай Еланский, сам выдающийся практик, направил Палку в клинику А. В. Вишневского.

Стена отчуждения постепенно окружала нового доктора, и он строил её сам - избегал коллег, хотя отношение к нему было доброжелательным. Просто в наспех развёрнутых госпиталях и партизанских укрытиях не было

Стараясь не смотреть на своё отражение в вагонном окне метро, Дмитрий сел на свободное место. Девочка напротив, устроившаяся на коленях матери, испугалась его вида, заплакала и показала пальцем. Мать с ребёнком поднялись и вышли на остановке...

Стена приобрела бетонную прочность. Как врач, Дмитрий Сергеевич понимал, что время для пересадки кожи упущено: массивные рубцы намертво впаяли в кости лица истончённые мимические мышцы.

И Дмитрий Сергеевич с головой ушёл в работу, проводя вечера над оформлением диссертации. Но запланированная защита её не состоялась

Судьбу доктора определила женщина, которую Дмитрий страстно полюбил первой нерастраченной мужской любовью. К операционному столу подошла вновь назначенная стройная ассистентка. «Руки хорошие», - отметил про себя хирург, а за полтора часа операции разглядел и прекрасные серые глаза, когда помощница, вскинув ресницы, спрашивала взглядом согласия на свои действия. В послеоперационной, поблагодарив коллегу, врач снял маску женщина отшатнулась. Дмитрий почувствовал, как немеет лицо от прилива крови, но, пересилив себя, подсел к женщине в столовой - может, привыкнет, стерпит. Стерпела. Но есть не стала, сославшись на отсутствие аппетита.

Действительно, вид обезображенного неподвижного лица мог выдержать далеко не каждый. Две пластические операции лишь восстановили проходимость носослёзных каналов, не изменив внешность доктора. И когда он приехал в родной город, постаревшая тётя Изольда не сразу узнала его.

Работал Дмитрий в большой, построенной ещё земством, больнице фанатично - это спасало его от чувства безысходности. После тяжелого операционного дня, оставшись в кабинете, врач, убив свою боль алкоголем, рассматривал довоенные фотографии и единственный снимок той женшины - ординатора клиники Вишневского. Перед ним лежал на синем бархате торжественно-элегентный золотой крест Ордена Звезды Карагеоргиевичей с бриллиантом в центре, окаймлённый лучами белой эмали с надписью «За веру и слободу» и увенчанный королевской короной. На аверсе центрального медальона слова «За храброст».

В золотом отражении своего лица Дмитрий видел сквозь алкогольный туман горы Македонии, где крестьянский сын, торговец, гайдук и полководец Георгий Петрович, прозванный турками Чёрным Георгием, был предан и обезглавлен Милошем Обреновичем. За его голову, присланную в подарок туренкому султану, Милош был назначен наследственным сербским правителем - князем в Белградском пашалыке*

Следующий Обренович, Милан, скомпрометировал себя семейными скандалами и полководческой бездарностью. В результате нескольких дворцовых переворотов не без помощи России династия Карагеоргиевичей вернула престол Белграда, и её представитель король Петар 1 учредил первого января 1904 года орден «Звезды Карагеоргиевичей» в память о столетии сербского восстания под руководством господаря Кара-Георгия. По статусу ордена кавалер его имел право отдыхать два раза в год на любом курорте Адриатики и получал достойное месячное пособие.

На курорты Дмитрий не ездил, а денежные переводы на его счёт из Югославии поступали регулярно, вызывая раздражение и зависть райкомовского начальства и обывателей. Периодически возникали разговоры в райкомовскорайисполкомовском склочном аппарате о необходимости «рассмотреть вопрос», но фигура хирурга была авторитетной в области - не по зубам районным шавкам. Даже милиция, случалось, отвозила доктора домой, оторвав от кругляшки шаткого столика кафе «Юность». Иногда сёстры в отделении струйно вводили Дмитрию Сергеевичу глюкозу с витаминами, снимая интоксикацию, после чего наступал длительный трезвый период; жизнь входила в привычный ритм, но вскоре становилась серой, скучной, однообразной. После двух - трёх дней необъяснимого беспокойства и обострения привычной боли одиночества врач опять после работы, не снимая халата, раскладывал на столе в кабинете фотографии, ставил тёмную бутыль спирта с притёртой пробкой. На блюдце, рядом с орденом, лежал очищенный апельсин и плитка шоколада. Затем он доставал из бикса стерильный лабораторный стаканчик

После смерти Сталина Иосип Броз Тито допустил в стране демократические перемены под давлением довольно сильной группы последователей Дражи Михайловича. Последовала истерическая негативная реакция импульсивного Никиты Хрущёва, усмотревшего в этом ослабление роли «руководящей и направляющей» и потерю позиций Советского Союза на Балканах.

Тут-то и зашевелилось руководящее «кодло». Мучимый абстинентным синдромом Дмитрий Сергеевич был вызван в райком, где уже были два крепко пахнущих «Шипром» ветерана при полных регалиях. Инструкторы в одинаковых костюмах - любитель сальных анекдотов - пьяница-военком и квадратная баба из райфо. Постоянно шевелящий руками секретарь райкома Камышов начал издалека:

- Мы вас ценим, товарищ Палка. И многое, так сказать... э... понимаешь, прощаем, что ли... - Секретарь блуждал взглядом, бесцельно передвигал на столе блокнот, поправлял карандаши и говорил как бы между делом, не глядя на собеседника, - Вы знаете, о чём речь... Вы, так сказать, склонны... к употреблению, панимаашь, так сказать. Человек вы авторитетный,

- Мы тоже воевали, - не к месту вставил сухопарый ветеран. - Эти югославы так себя ведут, понимаешь, - продолжал секретарь, семеня пальцами. - А вы от них берёте, паешь, деньги.

- Я могу назвать сумму, – пробасила тётка из райфо.

- Бросьте вы им эту подачку, понимаешь, в лицо, с орденом... Покажите, так сказать, нашу позицию - ваш поступок, пам-машь, вызовет нужный резонанс у трудящихся и в ин-

Дмитрий Сергеевич ошеломлённо молчал. - Мы тут письмо заготовили, - поднялся инструктор и раскрыл коричневую дерматиновую папку. - Ваша подпись покажет зрелость,

Ногти секретаря заскребли стол, водянистые глаза уперлись в лицо Дмитрия. Они напомнили доктору взгляд белобрысого юнца, забавлявшегося огнемётом. (Сделанное для испытания горючих смесей на заводе Фауст оружие не получило боевого распространения и служило скорее как страшилка в охранных частях СС и Гитлер-Югенде).

Дмитрия Сергеевича колотило, он не мог сосредоточиться, апатичный мозг не связывал воедино прыгающие строчки: «... разделяя негодование советского народа... осуждая предательскую политику Тито, с возмущением возвращаю...»

Гадкий листок шелестел в дрожащих руках, пальцы не могли удержать услужливо протянутую инструктором ручку. Нависла на-

· Hy! - бухнула утробно дама из райфо.

Зафиксировав острие ручки под своей фамилией, Дмитрий Сергеевич не сознавал реальности происходящего. Его мучила только мысль о сотке коньяка. Он черканул, как на акте о смерти, привычную закорючку.

- Мы в вас не ошиблись, - радостно подытожил секретарь, отвечая на фальшивые улыбки присутствующих. - Желаем вам, товарищ Палка, дальнейших успехов в работе! Вас отвезут на машине... Орденок ихний, понимаешь, сдайте сопровождающему.

В чёрной райкомовской «Волге» инструктор развязно болтал, пытался шутить, видимо, желая смягчить момент расставания с наградой. Именно он готовил вопрос. Балагуря, сообщил, что таким же орденом был награждён «царский конюх» барон Маннергейм.

- Останови в туалет, сказал Дмитрий Сергеевич шофёру, когда машина поравнялась с забегаловкой «Парус». У стойки доктор быстро выпил, перевёл дух. Дрожь в теле унялась.
- Позавтракаете? спросила пожилая
 - Нет, спасибо, Зоя, налей лучше ещё
 - Может, не надо бы? - Налей-налей, надо!

Пружинистой походкой врач подошёл к ожидавшей машине: «В райком!» - бросил шофёру властно. Тот недоумённо посмотрел на инструктора. – А как же... товарищ Палка... - начал было тот...

- Разворачивайся! - не дал закончить Дмитрий.

Секретарь был один. Прикрыв ладошкой телефонную трубку, он вопросительно уставился на вошедшего доктора.

 Добавить кое - что нужно!- с этими словами Дмитрий Сергеевич быстро взял со стола коричневую папку, вынул свой недавно подписанный документ и разорвал его на четыре части. Опешивший секретарь, натасканный лишь на инструкциях, не мог быстро сообразить, как поступить в этой ситуации. Дмитрий Сергеевич был близок к истерике:

- Орден тебе?! А болт на воротник ты не хотел?! Это ваши игры - крутиться, куда ветер дует! При чём здесь военная награда?! Хрущёв надругался над званием Героя Советского Союза, присвоив его Насеру! Что ж вы не возмущаетесь?! Теперь Насер может мыться в бане без очереди! - Короткий нервный смех стиснул горло Дмитрия Сергеевича. - На этом ордене русская кровь! - выкрикнул он сорвавшимся голосом. - Где был ты, пупсик, когда я жрал ворованную сырую свёклу?! Ты и сейчас лижешь очередную жопу, а я делаю четыреста операций в год, не считая экстренных!

- Вы пьяны, как сапожник! взвизгнул опомнившийся руководитель. Я милицию вызову!

Доктор вспомнил талантливого афериста, гениального сапожника Сашку, действительно, любившего выпить и глупо погибшего от шаль-

Забывший положить телефонную трубку секретарь искал её и скользил ногтями по по-

лировке стола.

Уже в приёмной к врачу с возгласами кинулся было инструктор.

- Пошёл на х... - бросил на ходу Дмитрий и быстро удалился по красной дорожке на воздух. Инцидент с беспартийным хирургом выгоднее было замять, что и сделали. В наступившее время врач бы отделался понижением в должности, а секретарь уж точно бы слетел

Началась тупая, нудная травля доктора. По распоряжению райфо Дмитрию Сергеевичу перестали оплачивать сверхурочные дежурства.

Присланные из КРУ женщины, поджав губы, пересчитывали в отделении шторы, графины, простыни и наволочки. В представляемые на подпись акты заведующий не вникал. Раз, издерганный мелкими придирками по поводу недостачи трёх кусков мыла, найденных в сушилке тараканов, двух непроштампованных полотенец - они всегда висели у него в кабинете, заведующий отказался подписать акт. Открыв дверь, Дмитрий Сергеевич крикнул в соломенный затылок уходящей ревизорше: «Идите вы все к чёрту!» Та профессионально накатала «телегу», и недавно назначенный молодой заведующий облздравотделом перевёл Палку в рядовые хирурги.

Ожидающий новую квартиру озлобленный главврач, получивший партвзыскание за «ослабление воспитательной работы и недостойное поведение подчиненного ему сотрудника» направил хирурга высшей категории - Дмитрия Сергеевича Палку, на приём в поликлинику. «Будешь торчать там, как забытая клизма», - заявил он в частной беседе.

...Мелкокалиберные пушки с немецких катеров наугад палили в прибрежные кусты, готовя высадку десанта на берег Дуная. Партизаны заняли оборону, а госпиталь готовился отойти в глубь горной расщелины. Два горячих осколка вошли в мышцы бедра Дмитрия, не повредив кость, а один тупым сверлом вкрутился в брюшную полость.

«Убери сколок, поставь дренаж... Оперируй, Саня!» - успел сказать врач, проваливаясь чёрную яму болевого шока. Сапожник, не снимая Дмитрия с носилок, извлёк немецкий сувенир и прижал в ране салфетку, пока не затромбировались сосуды. Больно... но это был пустяк по сравнению с той болью, которую испытал врач в начальственных кабинетах.

С горечью отмечал Дмитрий Сергеевич, что новое поколение врачей было меркантильным и циничным. Цитатник его, пылившийся в ординаторской, не пополнялся. Можно было услышать из уст молодых людеи, не умеющих оперировать, «зажмурился» или «зачехлился». Эти слова об умершем человеке никогда не говорил старый врач даже в сырых госпитальных палатках. Выпускники медвузов норовили идти в гинекологию, психотерапию, или за большие деньги в косметологию. Мало стало желающих овладеть классической хирургией с её бессонными ночами, выхаживанием послеоперационных больных, с искусством быстрой безошибочной диагностики и кропотливым рукоделием. Да и с появлением волоконной оптики впереди маячила эра эндоскопической хирургии. Ядерно-магнитный резонанс разучил врача думать, доброжелательно говорить с пришедшим к нему человеком, как это делал земский доктор Сергей Падалка. Угнетённый болезнью пациент, пробегав два-три дня с анализами, со страхом взирал на перебирающего бумажки и рентгенограммы врача и был счастлив, ели тот буркал что-то типа: «Да ну, это чепуха!» А ведь ещё в первой части старого цитатника записано: «Если больной поговорил с врачом десять минут и ему не стало легче - это был не врач!»

Новый заведующий выделил десять косметологических коек и, как подленький слушок, появились новые афоризмы: нос - картошкой, х...- гармошкой; отстёгивай - сделаем нос горбинкой, х... – дубинкой.

Дмитрий Сергеевич сдал. Ходил ссутулившись; на поликлиническом приёме надевал марлевую маску. В отделении больные его боготворили, быстро привыкали к его виду, и скованности врач не чувствовал. Другое дело - реакция входящего нового человека, особенно ребёнка. Партийно - профсоюзная тройка, возглавляемая нудной девой начмедом, зачастила в

- Что это вы в маске всё время, у нас не карантин по гриппу», - мельком бросила кастелянша, участница рейда. Хирург услышал уже в коридоре разговор:

- Дак перегаром несёт, наверно.

- А что ему не пить - он получает в валюте, сколь нам и не снилось. Нужна ему эта поликлиническая ставка - копейки..

И доктор с горькой усмешкой вспомнил ещё одну крылатую фразу: «Нету больше сволочей, чем начальство из врачей».

А реальность была такова, что Дмитрий Сергеевич стал действительно часто напиваться, с ужасом констатируя у себя вторую-вторую «А» степень алкогольной зависимости, и уже не мог идти на работу, не опохмелившись. В три часа он в больших тёмных очках направлялся домой, заходя по пути во все гадючники, где ему наливали часто бесплатно. Капитально же он присаживался иногда, взяв бутылку, в подвале магазина. Там собирались бомжи. Они, разгрузив машину-другую овощей, покупали в хозяйственном отделе «Росинку» для очистки стёкол, потом рассаживались, плоско шутили и балагурили. На деревянном ящике стоял разрезанный арбуз, в баночке из-под майонеза голубела отрава. Здесь не нужно было ни надевать маску, под которой трудно дышать, ни темные очки. Не нужно было ни прятать лицо, ни притворяться. «Доктор» - так к нему обращались собутыльники - становился словоохотлив, рассказывал о войне. Возбуждение быстро сменялось тяжкой апатией и безотчётным страхом, больной мозг требовал новой дозы алкоголя. Именно в такой момент врач впервые выпил из майонезной банки; бомжи признали его своим. Поздно вечером совсем высохшая, но ещё бодрая тётя Изольда вела племянника домой и укладывала спать. Утром ей удавалось заставить Дмитрия что-либо съесть лишь после приёма большой стопки водки. Изольда Венедиктовна пыталась женить Дмитрия. В одно из воскресений она, в новом платье, водрузив на стол сияющий медью самовар ещё с царскими медалями, игриво-торжественно объявила:

 Теперь я braudwerberin!*** У нас сегодня будут гости - знают сватью в новом платье!

Ты же знаешь, я не переношу гостей. Дмитрий понял, что предстоят смотрины, о которых последнее время всё чаще и чаще заговаривала Изольда Венедиктовна. Знал он и невесту - давнюю овдовевшую знакомую семьи. Первая реакция его была – уйти.

- Не пущу!!- тетя разрыдалась. - Не могу я видеть, как ты катишься! С твоими руками и

Обняв тётку, Дима сам чуть не расплакался от жалости к воспитавшей его женщине, от тупиковой безысходности своей жизни. Но он твёрдо решил не ложиться тяжким грузом на чью-то судьбу. Застолье прошло в натянутом разговоре об общих знакомых, гостья хвалила угощение, поглядывая на скованно сидящего жениха. Она была миловидна, полновата, смешлива.

«А что?.. Может...» - подумал Дмитрий, но самоварное отражение своего лица вернуло прежнюю уверенность в своём решении.

Визиты в подвал участились. Не поточто там была выпивка - выпить в этом городе Дмитрий Сергеевич мог, где угодно - добро люди помнили, а потому, что там не было равнодушно-брезгливых благополучных лиц. Там же, в подвале, Дмитрий, упершись взглядом в расстеленную на ящике старую газету, наткнулся на строки: ...«Ветераны поддержали поступок Василия Переплётчикова и с негодованием вернули награды...»

К тому времени, когда заблудшая овца-Тито вернулся в социалистическое стадо, Дмигрий уже не работал. В подвале его встретил бывший редактор районной газеты по прозвищу Петрарка, негласный лидер бомжей, читающий в стадии среднего подпития для этой аудитории сонеты.

- Ну, что, ёжики, доставайте ножики!сказал он, водрузив на прочитанную свежую газету традиционный арбуз. - Слышь, Дима, что пишут! Вот уж действительно: «Дорогой товарищ Тито, ты опять нам друг и брат. Нам сказал Хрущёв Никита, что ты был не виноват»,- продекламировал он.

Вечером Изольда Венедиктовна, переступая при тускло-красном свете запылённой лампочки через лежащих вповалку бомжей, пробиралась к сидевшему в неестественной позе Дмитрию. Плечо его было откинуто, запястье перевивала алая шелковая муаровая лента ордена, полученного в военное время. В мирное время награда вручалась на синей ленте. Золотая Звезда Карагеоргиевичей была зажата в кулаке. Рука хирурга была холодной.

Виталий ЧАПКОВИЧ

^{**} смегма — отделяемое мужских половых органов
*** пашалык — административно-территориальная единица Югослави
*** braudwerberin — (нем.) сваха

Аристократ — из Петрозаводска

Газета «Провинциальный интеллигент 1» поразила меня своей географией, интереснейшими материалами разных жанров, интеллектуальными портретами всех авторов, добротным вкусом художникаоформителя. Сейчас я поняла.

эта газета, словно клуб, объединяющий единомышленников.

Особо поразила рубрика «Гость» о столичной аристократке Злате Раповой — Графине де Рапп де Кольмар-Строгановой, с достоинством донесшей до наших современников превосходные духовные качества старинного аристократического рода России. (См. N 5 om 2009 г.)

Знакомство с интервью, выполненного Сергеем Пашковым со Златой Раповой, мгновенно вызвало у меня ассоциацию о необходимости знакомства земляков с провинциальным интеллигентом из Карелии, аристократом мирового уровня - Геннадием Алексеевичем Вавиловым.

Мой муж — Вячеслав Шевцов — журналист, считал его своим другом, потому, что судьба свела их вместе как сыновей полков в годы Великой Отечественной войны. Муж знал Вавилова-композитора, профессора Петрозаводской консерватории - глубоко порядочного человека. А мне посчастливилось узнать о друге моего супруга столько, что он, несомненно, по определению Владимира Даля, является истинным аристократом. Спасибо «Провинциальному интеллигенту 1» за инициаторство!

По мнению проректора, заведующего кафедрой специального фортепиано Петрозаводской консерватории им. А.К. Глазунова, кандидата искусствоведения, профессора, заслуженного деятеля искусств России и Карелии Виктора Портного, творчество Геннадия Вавилова широко известно как у нас в стране, так и далеко за ее пределами, благодаря воплощению в музыке многообразия явлений окружающего мира, благодаря стремлению к масштабности замыслов, интереса к фольклору.

В энциклопелических отечественных изданиях (энциклопедический музыкальный словарь, Пятый том справочного издания «История музыки народов СССР», многочисленные справочники о композиторах и музыковедах Карелии с конца 60-х годов до 2009 г.) содержатся сведения о Геннадии Алексеевиче Вавилове как о композиторе, пианисте, педагоге, члене Союза композиторов с 1968 г., общественном деятеле, профессоре (1999), единственном композиторе - лауреате премии комсомола Карелии (1978), заслуженном деятеле искусств Карелии (1987), народном артисте Республики Карелия (1995), лауреате премии «Сампо» (2000), лауреате государственной премии Республики Карелия (2008), кавалере ордена Дружбы (2002), почетном гражданине города Петрозаводска (2007).

Статья о композиторе включена в 15-й том словаря «International Who,s Who in Music and musicians, directory» 1996/97, IBC, Cambridge, England.

Откуда начинаются истоки таланта? Конечно, с родного дома. Родился в семье служащих, отен играл на гитаре и мог исполнить разные музыкальные произведения, мама – была кладезью народных песен, которые с детства сопровождали двух ее сыновей. Отец – хорошо образованный, с интеллигентной душой, работавший секретарем райкома партии, понимал, что главное в воспитании детей – это образование, и закупал постоянно абонементы на все музыкальные и драматические постановки местного театра. Так театр занял прочное место в душе школьников. Но счастье семейной гармонии разрушила война. После подписания воззвания 36 коммунистов в Оренбурге, где жила семья Вавиловых накануне Великой Отечественной войны, отец ушел на фронт. Геннадию было 9 лет, и он летом 1941 года находился в тысячах километров от дома - в гостях у бабушки в украинском городе Никополе, в 300 км от Запорожья, до которого можно было добраться только на повозках. О возвращении домой в годы войны не могло быть и речи. Поскольку вся страна, от мала до велика, жила мыслью о защите Отечества, маленький Геннадий в 1943 году оказался в танковом полку, став сыном полка. Так мальчишки военных лет по своим силам и возможностям защищали Родину.

Несмотря на выполнение военных обязанностей по солдатской должности, душа мальчишки тянулась к мелодичности, и именно тогда он решил, что его будущее будет связано только с прекрасным – с музыкой!

Он получил образование на композиторском отделении музыкального училища при Московской консерватории, куда поступил после войны в единственной одежде, которая у него была - солдатской форме, вызвавшей у некоторых поступающих проявление снобизма и ироническую улыбку, поскольку у тех были даже бабочки, характерные для торжественных случаев у музыкантов. Затем учился в Московской и Ленинградской консерваториях, получив дипломы педагога-композитора и преподавателя музыкально-теоретических дисциплин. Тогда одновременно с Геннадием в училище поступили талантливый Вячеслав Овчинников (ставший композитором киномузыки к фильмам «Война и мир», «Иваново детство», «Андрей Рублев») и Андрей Кончаловский (поступивший тогда на фортепианное отделение, но выбравший затем судьбу кинорежисcepa)

Во время учебы в консерваториях Геннадий Алексевич Вавилов принимал участие во всесоюзных конкурсах молодых композиторов и неизменно завоевывал первые или вторые места. Особенно ему дорога вторая премия, полученная на всесоюзном телевизионном песенном конкурсе, прошедшем под девизом «Наше завтра». Песня «Деревцо

мое миндальное» покорила тогда жюри и слушателей. Награда очень дорога Геннадию Алексеевичу даже по прошествии десятилетий, поскольку конкурсе участвовали лучшие композиторы страны, глубоко уважаемые им, среди которых были - С.С. Туликов, А.Н. Пахму-В.Й. това. Мурадели, Т.Н. Хренников, Л.А. Лядова, А.Г. Флярков ский, Я.А Френкель. Ин

и н тенсив ность творчества
нашего земляка поражае
етта для орке
фортепиано с

ляка поражает: шесть симфоний, симфониетта для оркестра в 6 частях, 2 концерта для фортепиано с оркестром, 2 концерта и дивертисмент в 9 частях для скрипки с оркестром, эпическая поэма; 17 сонат для фортепиано (такого количества нет ни у одного композитора). 14 фортепианных сюит: 2 тома вальсов. включающего 20 вальсов – столько создал только Шопен: эпическая поэма, вокальносимфонические произведения для солистов, хора и оркестра; 5 баллад с использованием фольклора и фольклорных интонаций (для сведения – Шопен создал 4 баллады); многочисленные альбомы для фортепиано («Путь к солнцу», «Родник», «Мелодия», «Северный альбом», «Блики», «Руны», «Отзвуки театра», «Осенний листопад», «Истоки», «Пророк», «Дюймовочка», «Зарисовки», включающие 25 сочинений; «Карельская тетрадь», Вепсская фантазия для скрипки и фортепиано», «Этюды-картины» - в двух альбомах); вокальные сочинения - свыше ста песен и т.д. Цикл «Песни войны и мира», созданные Геннадием Вавиловым во время учебы на третьем курсе Ленинградской консерватории, вошли в историю музыкальных фестивалей как лицо консерватории. Им созданы романсы, скерцо, авторские концерты, исследованы национальные культуры по мировому масштабу Бартока, Листа, Глинки, Чайковского, Сибелиуса. Он – знаток народных интонаций финских, ингермаландских, вепсских, карельских мелодий и культуры.

Геннадием Алексеевичем создан новый жанр в музыке - «Новеллы», включающие 17 новелл («Из детства моего», «Долгая ночь» и др., широкую известность приобрела новелла «Памяти Принцессы Дианы»). Так творческое мышление композитора соединило романтичность литературного жанра, созданного в Англии, с музыкой.

Особо выделяется деятельность Геннадия Алексеевича, обращенная к детям. Здесь он - мудрый педагог, использующий методику проблемного обучения - самую эффективную в мировой педагогике. Работа с детьми и подростками - это передача эстафеты личного музыкального таланта юным дарованиям. четко проявившим интерес к благозвучию. Апофеозом отношения к детям явились события последних лет. В 2000 году детской музыкальной школе г. Костомукши (на севере Карелии) присвоено имя Геннадия Алексеевича Вавилова. А с 2002 года Костомукша превратилась в музыкальный центр Северо-Запала Европы а точнее в музыкальный олимп Баренц-региона. Подрастающее музыкальноодаренное поколение многих городов России. Финляндии, Швеции, Норвегии, Китая, Украины, Беларуси, Турции, Литвы, Латвии и Эстонии считает за честь выступить на Международном открытом юношеском конкурсе пианистов Баренц-региона композитора Геннадия Вавилова

Заместитель директора специализированной школы искусств г. Петрозаводска, преподаватель класса специального фортепиано Галина Дюденко, считает, что композитор не склонен делить свою музыку на «взрослую» и «детскую», считая, что лишь высокопрофессиональные и высокохудожественные, насыщенные эмоциональным содержанием произведения без скидок на возраст смогут быть интересны современным детям, станут «палитрой» для самоутверждения, средством

обогащения и развития их душевно-го мира.

Заслужен-

ный артист Российской

Федерации.

профессор Петрозаводской консерватории им. A.K. Глазунова. пианист «искрой божьей» - Виктор Абрамов. отлично знает, что имя композитора Генналия Вавилова известно России рубежом (Германии, Франции, Великобритании, Болгарии, Финляндии, Швеции,

Норвегии.

США),так

как он лично

представлял творчество знаменитого земляка во многих городах России и дальнего зарубе-

Композиторов волнует все: политика. знакомые и незнакомые события, поэтому Геннадий Алексеевич часто встречался с людьми труда, представителями армии. Он никогда не забывал, что его патриотизм воспитан солдатами-танкистами, воспринявшими его как сына полка в 1943-1944 гг. Девять лет он прослужил в армии. Знаком со многими сыновьями полков и всю жизнь испытывает гордость за поколение мальчишек, опаленных войной в армии. Все его знакомые - сыновья и дочери полков, стали высоконравственными гражданами отчизны. Информация о петрозаводских дочери - Нине Сухопрудской, ставшей библиотекарем, и сыновьях полков композиторе Геннадии Вавилове, журналисте Вячеславе Шевцове, педагоге Дмитрии Морецком, тренере по плаванию Николае Яковлеве, летчике Евгении Савине, хранится в специальном музее г. Курска, как и о всех сыновьях и дочерях полков нашей страны. О каждом из них можно написать книгу - у каждого богатая судьба.

За творческие успехи Г.А. Вавилов награжден медалями «Отличник культурного шефства над вооруженными силами СССР» и «Отличник культурного шефства над селом», серебряной медалью Комитета защиты мира СССР, медалями международной полицейской ассоциации, Ленинградской консерватории к 125-летию ее создания, золотой медалью Российской Федерации за заслуги и особые успехи в эстетическом воспитании детей, почетным званием деятеля искусств Германии с вручением золотой медали Германии. Грамотой Болгарии за выдающиеся успехи в музыкальном искусстве. Особенно ему дорог подарок от Раисы Глезер - выдающегося отечественного музыковеда мирового уровня. За посвящение Геннадием Вавиловым хорала и фуги памяти Дмитрия Шостаковича Раиса Глезер в 1990 году подарила Геннадию портрет знаменитой российской пианистки Марии Юдиной, изображенной в концертном зале Московской консерватории.

Высочайшую оценку получил талант композитора, когда международный биографический институт присудил Геннадию Вавилову звание «Человек года» с вручением Больших золотых медалей, Платинового диска и Золотого ключа. Геннадий Вавилов являлся делегатом всемирных конгрессов науки, культуры и искусства: 1996 год – Сан-Франциско, США; 1997 – Оксфорд, Англия; 1998 – Новый Орлеан, США. Такого мир еще не знал – трижды в течение трех лет подряд – редчайщий случай в мировой практике вручение элитных медалей международного уровня! Этому предшествовали триумфальные фортепианные концерты, встречи, мастерклассы в Оксфорде, Кембридже, Новом Орлеане, Сан-Франциско, Филадельфии, Холтоне, Хартфорде, Луизиане, других городах Западной Европы и штатов Америки.

Триумфальность концертов подчеркивают следующие факты: в городе Хартфорде (штат Коннектикут) в концертном зале Бушнел были сделаны слепки в бронзе с рук Геннадия Алексеевича - одного из талантливых пианистов мира. Необычна графическая реклама на баннере и повторяющаяся на каждом билете: лицо композитора, написанное из нот его произведений.

Интересен случай, когда на одном из приемов к Геннадию Вавилову подошла дама из рода Великих российских княгинь и разговаривала с ним на классическом наречии русского языка.

Показателен и такой случай, когда неожиданно, без подготовки в концерте с Геннадием Вавиловым принял участие американский импровизатор-валторнист. Естественно, пианисту тоже пришлось импровизировать. После концерта к нашему петрозаводчанину подошел мужчина лет 50 и попросил сыграть импровизацию на свою мелодию, мотивировав тем, что услышанная им концертная импровизация могла быть домашней заготовкой. Несмотря на усталость. Генналий Алексеевич прослушал предложенную мелодию, воспроизвёл её и сыграл импровизацию на заданную тему. Мужчина был потрясен. Он сказал: «Я никогда не поверю тому, что со мною произошло». Через некоторое время он вновь подошёл к Геннадию Алексеевичу и подарил серебряный доллар с поправками к законодательству США в уникальной упаковке с геральдическими знаками: «Я дарю самое дорогое, что у меня есть». Несмотря на протесты Геннадия Вавилова, что его не пропустят через границу с таким подарком, американец сказал: «Здесь есть все мои координаты, пусть позвонят мне, и я подтвержу, что подарил Вам Это»

Всемирно известный скрипач Иегуди Менухин был очень взволнован концертом Геннадия Вавилова для скрипки с оркестром, считая, что такую скрипичную мелодию мог создать только виртуоз-скрипач, и предложил Геннадию Алексеевичу дарственную поездку в Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию и Германию.

У творческого человека душа должна всегда трудиться. Поэтому Геннадий Алексеевич Вавилов активно занимается общественной деятельностью всю свою жизнь. Подтверждение этому - вышеуказанные награды и знаки внимания. Он возглавлял университет культуры при Петрозаводском Доме Офицеров. Был членом республиканского отделения Советского фонда мира, художественного совета Петрозаводского музыкально-драматического театра. Сейчас Геннадий Вавилов входит в состав Правлений Союза композиторов Республики Карелия, Фонда культуры и Детского фонда С.Л. Катанандова «Детям Карелии». В попечительском Совете Петрозаводского госуниверситета композитор является членом комиссии по вопросам помилования на территории Республики Карелия, а также членом Совета по культуре при Главе Республики Карелия. На международном уровне Геннадий Вавилов является членом директората Оксфордского университета.

На мой вопрос, что же для него главное в жизни, Геннадий Алексеевич четко ответил: «Концерты, писать музыку, преподавание, заниматься общественной деятельностью». Это кредо мудрого человека, патриота, не разбросавшего свой талант и призвание на другое, отвлекающее от музыки, иначе не состоялась бы такая сочная творческая жизнь, обогатившая Россию и весь мир. Писатель В.В.Вересаев заметил: «Жизнь – не бремя, а крылья творчества и радости...» Это в полной мере относится к Геннадию Алексеевичу Вавилову, выросшему из поколения детей войны, сумевшему реализовать свою детскую мечту и покорить мировую элиту человечества своим талантом, аристократизмом, показав достойный пример отношения к жизни.

Хильма ПОРАЛЬ г. Петрозаводск.

Как последнюю милость найти себе Храм и очиститься в нем для великой любви. (Светлана Сырнева)

Поехали наши мужики за корюшкой. Им, видите ли, перед Новым годом, если не в баню, так за корюшкой! Гинеколог только две недели назад отправил меня в предродовой декрет - так что срок еще не скоро. Сидим мы с Егоркой перед зеркалом, крутим разные финтифлюшки из волос, мажем лицо во все цвета побежалости, чтоб на вечеринке не пугать никого своими раздувшимися губами и пигментными пятнами.

(†,Провинциальный Ф ИНТЕЛЛИГЕНТ

Думаю, что еще успею на работу к девчонкам проводить старый год и поздравить с наступающим новым. Они, когда в декрет провожали, взяли с меня слово, что непременно к ним зайду тридцать первого - шампанского пригубить.

Егорка толкнул изнутри в бок, потянулся да так и остался, вытянув мой живот справа налево.. нет, слева направо... да, живот стал похож на ушастую голову медведя. Интересно, это обе пятки торчат или пятка и локоток? «Будешь шалить, я тебя из Егорки переименую в Мишаню». Егорка съёжился и замер. «Да, ладно, не бойся, я тебя не больно рожу».

Платье мягкое и легкое, бледно-фисташковое, под цвет глаз. Из украшений только тонкое обручальное кольцо. Какие сапоги надеть? Хочется нарядные, на каблучке, а не растоптанные замшевые с мутоном внутри. Праздник, а я женщина все же, хоть и с Егоркой. Все будут в самом красивом, а я в обыденном. Ох, и жалко себя, слезы так и льются. так и льются. Всю краску размазала, дура непутевая И чего реветь? Надену на каблучке, и горе пройдет. Конечно, не стоит бояться. Чего там, разок пройдусь аккуратненько, тут недалеко, совсем рядом, минут десять медленным шагом и - вот она, наша контора. Ничего страшного со мной не случится, зато буду не хуже всех, пока там мой Пашка с мужиками водку пьет и на корюшку глядит. Кто у них сейчас под прозвищем «корюшка» ходит? Интересно. Какую-нибудь новенькую прислали, наверное. практикантку. Узнаю, что не на рыбалке был... ну вот опять слёзы. Ага, и что я могу? С пузом? Ничего. Разве что поплакать немного, чтобы себя бедную пожалеть, да и всё. Надеюсь, никто из девчонок не принесет индейки - на дух её не переношу, тошнит. Вот только сон сегодняшний озадачил. Стою на берегу моря с Пашей, вроде и я с ним за корюшкой отправилась, и сети забрасываю. Странно, чего это корюшку сетями вздумала ловить? Муж вдруг повернулся и ушел, но внимания на это не обратила. знай, тяну сети, но в них не рыба, а лайка. Нет, это не вполне пес. Только передняя часть существа - собачья, зато задняя - рыбья. Внезапно сети разрываются, у пса отрастают лапы и хвост бубликом, и он по мокрому песку - шлёп-шлёп - уходит от меня, исчезая за размытой линией ветра. Сон. Глупый сон. Куда ночка, туда сон. Успокоившись, поправила размазанный макияж, оделась, обулась и вышла на улицу. Морозец предновогодний, правильный такой, хороший морозец, ветреный. С первых шагов стало ясно, что с каблуками дала маху. Дорожка, хоть и щедро посыпана песком, скользила, и каблуки весело разбегались в разные стороны без руля и без ветрил. Мне конец!.. Встала раскорякой, опираясь руками на высокий сугроб, и - ни вперед, ни назад. Двинуться боюсь. Тут вижу, подъезжает к дому наш юрист на внедорожнике. Выходит Игорь Михайлович из машины, не глядя по сторонам, ныряет в темноту подъезда. А для меня подъезд - недостижимая цель! Вот он - рядом, а не дойти.

Кричать не стану, не дождетесь. Унижаться? Ни-за-что! Уже хотела снять сапоги и ползти до вожделенного подъезда в колготках, и тут подлетает Игорь Михайлович - видно, выбегая из подъезда, легкомысленную дамочку на каблуках приметил. Ага! - и предлагает довезти, куда мне надо. Нет, говорю, мне уже никуда не надо, я домой хочу

Игорь Михайлович, позвольте взять вас под руку. Пожалуйста, доведите меня до квартиры. Только делаю первый шаг, судорожно ухватившись за рукав юриста, как каблук подламывается, мои ноги подбивают ноги мужчины, и он, подкошенным колоском, падает на спину, смешно дрыгнув в воздухе ногами, а сверху на него бухается мой живот

Смотрю я на эту картину будто со стороны, вижу, как мы скользим, размахивая руками и елозя ногами, пытаясь подняться, и начинаю хохотать в голос. Бесшумно трясясь от смеха, вторит Егорка. Игорь Михайлович обиженно сопит, но, не удержавшись, хихикает, вперемежку всхлипывая и пол вывая.

Отсмеявшись, с горем пополам поднялись, и юрист бережно довел меня до третьего этажа, где и простился, спеша вернуться к машине.

Как всё же хорошо дома, и чего мне не сиделось? Ждала бы спокойно мужа, накрыв стол. Так нет, всё еще хочется погулять, покрасоваться. Было бы чем красоваться, особенно такими губами, которые в зеркало не вмешаются, приходится их по частям рассматривать. Жаль только, что каблук на новых сапогах сломала, и с девчонками не увиделась. Коснулась теплого тела батареи под окном, приоткрыла занавеску. В густых сумерках было видно, что машину Игоря Михайловича, пока он меня провожал, кто-то запер своим «Нисаном». Игорь Михайлович ткнул чужой автомобиль пальцем, надеясь на ответ, но не тут-то было. Звезды ледяными иглами лучей играли морозную мелодию, однако сигнализация молчала. Он по мобильнику позвонил в диспетчерскую милиции. Приехал наряд. Блюстители порядка посмотрели на юриста, на машины и одновременно развели руками - в такую ситуацию никто из них не имел права вмешиваться. Игорь Михайлович снова набрал диспетчера с упреком мол, я просил ГИБДД, а мне прислали обычный наряд. Милиционеры уехали. Мужчина одиноко стоял между двух машин, постукивая нога об ногу. посматривая то на часы, то на окна дома. Оставалось только ждать. Оделась потеплей, спустилась на улицу. Все же хороша я в этом белом воздушном пухе платка и беличьей шубке. Румяная, статная, несмотря на живот; волна волос выбивается из-под платка, поблескивая рыжиной. Разношенных сапог в темноте не видно, зато удобно и надежно. Да, Егорушке повезло с мамочкой: красавица, рукодельница, вкусно готовит, на пианино играет, а стихов и песен знает столько, что никогда не будет скучно.

- Игорь Михайлович, как же вы теперь? Опаздываете?

За корюшкой (сентиментальная Камчатка)

- Да вот, заскочил домой, чтобы подарки захватить, и в ресторан - мы там сегодня всем отделом празднуем. И нежданно-негаданно такая незадача. Вы не помните, чье это место, на которое я встал? Моё было занято незнакомой машиной, думал припарковаться на минутку, а получилось, что могу опоздать на Новый год.
- Нет, не знаю, не помню. Все машины такие одинаковые, все праворульные внедорожники, так что различить можно только по номерам

Еще постояли, помолчали.

- Может, к нам? Паша должен скоро при-
- Да меня жена уже в ресторане ждет. А Паша где?
 - За корюшкой поехал.
 - Один?
- Почему один? Их там собралось человек пять. Да вы всех знаете, - начала перечислять тех, с кем муж отправился на подледный лов. Потом увлеклась и давай о Егорушке, что он любит, а от чего нос воротит; перешла на недавнее событие, заметив, что каблук все же сломала, что с удовольствием сняла макияж с лица и еще о всяких пустяках болтала и болтала, чтобы быстрее бежало время.
- Хотите, я расскажу вам об одном дне моей мамы? Ну, слушайте. Мама была беременна мной, и однажды ей захотелось вина. Беременность она переносила легко, никаких чрезмерных желаний у неё не было и вдруг - это. Ей хотелось не просто вина, а только одного, того, которое когда-то они в институтском сквере пили, отмечая день сдачи сессии. Вино маминой юности называлось «Белое крепкое». Его гнали из гнилых яблок, разливая в огромные, толстого стекла, бутылки. Ей хотелось именного этого хмельного, с гнильной, аромата. Но ни в гарнизонном магазине, ни в ларьке искомого вина не оказалось. На автобусе муж повез беременную в соседний поселок, но и там ни в одном магазине такого добра не нашлось. Один из завсегдатаев пивной поведал, что видел «Белое крепкое» в поселке за шесть километров отсюда, но туда нет ни автобуса, ни какого-либо другого транспорта. Получалось, что добраться можно только пешком. И они пошли. Мороз, метель, по заснеженной дороге рядом с молоденьким офицером еле бредет молодка на сносях. Вина вышли попить. Родители дошли, купили вина и, чуть передохнув, отправились обратно. Мама не утерпела и стала просить мужа открыть бутылку немедленно. Бутылка оказалась запечатанной сургучом, и отцу пришлось отбить ей горлышко. И жена, подставляя ладошку под льющееся вино, пачкая им рукав шубки, отпила большой глоток. Её тут же вырвало. Махнула рукой: «Можешь выливать».
- Как? И это всё? муж с досады швырнул бутылку в дерево, и она с жалобным звоном рассыпалась, роняя оранжевые капли на снег. Они посмотрели друг другу в глаза и начали смеяться. Сначала тихонько, а потом все сильнее и громче. Мама говорила, что пройдут века, но всегда где-то в снежной степи будут брести рядом мужчина и женщина, потому что любят друг друга.

Наконец, прибыли долгожданные. Приезд патруля ГИБДД так обрадовал, что впору было хлопнуть пробкой шампанского. Мы с Игорем Михайловичем изрядно продрогли. Инспектор вылез из машины:

- Вы чужое место заняли, вот вас и заперли. Я бы тоже вас запер.

Тут вступают беременные валторны:

- Господин инспектор, этот человек спас меня из ледяного плена, когда я, неосмотрительно надев сапоги на высоком каблуке, поскользнулась и чуть не упала. Он подхватил меня и донес буквально на руках до третьего этажа, а когда вышел из подъезда, то было уже поздно, его заперди и теперь он опаздывает на встречу Нового года с любимой девушкой...

Ну, и зачем я соврала? С девушкой? - удивился инспектор. - А вы

- Ну, да - вы. Я думал, что вы его жена.

- Нет, что вы. Игорь Михайлович -мой сосед и сотрудник моего мужа. А мой муж поехал с друзьями за корюшкой.

- За корюшкой? По такой погоде? Вы что же не слышали штормового предупреждения?

Егорка пнул пяткой в печень, я охнула. Игорь Михайлович мягко отодвинул меня в сторону, предъявил документы и начал говорить что-то о законодательстве. Я их уже не слушала. Поплелась к дому, развешивая застывающие сосульками слезы на оренбургских пушинках. «Паша, ты где, засранец? Там же шторм, льдину оторвет и унесет тебя в море». Ой, горюшко, горе! Я уже ревела, не стесняясь. Нет, не ропщу, а надеюсь и молю о милости Твоей: «Отче наш, Иже еси на Небесех!...

да будет воля Твоя...» Что для русского - умереть? О, не более, чем заснуть. Ибо жизнь ему - то тесна, то неслыханно широка, и ему потребны века для его короткого сна.

как инспектор тя пнул машину ногой, взвыла сигнализация. Из дома мне навстречу выбежала в модельных туфельках и распахнутой норковой шубке соседка. живушая двумя этажами выше. Неон заиграл на бриллиантах серег, на каких-то украшениях в волосах, на губах и лаке туфель. Она пронеслась мимо меня, даже не взглянув.

Завороженно возвращаюсь к инспектору и юристу. На них уже налетела моя соседка. Любопытство высушило слезы.

- В чем дело, молодые люди? Почему мешаете нам встречать Новый год? У меня гости, а вы тут хулиганите, ставите свой драндулет на моё место, а теперь еще и ногами мою машину пинаете. Нехорощо. Заставляете меня на морозе в

легкой обуви здесь с вами стоять. Хотите, чтобы я простудилась?

- Гражданка, отгоните, пожалуйста, машину, пусть товарищ выедет!

А если не отгоню?

Инспектор демонстративно оглядел дамочку с головы до ног тяжелым взглядом и смачно сплюнул густую слюну прямо подле лаковых треугольничков. Женщина, переменившись в лице, тут же села в машину и отогнала её не более чем метра на три. Игорю Михайловичу хватило и этого, чтобы выехать. И тут инспектор подходит к женщине за рулем и просит предъявить документы.

Какие документы?

Инспектор слегка поворачивает голову и косящим глазом чуть подмигивает мне. Прячу лицо в руках - я всё поняла, это представление разыгрывается для меня! Разобрался, что со штормом он прокололся и решил меня развеселить.

Такие документы: права, доверенность на

машину... - Да вы что! Я выскочила из-за стола, чтобы отогнать для вас свою машину, а вы..

Ах, так вы еще и пьяны!

- Я не пьяна! - взвизгнула жертва.

- Но вы же сами сказали, что вышли из-за стола, где уже начали празднование Нового года. значит, можно полагать, что вы уже выпили.
- Нет, я еще ничего не пила! уже кричала дама, наконец, поняв, что вляпалась,

Хорошо, что вы не пьяны. Ну, мы это проверим. А теперь, что с документами?

Льстиво улыбаясь, дама разохалась, что спешила, что забыла, что остыла на морозе и боится простудиться

- Т-а-а-а-а-к! - в голосе инспектора нескрываемое торжество, он обличает, он бичует.

- Вы управляли машиной без документов! Вот - у меня два свидетеля, что вы сели за руль без документов, - кивает на нас с Игорем Михайловичем, а мы с готовностью киваем в ответ. Злые слезы, брызнувшие из глаз, погасили недавнее негодова-
- Я сейчас крикну, мне в окошко выбросят
- Никаких окошек и криков. Отдавайте ключи от машины и идите за документами. Она уступила, отдала ключи и побрела к дому. Игорь Михайлович тронул мой локоть и тихонько шепнул, что пора сматываться.

Инспектор, мы вам еще нужны Бесстрастное лицо, только чертики в глазах бегают. - Никак нет, - спокойно ответил инспектор. - Если у Вас к нам претензий нет, можете уезжать

Сделала два шага. Пора. Да, пора. Я всего лишь занавесочка, за которой прячется тайна. Нет, эта поэтесса как-то иначе писала. Господи, господи, что со мной?! Почему забыла и стихи, и автора стихов, лишь крутится возле виска это сравнение с тонкой занавесочкой.

И путник, проснувшись, покинет жилище

И утренний ветер навстречу подует. И путника спросят: Чего же ты ищешь?

И путник ответит: Траву молодую.

- Йгорь Михайлович, вам, наверное, придется погодить в ресторан. Сначала меня в больницу. Кажется, началось. Юрист только

- Товарищ инспектор, пожалуйста, вот ключи, на третьем этаже лежат в письменном столе моя медицинская карта и паспорт, в квартире... а-а-а-аа-а-а-а... на столе стоят две бутылки шампанского. Одна - ваша. Выпейте его вместе с тем, кто вам дорог, чтоб всё у всех нас благополучно разрешилось. И у моей соседки тоже.

хотел - по газам, как я вспомнила о локументах.

Все закончилось так, как и должно было время довез меня до кричалки - палата такая специальная, где мы можем вволю покричать. Инспектор нашел мои локументы и привез их в больницу, а шторм прошел стороной.

Первого января Паша, ный и обветренный, заглядывал в мою палату на первом этаже, тряся пойманной рыбой. Открыла форточку и крикнула ему:

- Паша, я каблук на новых сапогах сломала,-

- Не плачь, я для тебя и Егорки корюшки поймал!

- А для Леночки? - Для какой Леночки?

У нас теперь еще и Леночка есть. Паша двойня у нас: Егорка и Леночка!

Так неразгаданны все, кто нем, все, кто огня сторонится, кто постоит и уйдет ни с чем, и, зарыдав, схоронится. Где, по какой жестокой цене Нами, людьми, покупается право прожить с травой наравне и ни в чем не раскаяться?

> Ольга СОТНИКОВА г. Харьков (Украина) Все стихи Светланы СЫРНЕВОЙ

Вопрос эксперту Рубрику ведёт Валерий Старовойтов

Заканчивается первый квартал после отмены единого социального налога, к чему готовиться малому предприятию?

Федеральный закон от 24.07.2009 212 «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» вступил в законную силу с 1 января 2010 г за исключением отлельных положений для которых предусмотрен иной порядок вступления в силу. Это означает, что с 2010 г. Единый социальный налог заменяется страховыми взносами на конкретные виды социального страхования.

Устанавливается порядок исчисления и уплаты страховых взносов в ПФР (на обязательное пенсионное страхование), ФСС РФ (на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством), ФФОМС и ТФОМС (на обязательное медицинское страхование). Определяются плательщики страховых взносов, объект обложения страховыми взносами, база для их начисления, тапифы, расчетный и отчетный периоды. Урегулирован порядок внесения изменений в расчёт по страховым взносам, а также порядок взыскания недоимки в случае неуплаты или неполной vплаты страховых взносов. В 2010 г. тарифы сохранятся в размерах действующих ставок ЕСН, применяемых к первому порогу регрессии. А вот с 2011 г. будут применяться следующие тарифы страховых взносов: в ПФР - 26%, в ФСС РФ - 2,9%, в ФФОМС - 2,1%; в ТФОМС - 3%. Та-ким образом, с 2011 г. фискальная нагрузка увеличится с 26% до 34% от фонда оплаты труда.

Для некоторых категорий плательщиков (с/х товаропроизводителей, резидентов техниковнедренческой особой экономической зоны, плательщиков ЕСХН, общественных организаций инвалидов и др.) предусмотрены пониженные тарифы страховых взносов в 2011-2014 гг.

База для начисления страховых взносов определяется в отношении каждого работника с начала года нарастающим итогом. Она не может превышать 415 тыс. руб. (эта сумма будет индексироваться). С сумм выплат, превышающих эту величину, страховые взносы взиматься не будут. При этом в базу для начисления страховых взносов не включаются пособия по безработице, по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, а также ряд других пособий.

ПФР, ФСС РФ и их территориальные органы наделены функцией по контролю за уплатой страховых взносов. Территориальные органы должны будут совместно проводить выездные проверки. На органы контроля возложена ответственность за убытки, причинённые плательщикам

При этом для Пенсионного фонда РФ ничего нового в функции администрирования нет. С 1991 по 2001 год Фонд уже занимался сбором страховых взносов. После введения ЕСН эта функция перешла к Федеральной налоговой службе. Сейчас сотрудники Пенсионного фонда готовы к тому, чтобы выполнять свои прежние задачи на более высоком качественном и технологическом уровне. Для работодателя это нововведение означает, что теперь он будет обязан сдавать отчётность по формам, которые утверждает Минздравсоцразвития России. Декларацию по страховым взносам в ПФР нужно будет представить в 2010-м за 2009 год в налоговые органы, которые по ним будут проводить камеральные проверки в сроки, установленные налоговым законодательством.

В территориальные органы ПФР отчётность по обязательному пенсионному и медицинскому страхованию организации будут сдавать по единой форме.

На семинарах часто задают вопрос о необходимости якобы перерегистрации и дополнительной регистрации в связи с новеллами закона и формах предоставления отчётности.

Нет, дополнительно регистрироваться не нужно. Плательщиками страховых взносов булут признаваться как организации, так и их обособленные подразделения, а также предприниматели, которые сейчас стоят на учете в Пенсионном фонде РФ в качестве страхователей.

В 2010 году компании, среднесписочная численность работников которых за предшествующий расчетный период превысит 100 человек, будут представлять расчёты в ПФР с использованием электронной цифровой подписи, в том числе по каналам связи. Это будет касаться и вновь созданных организаций, где численность работников превысит указанный предел. А с 2011 года отчётность в электронном виде с электронной цифровой подписью обязаны будут представлять организации с численностью работников 50 и более человек. Поэтому лучше оформить документы на подключение к электронному документообороту с ПФР сейчас, вне независимости от численности персонала.

Хочу также подчеркнуть для руководителей предприятий всех организационно-правовых форм, что за Пенсионным фондом закрепляются полномочия в большинстве своём аналогичные тем, которые есть сейчас у налоговых органов для взыскания ЕСН и других налогов. Например, они теперь могут взыскивать страховые взносы, пени и штрафы за счёт денежных средств, которые находятся на счетах плательщика, за счёт имущества.

Июнь <u>-Июль 2010</u> г.

Является ли Иоанн Богослов Богом...

«Между учёным и поэтом лежит извечно полоса: один пришел открыть законы, другой на жизнь открыть глаза».

А. Марков

В нашем издании часто печатались статьи о представлении мира в свете реализма. Давались правила и толкования, даже приводились примеры не только интерпретаций реальных исторических, социальных, экономических фактов космогонии, но и описание именно в этом ключе. Я знаю, как к таким материалам относятся представители разных культов верований, но и я, в свою очередь, не скрываю своего отношения к оккультизму любого рода.

Когда приверженцы оккультизма пытаются доказать, что ничего вредного в оккультизме нет, ничему плохому такие представители, дескать, не учат, что, мол, без веры человеку нельзя и так далее, то хочется понять, а что тогда понимают фанатичные оккультные распространители в космогонии?

Я убежден, что космогонические представления о мире, притом разных народов и этнографических групп, должны прийти к четким обоснованным и объективным понятиям. То есть не к оккультным таинствам, обрядам, спиритическим молитвам, рассказам о чудотворениях, а к доступному пониманию основ столпов и сводов космогонического представления мира. Если оккультизм завладевает человеческими душами, наполняя людей не знаниями, а мнимой верой, если делает людей приверженцами только их приоритетных культов, то лично я не вижу в этом и намека на Истину, на её познания.

Так же и оккультные представители, их адепты не могут видеть в подобных материалах истинного просвещения, но лишь потому, что я не являюсь их приверженцем и не одурманен их фанатичной верой.

Вера для меня - это обычная повседневность, а потому верить в сбыточность того, что я от кого-либо или от чего-либо ожидаю, я могу только за один день несколько раз в разное. Такова суть толкования веры. Иными словами, толкование веры может быть одно, но верить человек может в совершенно разную сбыточность событий, в некоего реального человека, либо верить в учения, которые основаны на четких правилах и фактах (притом без веры в приоритеты культов). Если люди верят в торжество добра и справедливости, но не признают приоритетов оккультизма, если они не занимаются спиритическими молитвами, а настраивают себя, пусть через самовнушения или через какие-то внешние влияния на благоразумие и добропорядочность в отношениях, притом сами поступают благоразумно и добропорядочно, то для меня такая вера – более живая вера, чем вера в некие фиксированные догмы или в некие мнимые воображения

Конечно, космогонические предания довольно сложны для понимания людей, у которых отсутствует объективность в различных отношениях и четких определениях. Ни одна оккультная организация не может представить четких обоснований даже по тем материалам, на которые она, якобы, опирается. Представители культовых верований заявляют, что именно их и только их писания являются точными и верными, именно их писаниями надо руководствоваться, так как другие писания не верны. Хотя сами признаются в том, что эти писания невозможно объяснить (и, стало быть, понять) человеку из-за несовершенства его ума.

Я не раз задавал конкретные вопросы представителям оккультизма и их адептам на темы, которые те с легкостью истолковывали и, практически много раз убеждался в том, что любой мой вопрос всегда приводил их к полному молчанию. а потом и к обвинению - после дачи (объяснения) мною же самим верных ответов

И пусть потом я буду выглядеть, как и мои оппоненты, но пока ещё представленные мною толкования (в четких соотношениях и правилах) не оспорены. Поэтому я ещё более уверен в своей правоте, чем если буду слепо верить в то, что мной же опровергнуто а другое доказано! Тем более, если мои ответы развеивают их одурманенность, которую они считали (считают) точной картиной мира или некоего факта и события.

Даже ответы на самые простые мои вопросы (которые они веками считали верными и посвоему рисовали-интерпретировали), на поверку оказываются бредовыми плодами воображений. Например, на вопрос, что же все-таки вкусили земной Адам с Евой (и что именно привело их к грехопадению)?

Веками представлялась картина вкушения Евой с яблони плода и передачи ею этого плода Адаму, а на яблоне изображался и биологический змей. Прекрасно понимаю, что если в тексте разговор идет о неких древах познания, где одно из них приволит от причастия к нему к грехопалению. то другое - к вечной жизни! Притом все это, дескать, происходит в некоемом возделанном саду... то достаточно сложно разобраться в этом. Однако тексты Ветхого и Нового Заветов не ограничивают никого в понимании и правильной интерпретации такого сюжета. Мною истолковывалось, что эти древа могут приводить души и других людей к грехопадению, как и, напротив, - к воскрешению Истинности, то, следовательно, эти «Древа» есть... люди с особыми рациональными сознаниями! Так тот же и Иисус соотносил себя... с древом Вечной Жизни! А, вкушая познания этого древа, душа... воскрешается в Жизнь Вечную!

Мною четко истолковано, что и под образом змея, как искусителя, так и мудрого, скрываются тоже люди. Я привел и здесь соотношение к змею как вознесенному в пустыне – Моисею как к Мудрому Змию, но который выводит души падших из мертвого царства.

И вот мне интересно, на каком же основании люди считают, что я не прав, а правы те, кто, обвиняя меня в неистинности, якобы даёт истинные толкования и представления таких картин? Разве Моисей написал в заповедях, мол, не вкушайте яблок? Может, есть яблоки - грех, и потому это стало символом к нелепому представлению? Скорей всего, такое соотношение было выдумано потому, что познание порока произошло... именно в саду, где, возможно, росли и яблони, как тогда уже возделанные культурные посадки. Я даже сталкиваюсь с тем, что на мои первые серьезные работы данного толкования оппонены заявляют, что, они это... знали и об этом известно давно! Но, если действительно всё это известно давно, то тогда чем же руководствуются люди, которые до сих пор верят в ложные картины и толкования? В чём же тогда пытаются обвинить меня, есди давно всё известно? А это, на самом деле - приписывание чужих работ другим лицам, присвоение себе чужих окрытий как собственных.

Прежде всего, эти люди руководствуются своей неосведомлённостью, а потому и неверной интерпретацией таких текстов, внушениями представителей культов верований, и, как следствие - и таких ложных реальностей. Хотя ложь есть то, что не существует, (а Истина – это Сущее), то и следует обозначать события реалиями. Лживые люди (их обманы) существуют, как и Истинное, и справедливое. Потому мной часто применяется слово «реальность» или «действительность», так как для меня несправедливая и нечестная реальность и её представители есть другой мир, отличный от истинной реальности и её представителей.

Конечно же, только для решения одного вопроса потребуется пересмотреть все принятые оппонентами догмы. Я считаю, что надо идти по пути решения и не обманываться самим, и не обманывать других. Поэтому мы ставим сложные для себя вопросы и отвечаем в своем издании на эти вопросы. А, как уже мною сказано, признают это наши оппоненты или нет, уже не столь важно, это уже есть догма!

Рассмотрим наш следующий вопрос и ответ на него: Иоанн Богослов является Богом или нет?

Мною выше отмечено, что для оккультных представителей и их фанатиков - адептов, такой вопрос тоже может казаться нелепым, т. к. ответ им кажется простым. Мол, конечно, нет! Так как Богом является Иисус Христос!

Я не упоминаю даже других представитекультов верований, а именно только тех, кто мнит себя истинно верующим в Иисуса Христа и в Его учение. Тех, которые мнят себя христианами, Его последователями и знающими Святые писания Ветхого и Нового Завета еврейской космогонии или Библии.

Итак, мы уже писали, что для одних людей является грехопадением, в том числе и на практике, познания, которые записаны в заповедях Моисея, и именно эти вожделенные познания вкусили земные Адам с Евой, а... не яблоки! Если Моисей олицетворял Мудрого Змия, который выводил падших евреев из ада, то есть из той падшей идеологии и бытия, которая установилась в Египте с приходом в доминанту линии Сета или Зла, т. е. он запрещал эту практику, а, следовательно, Змийсоблазнитель - человек, наоборот, разрешил им эти познания. Хотя Иисус говорил притчами о тех. кто собирает плоды с терновника, и тех, кто собирал с виноградной лозы, но он четко дал понять, что именно Он и есть Древо Вечной Жизни, а, вкушая Его просвещение, Душа обретает истинную наследственность к вечной жизни. Следовательно, порочные, несправедливые и лживые люди дают свое мировоззрение и вовлекают в порочные причастия других людей, а, вкушая такие познания и на практике подражая порочному, люди становятся смертными. Но биологически не следует об этом судить, об этом и другом в космогонии следует судить духовно. (Собственно, и бессмертность – это вовсе не означает, что некто биологически не умирает). Иисус называл себя виноградной лозой и садовником, пастухом и агнцем, дверью и хлебом, светом и дорогой, но он же называл не только началом, но и концом, мечом и воином, несущим смерть и разделение, суд и наказание. Потому деревья, как, впрочем, и змеи в описании, могут быть не просто тотемными или символическими обозначениями людей, но и соотноситься с ними метафорично и по признакам добра или зла, надеюсь, мною это уже ранее доказано в статье «На уроке химии ученики же не разыгрывают биографию

Вернемся же к тексту «Евангелие от Иоанна Богослова», где автор о себе говорит, что он не свет, но он пришел свидетельствовать об Истинном Свете, а послан он от Бога. Вроде, уже такое соотношение дает оккультным представителям считать, что даже сам Иоанн не причисляет себя к Свету, а Бог есть Свет, и нет в нём никакой тьмы, то уже этим сам же Иоанн и свидетельствует, что

он не Бог, а только Его посланник. Все было бы действительно просто, если бы не правила, которые утверждены Иисусом, то есть Богом, который и послал Иоанна. Правила же гласят, что не больше пославший посланного, т. е. принимая посланное как пославшего, только тогда вы приняли пославшего. Если вы не принимаете так посланное, то вы и не приняли так того, кто послал его. Думаю, в этом можно разобраться. Не принявшие Иоанна Богослова - Богом не приняли в реальности Богом и того, в кого они, якобы, веруют и которого считают своим Богом, т. е., пославшего его Иисуса Христа! Это правило. И всякий, оспаривающий это правило, пытается оспорить именно то, что утверждено Богом, притом Богом, в которого и которому он якобы верит.

Итак, во всем этом существуют как бы два основных противоречия. Первое - это то, что Иоанн Богослов - не Свет, а второе - позиции оккультных представителей, которые считают, что Бог - один, хотя они делают ударение на Его единство, но в реальности они думают, что Бог - один, а многобожие часто относят к язычеству.

Однако само толкование язычества претерпевало разные осмысления. Например, язычники - это не обрезанные по плоти люди, язычники - это люди-невежды, проще, не знающие, кому они служат. Последнее толкование я считаю более правильным и вот почему. Во-первых, именно просвещенный человек знает, откуда он пришел и кула илет, но когла лело касается луховности, а Лух дышит, где хочет, то в этом случае возникает полноценная крайность. Проще, возникает незнание, т. к. все в Духе и Дух во всем, следовательно, именно определение духовное и служит главным критерием о космогоническом мире. Во-вторых, даже, если речь идет о единстве Бога, то это единство относится только по признаку истинной благости, которая объединяет и Бога истинной славы, и Бога мудрости, и Бога милосердного, и так далее, но именно в истинном определении Духа! Так как, если есть группа хулиганов, то все это есть одно порочное единение, более того, к нечестивому можно отнести и людей скверных, жестоких, несправедливых, что уже входит в единство от бесов, и они тоже веруют в единое. Потому вера в единое не является критерием в неком определении, мол, это истинно верующие, а раз некто верует в различные ипостаси добра, то это – язычники, а не истинно верующие Тем более нельзя разделять так понятие о религии. А раз религия – это благочестие, то благочестие либо есть, либо его нет. Делить религию на многобожие и единобожие глупо, как и группировать верующих в некое единое, мол, это верующие в истинную религию, а верующих в многобожие, как верующих в языческую религию, тоже объединять нельзя! Просто если кто-то признает Иисуса Богом, то он так же признает и существование Его Отца - Богом, притом тоже почтёт Его за реального человека, обладающего Святым Духом, и передает Божье наследие. Принявшие истинно такое наследие обретают жизнь вечную, то есть становятся богами и чадами божьими. Если же это не признается, то все разговоры о веровании и наследиях - мнимые, то есть ложные, как и вся Библия теряет реальное понимание - Библия принимает тоже мнимые формы, что я лично считаю недопустимым! Следовательно, в полноценном модельном построении, по числовым соотношениям, один Бог или множество Божьих представителей - суть - единое Божье по определению добропорядочности и справедливой мудрости. А в другой полноценной модели могут быть представлены так: один порочный и легионы их, все - суть Бесовская. Бывают смешанные соотношения, где в тьме мракобесия есть истинные люди, несущие или хранящие благоразумие, а есть в благоразумном обществе тайные порочные люди. Собственно, это и есть объективизм, если еще учитывать равный баланс при соотношениях благого к непотребному.

Что же касается толкования того, почему же Иоанн не определяет себя Светом, то это следует понимать из контекста повествования. А из контекста понятно, что Иисус начал проповедывать и делать явно справедливые и благие веши только после того, как Он тайно воду превратил в вино. Однако после того, как Он был спасен от крестной смерти представителями «Тайного Ордена» и был переодет в садовника, Иисус опять стал являться тайным образом. Его не только Мария не узнала, но и Его же ученики не узнавали, которые шли с Ним рядом. Он явно стал появляться перед учениками только при закрытых дверях.

Четко написано, что люди тогда боялись в тотальной несправедливой и порочной системе говорить и делать справедливое и добропорядочное. т. к., по меньшей мере, они становились изгоями, и нал ними насмехались, их унижали: уничтожали. судили и побивали. Это даже напоминает современную российскую молодежную среду, где жутко даже просто находиться добропорядочному юноше или девушке. А взрослые пытаются оградить себя от вечерних встреч с такими порочными чадами и принимают законы комендантского часа в российских городах, как при военных положениях в стране. То есть, ничего сверхъестественного в таких писаниях нет, надо просто писания эти здраво понимать и соотносить с реалиями.

Из писания вилно: ученики Иисуса роптали, что, дескать, им приходится делать божьи дела тайно, мол, как же тогда их признают, как и Иисуса, божьими людьми? Понятно, что при господстве добропорядочности и справедливости порочное тоже делается тайно. Когда же это делается явно, то очень опасно говорить явно справедливое и пытаться делать потребное. Хотя можно это делать и даже голосить об этом, но всё будет как глас вопиющего в пустыне! Следовательно, если Иисус предстает Светом, а Свет - Иисус делал все явно и явным, то ученики не могли в таком контексте и соотношении обозначать себя Светом, что собственно, и признает Иоанн Богослов. Вот тут и следует применять еще одно правило, а именно, что все тайное будет явным. Даже большая заслуга у тех, кто, не видя (не понимая) доброго и явно справедливого, верует в то, что есть все же такие тайные люди которые помогают тоже тайным образом творить добро и справедливость, то к ним большое уважение. Когда же Иисус, по сути, до своей биологической смерти или, когда на горе в Галилеи при спустившемся облаке из тумана, отошел к Отцу, проще, - умер, то Его ученики уже тогда смогли вступить в Его истинное наследие и стали явно проповеловать то, что проповеловал Иисус и так же заключать Новый Завет с многими людьми. Сразу напомню, что никто не может вступать в наследие, если бы некто оставался биологически еще живым! Потому Иисус биологически умер на горе в Галилеи, но Он стал обитать Духом в своих учениках, и потому они, следуя уже Его учению, стали считаться наследниками! Проще, некий учитель передаёт познания, а принявшие это познание ученики являются наследниками учителя! Многих из них ожидала трагедии и смерть, но они несли в мир высокие идеалы морали и добропорядочности, бескорыстия и справедливости. Невозможно не признавать этого преображения и наследия, по меньшей мере, отрицать законы, провозглашенные Иисусом и Его учениками. Хотя есть четкое предостережение, мол, не слушайте тех, кто будет говорить, мол, вот он Бог втайне или явно! Я не обольщал и не обольщаю никого насчет современной реальности, а лишь истолковываю текст в сравнении с реальными примерами современности.

Как известно, Иоанн Богослов - один из всех, кто дожил свой век и не пострадал, как другие ученики, что ему и предрекал Иисус, но Иоанну так и пришлось оставаться в тайном образе Бога, которого понимающие в правилах космогонии должны были уже явно признать Богом! Однако пока только я один признал Иоанна Богослова Богом и получил от представителей культов верований только осуждение за, якобы, ересь. Однако для меня главным являются правила, а не слепые верования, по которым невозможно понять космогонический реализм, как невозможно и проверить (и понять) данные писания!

Можно и еще, конечно, же доказать полноценность Иоанна Богослова, как Бога, в том, что он не только Свет, но и Тьма. Хотя это трудно осознать человеку с классическими правилами языка, но порой синонимы могут в космогонии быть антонимами, а антонимы могут предстать как синонимы. Я приведу пример со Светом Ада и Истинным Светом чуть ниже, но в соотношении Иоанна Крестителя и Йисуса Христа, а пока обратим внимание на терминологию и факты.

Так говорится, что в Боге есть только «ДА», но многие у Него просят и не получают того, что просят, то есть Он им говорит: «НЕТ», но при этом Его «ДА» равнозначно добру. Наверное, должно быть понятным, что если некто попросил добропорядочного человека поучаствовать в плохих делах, или добрый человек запрещает участвовать в порочных делах, то такой запрет или «НЕТ» суть доброго дела. Это следует считать истинным незнанием и непричастием. Хотя всё это сложно уразуметь, но в таких случаях «НЕТ» и предстает как «ДА». Именно потому в Боге только «ДА» или только Истинный Свет, если божий человек делает истинное предназначение явно, как и тайно!

Если некие люди, прикидываясь добрыне только не запрещают несправедливость и обман, но и не наказывают за зло и пороки так, как того заслуживать должны воры и лжецы, даже оправдывают эти деяния, то их «ДА» - это Зло или то самое «НЕТ», так как в общем терминологическом ключе термин «НЕТ» соотносится к запрету, непутевости, недоброму и так далее. Итак, даже из этих полноценных соотношений Не свет Иоанна Богослова тоже можно интерпретировать как Свет, который он так же несет своеобразной тайнописью.

Четкое различие между Светом Ада и Истинным Светом, как между земными и небесными людьми (а в этом же и даются правила отличий духовной архитектуры Ада или Мертвого Царства, от реального Небесного Царства) - показано на примере Света Иоанна Крестителя и Света Иисуса Христа. Как известно, Иоанн Креститель освещал пусть с осуждением, но все порочное и низменное, жестокое и азартное в тех реалиях социального мира. Он призывал перестать кривить душой и быть порочными, умертвить порочное естество и быть готовым принять в очищенные сосуды возвышенные идеалы и начать делать бескорыстные и моральные поступки, которые впоследствии проповедовал и делал Иисус, которые могут принять истинно очищенные от порочного мировоззрения люди, как и очищенные от порочных поступков. Итак, по освещению, можно точно определять не только представителей реального Ада, но и небожителей как целые системы общественных государств. Именно освещение в общественном сознании или в человеке, как и его поступки, информационная среда в обществе или у человека могут давать точные определения людям и обществам. Притом, люди реально и представляют разные миры! Однако и в этом надо тоже иметь все четыре полноценные модельные построения, о чем нами уже писалось и даже приводились примеры. Также следует помнить, что с неумением человека моделировать термины, реальности в разные молельные построения невозможно даже объективно рассматривать тему и предмет исследования. А поэтому для таких людей космогонические реальности и писания будут всегда закрытой книгой, даже если они их будут знать наизусть! Пора бы уже признать и то, что именно

люди и являются богами или дьяволами, как величественное и Вселенское внешнее, так микроскопическое в проникновенности может вмещаться в людей и являться ими. Думаю, мы об этом еще поговорим.

Хотя вполне реально, что с некими ничтожными вечными червями зла –людьми, может близко находиться Царство Небесное и все Истинно Величественное - Человек! Порой рядом с малым истинным человеком может твориться вселенское зло, и так же добро и зло могут быть и в других масштабных соотношениях.

Сергей ПАШКОВ

Главы из повести «На берегах земного бытия...»

Нина Хитько (Пучкова) Окончила Уральский госуниверситет по специальности История искусств. Небольшие публикации в местной и центральной печати. Живёт в г.Уфе.

І. Конёк-Горбунок, Колобок и другие

Недавно на каком-то сайте совершенно случайно мой взгляд ухватил фамилию «Храмов». Рядом стояли инициалы: В.А. На фотографии - старик с окладистой бородой и острым, не по возрасту, взглядом светлых глаз.

Жаром обдало мне лицо, сбилось дыхание. Я не верила своим глазам: Валерий Александрович!

Прочитала текст. Оказалось, что после того, как мы ушли из школы, разлетевшись по разным вузам, а позже - городам, Валерий Александрович перешёл из нашей обычной десятилетки в специальную художественную. Работает там до сих пор, но только уже вахтёром. И бывшие ученики поздравляют его с восьмидесятипятилетием, желают здоровья, счастья и - ТВОРЧЕСКИХ СИЛ! До сих пор пишет картины и дарит их - школе..

Как многим я ему обязана, как обязаны ему все мы, не сознававшие тогла, какое счастье он подарил нам, своим наивным ученикам. Он научил нас ВИДЕТЬ МИР!

Боже мой, как это было давно! Давно. целую жизнь назал...

..В первом полугодии пятого класса рисовать и «изумляться прекрасному» нас учил Аркадий Аркадьевич. Высокий, в чёрном костюме для «цивильных» уроков, со странно бледным лицом и чёрными, как вороново крыло, волосами, учитель труда мучительно пытался заинтересовать галдящий класс причудливыми построениями на тусклой, - когда-то черной! - доске.

Кубы и параллелепипеды худо-бедно у нас получались, но с шарами и сопутствующими им окружностями возникали неизбежные проблемы.

«...Сначала он нарисовал на земле круг. Правда, круг вышел не очень-то ровный, но Додо сказал: «Правильность формы несущественна!..» - повторяла я про себя строчки из «Алисы...», закусывая нижнюю губу и в отчаянии стирая ластиком лишние линии.

Совершенной загадкой осталось объяснение, как нарисовать бидон для молока, старый алюминиевый бидон с деревянным цилиндриком на ручке

Мучительные совместные усилия Аркадия Аркальевича и класса в конце четверти преображались в журнале в пятёрки для всего класса.

Но ничто не вечно. Исчез вдруг из нашей жизни и из школы Аркадий Аркадьич. Вместо него зимним утром, когда рассвет чуть брезжил за школьными окнами, в класс - твердым шагомвошёл ОН, Валерьсаныч. Невысок, в распахнутом вороте синей куртки - тельняшка, брюки «клеш», широкий ремень с тяжёлой медной пряжкой, звенящий тенорок:

Внимание, класс! Встать! Внимание класс! Сесть! - выразительно покачав, роняет с руки на стол весомую связку ключей - где только набрал столько - в классе удивлённая тишина и внимание.

Обеспокоенно заерзали на последних партах второгодники.

Валерьсаныч, приохотив нас к карандашам и кисточкам, научил рисовать и научил любить сам процесс творчества. Многие из его vчеников, в том числе моих одноклассников, поступили в художественные учебные заведения, сохранив в памяти нехитрые уроки и неожиданные откровения:

- Вчера на этюдах был. Что за осень, что за осень! Понял, наконец, как березу осеннюю писать, чтобы небо сквозь листву было видно! Покажу, вот!

Довольно скоро появился в школе кружок рисования.

Через год к школьным новогодним утренникам и вечерам на все зимние каникулы было задумано превратить обширный вестибюль в Комнату Сказок: пусть сказочные герои встречают летей пришелщих на ёлку. На высоких фанерных шитах предполагалось изобразить всем знакомые персонажи.

Хорошо помню Колобка с Лисой - достались мне, Кота в сапогах, ... кто там ещё был? Ну, конечно же! Серый волк с Царевной на спине, Черномор под облаками с ухватившим его за бороду Русланом. А Конька-Горбунка, наиболее трудного по рисунку, живописал Йетя Чусовитин...

После уроков, перекусив бутербродами, под весёлым взглядом и ненавязчивым руководством учителя, разношерстный кружок любителей повозить кисточкой трудился над сложным заданием

Огромные фанерные щиты расставлены вдоль стен мастерской: на одних только лишь просыхает гуашевая грунтовка, на других по белому уже намечен рисунок, несколько шитов почти законченные - стоят в лальнем углу, ложидаясь завершающих штрихов самого «мастера».

В мастерской пахнет гуашью, мятным зубным порошком, который вместо белил добавляют в краски. Творческая атмосфера захватывает, увлекает, одаривает новыми ощущениями и радостью.

Неугомонный Валерьсаныч шутит, поправляет и направляет нетвердую руку ученика или ученицы, сыплет байками. Мурлычет под нос знакомые мотивчики.

Чутко уловив шаги директрисы Матильды Георгиевны и дождавшись, когда захлопнется за нею на тугой пружине входная дверь, Валерий Александрович, картинно встрепенувшись, не выпуская из руки палитры, откинув в сторону правую руку с кистью, мощным тенором выводит:

Кто мо-о-ожет сравниться с Мат-иильдой моей! - и далее по тексту о страданиях, которые несут влюбленному взгляды и смех красавицы. Надо сказать, реальная Матильда обладала статной фигурой и огненным взглядом чёрных очей под соболиными бровями.

- Роскошная женщина, - однажды задумчиво сказал мой папа, возвратившись с заседания родительского комитета. На что мама ничего не ответила.

Помню, что домой после кружка возвращаемся совсем поздно. Падает снежок, Петя молча несёт мой портфель.

Идти от школы до моего дома всего ничего - пять минут, а Петя пойлет дальше, по тихой улице, освещенной тусклыми лампочками уличных фонарей, в свете которых кружатся снежинки утихающего снегопада.

Неожиланно потеплело, и снег пол ногами совсем не скрипит, не то, что утром..

П. Олл бихайнд...

- Олл бихайнд энд олл ин зэ паст - память, память, ну что с ней делать? - в который раз заглядываю в словарь. - Упорство и труд - всё перетрут. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Делу время - потехе час. Учить язык - потеха или дело? Что важнее - окна вымыть или глаголы учить на старости лет?

И как не вспомнить: отбил же кто-то желание в молодости учить чужой язык или языки? Да, как тут не вспомнить...

Лина Ивановна, по всем признакам, детей, мягко говоря, не любила. Дойчефрау неопределенного возраста, с длинным странносерым лицом, серыми, по-старомодному, как-то очень затейливо зачесанными вверх и назад, волосами, вся в серо-бежевом вязаном, в чёрных на шнурках туфлях, смотрит на класс холодно и тускло. Взгляд жестко-равнодушный. Я просто леденею под ним. Кроме как - видерхолен зи битте - выдавить из себя ничего не могу. А ведь как хотела языку научиться. Все спрашивала тётю Эрику:

- Как это по-немецки? А это - как? - та отмахивалась, смеялась, - в школе научишься. Морген, морген, нур нихьт хойте, заген аллен фауль лёйте. Гутен морген, гутен таг..

В классе некоторые ученики, особенно мальчики, как-то умели противостоять брезгливой ненависти учительницы, а у меня не получалось.

- Испортит, испортит она мне аттестат, - а как быть? Мама не вникает в проблему, только сердится, что отметки плохие по языку, а что делать? - лумай, лумай.

Ничего я не придумала, чудом в аттестате четверку получила, да не в этом дело.

Всю жизнь жалела, что не научилась тому. что в жизни, по тем меркам и пригодиться-то не могло. Мама три языка знала, тётя Вера пофранцузски свободно изъяснялась, тётя Эрика немецкий своим вторым родным считала, папа на трёх языках, шутки ради, иной раз поздравительные адреса на Ученых советах читал, всяких там эсхилов на греческом мог к месту процитировать, а вот я безъязыкая.

 А хотелось бы хотелось. Бат нот ... увы. Нет Вас уже давно, Лина Ивановна, а помнит Вас бывшая Ваша ученица, да и не одна она, наверное. Как же так сумели Вы отбить охоту к языкам и постижению чужой культуры? Не сладострастие ли кривило Ваши губы. когла стояла перед Вами хрупкая левочка и с трудом преодолевая окостенение языка, переволила антифацистского солержания текст. для простоты выговаривая «концлагерь», чтобы не увязнуть в согласных, - на радость Вам, - в слове «кон-цент-ра-ци-он-ный». А Вы знали, видели, и властно требовали:

- Скажи слово полностью! - и класс неуверенно хихикал, радуясь мелкому унижению, - навечно упакована в наших генах память о публичных экзекуциях: в назидание и на потеху.

А не Ваша ли, случаем, сестрица в Университете скромно так на тёплом местечке по-

трудилась? Как славно будущим искусствоведам статейки переводить в газете «Нойес лейбен» - о визитах, встречах и проводах партийных боссов всех мастей и рангов? Без газетной лексики, что за жизнь образованному человеку, - не манная каша, не правда ли? А остальное - как вам угодно - преодолеете, мол, сами, если желание вдруг такое странное явится, - вам и словарь в

- Вот и преодолеваем - лучше поздно, чем никогда!

В обморок падали девочки в белых фартучках - и валерьянка спасти не могла, отбивая ещё сильнее память. А Вы скромно властвовали за экзаменационным столом, и в смущении опускала глаза сердобольная Надежда Евсеевна, соучаствуя в экзекуции, которая невинно называлась выпускными экзаменами. Где оно - доброе, вечное, - кто и где его сеял, не скажете?..

Что претерпела Ваша душа, Лина Ивановна, какие муки адовы прошла она, какое надломившее Вас испытание чёрным крылом накрыло Вашу жизнь, ранив сердце. За что - и кому мстили Вы по мере сил и возможностей? Тот ли объект выбрали?

III. Наша Бэлла...

Бэлла, Бэлла Казимировна одарила несколько выпусков старших классов трагической нелюбовью к литературе.

Во всей её фигуре была заметна некоторая дисгармония, повлёкшая, по-видимому, и дисгармонию душевную.

Плотные ноги и массивная нижняя часть тела странно сочетались с тонкой шеей и изящной удлинённой головкой с невыразимо прекрасными глазами брюлловских красавиц. Косенький миниатюрный ротик, с трудом скрывая неровные зубки, лёгкими усиками над вздёргивающейся верхней губой наводил на мысли о «маленькой княгине». Руки, чрезмерно длинные для невысокой фигурки, стиснуты в пухлые кулачки на уровне талии, как у оперной дивы, собравшейся взять безмерно долгое верхнее «ля».

Несчастным был класс, где она выполняла «обязаловку» - классное руководство. Не рискуя окончательно испортить отношения с классом, прибегала к уловке. Как только класс начинал проявлять первые признаки неповиновения, во время урока литературы в класс заходила завуч, по совместительству Бэллина матушка. Производился смотр внешнего вида. Выявлялись наманикюренные ногти, капроновые чулки, бигудишные кудри, накрашенные ресницы, попутно делались замечания мальчикам по поводу клетчатых рубашек и недостаточно коротко стриженых волос. Лак с ногтей предлагалось удалять здесь же с помощью лезвия бритвы - сами виноваты, кудри размачивались под краном в кабинете завуча. Там же смывалась косметика. Экзекуция. Бедные ученики долго никак не связывали свои прегрешения против Бэллы и ревизионные налёты завуча

Каждый урок литературы и русского, начинаясь с нравоучительных пассажей, переходящих постепенно в нечто истерично-визгливое, завершался изучением характеров героев и структуры произведений ни в чём не повинных классиков.

Пытка литературой иной раз сопровождалась курьезами. Испытывая непреодолимую страсть к комментированию текстов, Бэлла довольно странно их интерпретировала и, объясняя, например, изумленным школярам, что «недремлющий брегет», - ни что иное, как желудок известного героя, извещающий о наступлении обеденного «перерыва»: «Пора, мол, и домой!»

А «широкий боливар» - модная по тем временам широченная шинель на меху.

Дежурные походы в театр влекли за собой обсуждение в классе виденного спектакля. Было скучновато и неинтересно.

- Вы обратили внимание, ребята, как замечательно обыгрывается сцена с шалью? Какая замечательная находка - Кармен «раскидывает» зимировна, что я где-то далеко в своих мыслях,-Матвеева, что ты можешь сказать о декорациях, не правда ли, - следует подсказка, - они были превосходны?

Вздохнув, встаю и, захваченная врасплох: - Да, они всё время шатались, особенно когда она с шалью и с картами, я всё боялась, что упадут - мешали музыку слушать.

Класс не реагирует, - но тишина особенная. Бэлла поджимает губы:

- Садись! - и демонстративно не замечает меня на последующих обсуждениях - её возвышенные чувства грубо задеты.

Попытки учеников высказать на уроках собственную точку зрения и впечатления о тексте вызывали у Бэллы раздражение. Не раз в классе звучал строгий, наставительный голосок: - Я вам объясняла, и извольте отвечать

именно так! Смирившись, пишу сочинения, почти полностью «сдирая» текст с толстенных томов

Истории литературы, получая за безрадостный труд безрадостные пятерки. Так и осталось непонятным, как писать: Ленин - это человек с большой буквы или про-

сто - Человек? Мусор, мусор в голове. Нина ПУЧКОВА

Татьяна Кунилова

Моя работа не подразумевает лирикофилософских отступлений, хотя, несомненно, работа у меня творческая - я инженер, занимаюсь испытаниями авиационных двигателей. Стихи пишу временами...в минуты наи-

высшего эмоционального напряжения. Тогда стихи получаются более... пригод-

Восемь сорок, метро...

- Не спешила бы ты, не спешила, родная! Задержись на часок... - Не могу - опоздаю! А начальник - ты знаешь! и так ищет повод, Чтобы премию срезать,

а лучше - уволить... - Позвони, пообедаем вместе?

- Не знаю...

Позвони лучше ты... Все, пока! Убегаю!

На часах восемь тридцать. Толпа возле кассы. Эскалатор - как долго под землю спускаться! И - по левому краю вниз, к гремящим вагонам, Ты бежишь, извиняясь... Вьется шарфик зеленый, Каблучки по ступенькам в шуме цокот не слышен, Сумка бьет по бедру зонтик в ней явно лишний - Ах, простите! и боком мимо женщины в черном, Повстречавшись на миг с ее взглядом бездонным...

И впорхнула в вагон мотыльком невесомым... Вдруг замедлилось время... в отраженьи стекольном Позади – тот же взгляд... до чего ж обреченный! Закрываются двери за женщиной в черном...

О теракте в метро он узнал

лишь в двенадцать. Номер что-то никак не желал набираться... В сердца рваных толчках умирала надежда: Обещанья давая, выполняла их прежде! И не в силах понять, все выслушивал тупо: «Абонент недоступен... Абонент недоступен...»

Поседела береза за ночь

Поседела береза за ночь – Разлюбил ее вольный ветер. Ранил в сердце – и не заметил... Был – что голубь, стал – злобный сарыч.

Разлюбил – а какой был славный! Как ей ласково гладил косы, Осушал ей дыханьем слезы, Нес ей запахи разнотравья...

Как кружился над головою, Облачка собирая в кучу -Дождевую ей ладил тучу С цветомузыкой грозовою.

Как игриво играл ей скерцо, Как плясал веселые танцы! Не хотела она влюбляться. Но влюбилась в него всем сердцем

Незаметно промчалось лето, Повзрослел юный ветер, выстыл. Налетал он теперь со свистом, Гнул безжалостно руки-ветви...

Разлюбил ее вольный ветер... Поседела береза за ночь: Был – что голубь, стал – злобный сарыч, Погубил ее – не заметил...

;[†];Провинциальный Ф _У**ИНТЕЛЛИГЕНТ**

Михаил Тихонов

г.Костомукша

Полынь

Когда на сердце много боли, Друзей на помощь не зову. Я ухожу надолго в поле, Где ветер гнет полынь-траву.

Степь с тишиною повенчает, Откроет тайны неба синь. Меня баюкает-качает Седая горькая полынь.

И моя горечь каплей сгинет, Как будто в омуте бездонном, И только веточка полыни Останется в моей ладони...

Весенняя рапсодия

Ну почему мне так тревожно? Весна – что делаешь со мной? Как будто кто-то осторожно Провел по клавишам рукой.

Творя магическую мессу, Звучит торжественно орган! И, словно в храме поднебесном, Бушует звуков ураган.

Аккорд весны меня поднимет В предел заоблачных вершин, Где сам маэстро Паганини Смычком касается души.

Вот оно – Таинство Бессмертья! Летите прочь, оковы сна! Я на торжественном концерте, Где дирижирует Весна!

Разговор с душой

В моем тревожном полусне Душа восстала И тихо жаловалась мне: «Как я устала!

Мы, существуя, не живем, -Она сказала,-И в одиночестве твоем Я замерзала!

Страдала, маялась - ждала, Едва надеясь. Нет в одиночестве тепла! Я не согреюсь!

Но в эти солнечные дни – Дай полетаю! Меня пошире распахни, И я оттаю!»

В дремотном сказочном мирке Мне что-то снилось, И тихо-тихо по щеке Слеза скатилась.

Валентина Кравченко

Детям войны

Мы дети сурового времени, Мы родине с детства верны, Потомки великого племени, Мы дети труда и войны.

Земля полыхала от зарева, Пожары и взрывы кругом, Россию отцы защищали, А ветер рыдал за окном.

О тех, кто убит и замучен, На фронте, в плену и в тылу, Молчали угрюмые тучи, Сжимая рыданья волну.

Победа досталась не даром, Далась дорогою ценой, А тот, кто дошёл до Берлина, С победой вернулся домой.

Живём мы в иное столетье, И всех не запомнить имён, Желаем, чтоб помнили дети, Вы, внуки прошедших времён.

Лена Пархоменко

г.Костомукша

Скороговорка

Глухо гром загрохотал.
Глух глухарь на ухо стал.
Гуси громко гоготали,
Гошу слушаться не стали.
Гриша, Гошин старший брат,
Успокоил всех гусят.
Горсть гороха гусям дал,
Гром пугать их перестал.

Йогурт очень любят дети! Есть в нем фрукты для диеты, Есть для роста витамины, Есть бананы, апельсины.

Есть малина и черника, Есть и персик, голубика. Фрукты, ягоды, кефир Собрались на детский пир.

Аня Власенко

г.Костомукша

Есть много у меня желаний, Хочу, чтоб через много дней Ты после странствий и скитаний Увидел свет родных очей.

Чтоб смог найти свой тихий берег. Чтоб понял ты, где твой причал. Былой любви остался верен, Согрелся бы в её лучах.

И чтоб, когда наступит старость, Сказал бы ты, не пряча взор: «Жизнь мною прожита недаром -В душе любви горел костер».

Аниса Терентьева

г.Костомукша

Бегут года, бегут столетья, Кружит и вертится земля. То благодать, то лихолетье, То жизнь прямая, то петля.

Сменилась летопись эпохи, И Век двадцатый позади. И новы старческие охи Нас ожидают впереди.

Все повторяется в судьбине Уж чьих – то внуков и детей, И нас с тобой, возможно, кинет И в светлы ночи темных дней.

Татьяна Дунаф Представитель газеты «Пи 1» в п. Ледмозеро

Тавтология

На земле стало места мало, И как будто другая юность, Но не та... И глядит устало Неуютная неуютность... Разбежались круги по небу, От пера ускользнула строчка. Кто я? (Стать бы другою мне бы!) Одинокая одиночка. Почему-то все чаще снится Стая птиц над зеленым морем, И глаза твои, и ресницы, Обрамленные горьким горем. Под ногами осколки грусти, Зимний воздух на вкус, как пряность. И тебя, и меня отпустит Безымянная безымянность. А январский рассвет багряный Разгорается постепенно, Постучалась (жаль, слишком рано) К нам изменчивая измена. Ветер выл, разгоняя искры, Звонкий голос срывался хрипом... Развернувшись, ушел (так быстро!) Дверь вздыхала скрипучим скрипом, Падал снег. И теперь повсюду -Тишина и немая тщетность. Непохожая на простуду, Безответная безответность Не излечится. Все правдиво В этом мире чужом и пошлом! Научись уходить красиво, Оставляя все в прошлом, прошлом...

Письмо в прошлое

Разлил ноябрь оттепель по лужам, Целуя грусть в усталые виски, И ветер кашлял, холодом простужен, И снежные летели мотыльки.

Художница... Ненужными штрихами Марала холст из белых простыней. Луна играла в прятки с облаками, Смеялась. Знаешь, с неба все видней.

Вода в ладонях холодом сковалась, Укрыла мыслей горькую полынь. Истосковалась по тебе, истосковалась, И выплакала глаз соленых синь.

Перелистала книжные страницы, Лечила душу, глядя на огонь. И вот теперь, я знаю, вновь приснится В моей руке холодная ладонь.

Безумие! От вздоха и до крика, Разрывом сердца в замкнутой груди, Кричала, но, казалось, слишком тихо... Безмолвием рыдая: «Уходи!»

Февраль...Мне снова холодно и тесно, Болею и предчувствую беду. Но для тебя останусь просто песней, Что оборвать не смела на ходу.

Я для тебя останусь перезвоном, Улыбкой... Знаю, фото ты хранишь, Грустишь и помнишь номер телефона. Жаль, не судьба.

Будь счастлив, мой малыш.

Ситуация

-Как некстати, - думал Николай, - что футбол в субботу.

Он обещал Марине, что уж эти два выходных будет обязательно дома и погуляет с детьми. И вот, вместо футбола. Николай толкает одной рукой коляску, в которой годовалый Антошка, другой придерживает за воротник рубашки трехлетнего Сергуню, чтобы тот не лез близко к проходящим мимо машинам.

Мысли у Николая были не очень веселые: ноги сами собой несли его в сторону стадиона. Молодой папаша, пристроив детей к детворе, присоединился к сидевшим на скамье болельщикам и стал наблюдать за происходящим на футбольном поле. Шел первый тайм.

Мимо пробежал Санька:

- Георгиев, ты что не в форме?
- Да вот, Колька кивком головы указал на детей.
- A мы на тебя надеялись, произнес откуда-то подошедший Костя и предложил:
 - жуда-то подошедший Костя и предложил:
 Может, доверим детворе твоих па-

цанов? Защита, видишь, хромает?
Во втором тайме Николай заменил Юрку, стоявшего в защите. Страсти на футбольном поле накалялись: болельщики орали во все горло, а сами игроки не видели вокруг ничего, кроме своих ног и пятнистого мяча, который манил их за собой, увертыва-

ясь и дразня. Николаю нравилось, как их команда наказывала противника. Счет шел в пользу поселковых спортсменов, сбивая спесь с приезжих. Игра шла без особых нарушений, хотя в некоторых моментах была жестковата. Досталось и Кольке: от неудачного падения ныла нога. Локоть был разодран, и ссадина кровоточила. Но Николай этого и не замечал: перед глазами только мяч, мяч, мяч...Он думал о том, чтобы не упустить момент, дойти до ворот, и тогда гол будет обеспечен. Обводя соперников, он умело повел мяч вперед, но вдруг сквозь весь футбольный гам он услышал крик:

- Папа!

Колька резко остановился, выпуская из-под своей власти с таким трудом доставшийся ему мяч. Он увидел бегущего через поле Сергуньку:

- Черт! Ну что за жизнь. Такой шанс пропал! Ну, чего, чего ты сюда прибежал? А? – торопливо спрашивал он у сынишки.

- А я тебя нашел, произнес в ответ Сергуня.
- Ну, что мне теперь делать, думал Николай,- вот ситуация-то! А с поля к нему уже бежал Костя:
- Георгиев, чего канителишься? Время же идет!
- Слушай, Сергуня, будь человеком, посиди еще немного с Антошкой, а я быстро, я сейчас приду, уговаривал отец сына.
- Я к маме пойду, заупрямился мальчишка и побежал в сторону дороги. Николай рванулся было за ним, но тут увидел Марину.
- Ну, вот и ладушки! радостно хлопнул в ладоши Николай. И, не дожидаясь, когда подойдет жена, он развернулся и побежал на футбольное поле. Время поджимало, а оправдываться ему сейчас ничуть не хотелось.

Ольга БУРЫГИНА Представитель газеты «Пи 1» в п. Чупа

